

Рычков В.Д.

ЖИТЬ- это здорово!

СБОРНИК СТИХОВ

2021 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6кр
Р957

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии»

Рычков В.Д.

Р957 Жить- это здорово!: сборник стихов/ В.Д. Рычков.-
Улан-Удэ: НоваПринт, 2021.-216 с.-300 экз.

В.Д. Рычков, самодеятельный автор литературно-музыкального объединения им. И. К. Калашникова. Пишет стихи о малой родине - с.Тугнуй Мухоршибирского района. Его произведения посвящены природе, дорогим сердцу землякам, Владимир Рычков – человек активный, оптимистичный, любящий жизнь. его сборник так и называется «Жить – это здорово!».

ISBN 978-5-91121-366-4

©Рычков В.Д., 2021

Уважаемый читатель!

Не пойму, что нужнее мне больше,
И у жизни ищу я ответ, -
То ли зло, приносящее пользу,
Толь добро, приносящее вред.
Если даже глаза я прикрою,
Мир безбрежный стараясь понять,
Все равно, что в тумане рукою,
Лучик солнца на ощупь искать.
Если кто-то, набравшись терпенья,
До конца мои строчки прочтет,
Может быть, и к нему просветленье,
В душу тихо, незримо войдет...

*С уважением,
Владимир Рычков*

Тихая моя Родина...

Юбилею Тугнуя

Я прошлым не живу и вас не призываю
Но надо помнить об истории своей,
Все вехи своего родного края
Засохнет дерево, оставшись без корней.
Механизаторам, строителям, шофёрам,
Кто жизнь свою навек с землёй связал,
Дояркам, чабанам и комбайнёрам,
Всем тем, кто строил, а не разрушал.
Партийно-комсомольским активистам,
Всем ИТРовским по профилю спецам,
И всем ремонтникам, большим специалистам
Ну и, конечно, всем директорам.
Все, кто кормил, воспитывал и строил,
Трудился от темна и до темна,
Они как патриоты, как герои
В совхоз свои вписали имена.
Над степью тень парящего орлана
В визитной карточке родимой стороны,
Седой ковыль – ровесник Чингисхана,
Да аромат цветущей харганы.
Такою степь была в начале века,
Того, что канул в череду веков.
Здесь трудно было встретить человека,
Лишь дичь паслась средь конских косяков.
Дрофа степная, как императрица,
И свита от лисицы до блохи,
Не знали прежде, как растёт пшеница

Не знала степь ни плуга, ни сохи.
А ближе к лесу, в старые деревни,
Вре́мён Екатерининских гримас,
Когда сюда почти из всех губерний
Ссылали неугодных напоказ.
Ссылали непокорных староверцев,
Желавших старины не нарушать,
И были те, кто за Байкалом дверцу
Нашёл, чтобы от рабства убежать.
И здесь, уже на новом поселенье,
Уклад старинной жизни тот народ
И стыд, и совесть, и манеры поведенья
Сам прописал на много лет вперёд.
Лес корчевали с удалью ретивой,
Ведь вера в лучшее творила чудеса,
И пашни появлялись хлебной нивой,
Чуть потеснив дремучие леса.
А ближе к речкам огороды распахали,
Был огород кормильцем всей семьи,
Порой на репе и картошке выживали
И с верой в Господа все тяготы несли.
И ставили дома трудом артельным,
Секретами делились не тая,
А урожай уделом был семейным,
Там урожай, где мощная семья.
А с революцией семнадцатого года
Не только в центр, но и по краям
Пришли и равенство, и братство, и свобода,
Пришли с гражданской войною пополам.
Земля - крестьянам, фабрики – рабочим,
Как средство производства на века,
Звучало музыкой, не как-то, между прочим,
Как манифест, как красная строка.
И брат на брата, а отец на сына,
Такая заварилась кутерьма,

Устои рушились, всем управляла сила,
Такой была гражданская война.
Но лишь гражданскую войну остановили,
Кругом разруха, голод и разброд.
Как силы прогрессивные России
Наметили, как должен жить народ.
План ГОЭЛРО и планы пятилеток
Как часть индустриализации страны
На важных направлениях цепь отметок
Как курс на свет по выходу из тьмы.
И коллективный труд рожал героев –
Залог индустриализации страны,
Ведь шла она флажками новостроек
От тех морей до самой Колымы.
И строились по всей стране заводы,
Варилась сталь в мартеновских печах,
Страна Советов – общие невзгоды
Несла достойно на своих плечах.
И прав, конечно, был товарищ Сталин,
Когда задачей во главу угла
Он коллективизацию поставил,
Он знал, в чём мощь и сила большинства.
И волевым решением Совнаркома
Решён был стратегический вопрос:
Квадрат в районе северного склона
Был отведён под будущий совхоз.
Родился он весной в тридцать четвёртом,
Сам Агафонов первый кол забил
Мужик он был толковый и упёртый
Он больше делал, меньше говорил.
В верхах его совхоз «Эрдэм» назвали,
И лишь успели жизнь в него вдохнуть,
Как топоры на стройках застучали,
Своим трудом на верность присягнуть.
Из сёл Никольска, Хонхолоя, Подлопаток,

Из ближних и неближних деревень
Кто с топором-пилою, кто с лопатой,
Сюда народ стекался каждый день.
Шёл молодняк и шёл народ матёрый,
Порою шли советам вопреки,
Кто в трактористы, кто-то в комбайнёры,
А кто с мечтой водить грузовики.
Энтузиазм был на грани фола,
Ведь стройка шла под флагом Октября,
В селе в три дома появилась школа,
Хоть маленькая школа, но своя.
Совхоз, село и школа триедины,
Они кругом, куда ни повернись,
Как три фрагмента из одной картины,
Большой картины под названием «жизнь».
Учились все, и взрослые, и дети,
Для взрослых и ликбез и профнаём,
Учили их при керосинном свете,
Учёба ночью, а работа днём.
«Фордзон-Путиловец», и «Коммунар», и «АМО»,
Техреволюцией в совхозе в те года,
И коммунизм был по курсу прямо,
Все свято в это верили тогда.
Совхоз «Эрдэм», как часть большой России,
Всё то же от рожденья пережил,
Пахали, сеяли и жали, и косили,
Трудились вместе, не жалея сил.
Жилья на всех, конечно, не хватало,
В бараках и землянках жил народ,
Но с каждым днём всё что-то подрастало
Не только летом, строили весь год.
И рос совхоз, росло село родное,
Учились кадры азам мастерства,
Но тут война с фашистскою чумою
Всех мужиков в окопы унесла.

И чёрным вороном кружились похоронки,
И бабы падали, сознание потеряв,
Когда беда листком им очень тонким
Ложилась в руки, жизнь поломав.
Я назвать бы мог их поимённо
Всех наших, кто с врагами воевал.
И кто в тылу раздетый и голодный
Своим трудом отчизну защищал.
И дети малые, беды не понимая,
Просили хлеба у ревуших матерей,
И эти матери полынь судьбы глотая,
Вставали ради собственных детей.
И женщины и жали, и пахали,
И как могли растили ребятню,
Им до сих пор долги все не отдали
За эту самую проклятую войну.
На плечи детские в военном лихолетье
Лёг непосильный, тяжкий, взрослый труд
Теперь они давно уже не дети
Но их у нас детьми войны зовут.
И колоски те, собранные в поле,
И жмыха вкус, и тощий гаолян,
И ту учёбу в нетопленной школе,
Они всё помнят и расскажут нам.
Окончилась война, и возвращались
Фронтовики из дальних мест домой.
С войной они как будто распрощались,
Но долго ещё бредили войной.
У многих каждый день болели раны
Кто без ноги пришёл, кто без руки,
Но, стиснув зубы, словно партизаны,
Молчком трудились наши мужики.
Прошли сороковые тяжким грузом,
И время, раны чуть зарубцевав,
В пятидесятые перевалило дружно,

Развитию ускоренность придав.
И с новой силой стройки застучали.
Контроль партийный очень был суров,
Дет-ясли с клубом новые начали,
Да и с десятков новеньких домов.
За дисциплиной трудового класса
Контроль был очень строгий, я не скрою,
И опоздания, даже в четверть часа,
Судом карались, а порой тюрьмою.
Ещё товарищ Сталин был у власти,
Страна вперёд шагала на подъёме,
И курс страны к забрезжившему счастью
Был всеми утверждён и узаконен.
И гости частые в селе – пропагандисты
Программу партии конкретно объясняли,
В социализм всей страной чистой
Мы каждый день трудом своим шагали.
И чтобы с курса этого не сбиться,
Чтоб было, как и чем объекты строить,
Всем приходилось на ходу учиться,
Как лес возить и как его готовить.
И лес готовили в огромнейших объёмах,
Специальные бригады лес рубили,
Всю зиму жили вдалеке от дома,
А к посевной из леса выходили.
Вчера он был работник на поляне,
А день спустя вторгнулся в посевную,
Он и пахал, и сеял, как хозяин,
Во благо чуть подросшего Тугнуя.
В полсотни пятом крепкою рукою
Начата школа, радость и веселье
В полста седьмом ноябрьской порою
Мы в ней уже справляли новоселье.
Мы школе помогали, как умели,
И дранку били, и щепу таскали,

На школу заворуженно смотрели,
Такой красавицы ещё мы не видали.
Не просто строили, строители старались
Создать комфорт, ведь дело-то благое,
Мы после старой школы оказались,
Как во дворце, где царские покои.
Учились весело и дружбою гордились
Учителя нам всем друзьями стали
Но лишь окончив школу, спохватились,
Как многое без школы потеряли.
Не так давно той школы тоже нет,
И новая, быть, много краше,
Но школа та полсотни с лишним лет
Была выпускникам, как мама наша.
Ведь в долгожданном пятьдесят девятом
Из стен Тугнуйской школы в первый раз,
С волнением получая аттестаты,
В большую жизнь ушёл десятый класс.
И было их тогда уже семнадцать,
Линейка школьная на улице была,
И грустно было с ними расставаться
Тогдашним жителям тугнуйского села.
А в этот год, для школы юбилейный,
И многим он запомнится такой,
Всего лишь пять девчонок, к сожаленью,
Идут на выпуск пятьдесят шестой.
И новый клуб, лет на пять раньше школы,
Культурным досугом открыли для села
И в клубе сразу появились новосёлы,
Кино и хор, манившие сюда.
Агитбригада скоро в клубе появилась,
Вся боевая, с комсомольским огоньком,
И долго о ней слава разносилась,
Ей клуб, как мать, а вот отец – партком.
И о делах совхозных с глазу на глаз,

Порою каждую неделю про дела,
Она в частушках, песнях и рассказах
Была живой газетой для села.
И женсовет, лица не закрывая,
В работе был всегда самым собой,
Проблемы сельские из глаз не выпуская,
Он пьянству объявил смертельный бой.
А женщины какие в женсовете,
Им дело есть, пожалуй, до всего,
Такой вопрос, как взрослые и дети,
Почти всегда решался нелегко.
Но в женсовете равнодушных нету,
Всё то, что делали – от сердца, не ропща,
И написать про жизнь села в газету
Решали на советах сообща.
И матерям, по жизни одиночкам,
Имеющим детей, но мужа нет,
Просили место в садике досрочно,
Неутомимым был тот женсовет.
Детсад совхозный, от улыбок светлый,
Детишек в нём всегда побольше ста,
Весь коллектив сердечен и приветлив,
Рад открывать был новые места.
И в воспитании детишек дошкольном
Он по району в тройке лидеров ходил,
И все родители всегда были довольны,
Детсад кормил, доглядывал, учил.
А после Сталина Хрущёв строю правил,
Был очень энергичным, молодым,
Он в одночасье всю страну заставил
Растить маис квадратно-гнездовым.
А кукуруза, хоть изнеженной казалась,
Некоронованной царицею полей,
Но на заботу урожаем отзывалась,
Отзывчивой была к труду людей.

И наполнялись силосом траншеи,
Не вровень, а с большущим бугорком,
Коров кормили, силос не жалели,
В итоге всегда были с молоком.
Молоковозы строго ежедневно
Возили молоко на молзавод,
По качеству всегда он был отменный
Не зря его востребовал народ.
Хрущёв хотел Россию видеть первой,
Америку догнать и перегнать,
И был решительный, ну а сдавали нервы,
Мог и ботинком по трибуне постучать.
И блоку НАТО, когда очень раздражали,
Не уставая, он просил передавать,
Что если они нас введут в печали,
То мы им Кузькину тогда покажем мать.
И в это время же «Эрдэм» наш развивался,
И сеял по поднятой целине,
И весь технически перевооружался
А по-другому – был он точно на коне.
Ломились закрома от урожая
И радовали глаз травой луга,
Тогда гора родилась «Золотая»,
Дав урожай четыре тонны с га.
На редкость год тот вышел урожайный,
Сложилось всё – желание и труд,
Природа своевременно дождями
Была полям, как самый лучший друг.
Хлеб Родине был заповедью первой,
У хлебороба в голове, в крови,
Порой на грани срыва были нервы,
Когда хлеб сдать до срока не могли.
В совхозе стройке всякой были рады
Для нужд хозяйственных, а также для иных,
Больницу строили, какую было надо,

На тридцать с лишним коек для больных.
И свой роддом, в три коечки, уютный,
Детишки появлялись здесь на свет,
Заботились о людях не попутно,
Теперь того роддома больше нет.
Рабоче-профсоюзное движение,
Забота о совхозных матерях,
Курортно-санаторное лечение,
И детский отдых в летних лагерях.
И победители текущих пятилеток
По шерсти, мясу, по зерну и овощам,
Людским вниманием к себе были согреты,
И благодарны и наградам, и словам.
И каждый год уборочной страдою
Заканчивался круг забот совхозных,
И осень вся натянутой струною
Была лишь частью планов грандиозных.
Трудился весь совхозный коллектив,
Комбайны на полях не замолкали,
И комбайнёрский трудовой актив
Был первым на совхозном пьедестале.
Работали не просто дотемна,
Далёко за полночь комбайны грохотали,
И хоть уборка шла, а не война,
Но очень многие в страду не досыпали.
И в светлый праздник превращался миг,
Когда зерно из бункера рекою
Лилось в стоявший рядом грузовик,
И комбайнёр подобен был герою.
Профессий разных очень много есть,
Но хлебороб – почётней нет работы,
И прежде, чем кусочек хлеба съесть,
Хоть раз припомните крестьянские заботы.
И я хочу, как Миша Евдокимов,
Сказать, перефразируя слова,

Пусть хлеб стоит стеной непроходимой,
Поскольку хлеб всему есть голова.
Когда-то пчеловод Роман Логоза
Такие сформулировал слова:
Мол, если бы тут не было совхоза,
То не было б ни школы, ни села.
Ушёл совхоз дорогой в никуда,
Ушёл вдогонку за Советской властью,
Лишь в памяти остался навсегда
У тех, кто здесь своё построил счастье.
Село осталось, и оно живёт,
Работают и школа, и больница,
И каждый день в детсаде хоровод,
Детей и мам улыбчивые лица.
Я долгих лет желаю землякам,
Жить счастливо и очень интересно,
Чтоб много больше было у нас мам
И чтобы в школьных классах стало тесно.

Мухоршибирь

Простор полей – степная ширь
И два больших хребта,
Вот здесь моя Мухоршибирь
От ТУРа до Хилка.
Богата мясом и зерном,
Углю замены нет,
Мухоршибирь наш общий дом
Уж много-много лет.
Мухоршибирский наш район,
Один для нас, для всех,
Для многих стал, как космодром,
Чтоб стартовать наверх.
Здесь добрый трудится народ,

Любой здесь славен труд,
Шахтёр, строитель, скотовод
И земледельца чтут.
Мухоршибирь, родимый край
В Бурятии моей,
Живи, трудись и процветай
И становись сильнее!

Женщинам Тугнуя

Светлый праздник – день Восьмого марта,
Хочется про возраст позабыть
И любимым в качестве подарка
Песню о любимых подарить.
Мамы, жёны, бабушки, невесты–
Все у нас в Тугнуе хороши,
Каждая цветком в букете к месту,
Красота плюс нравственность души.
Русские, буряточки, карымки–
Лучше вас нигде нам не сыскать.
И всю жизнь с вами нам в обнимку
Суждено по жизни прошагать.
Для любимых слов мы не жалеем,
И не только в этот женский день,
Что-то дарим, любим и лелеем,
Прогоняем с лиц любимых тень.
Жёны верные, их ласковые руки,
Тёплый взгляд и добрые всегда,
Жизнь в лад и в доме нету скуки,
Женщина– хранитель очага.
Если даже искрой вспыхнет ссора,
Женщина, как в рот воды набрав,

Очень умно и довольно скоро
Всё загасит, слова не сказав.
В этот день, уже чуть-чуть весенний,
Когда в небо рвётся дух земли,
Вы от нас примите поздравленья,
Счастья вам, здоровья и любви.
Чтобы вы всегда были любимы
Тем единственным, кто очень дорог вам,
Помните, что он незаменимый,
И любим лишь тот, кто любит сам.

Труженикам тыла

Уж семьдесят прошло, как отгремела
Жестокая, кровавая война
У вас изранено с войны не только тело,
Душа страданиями до сих пор полна.
Война народная, все встали на защиту
Солдаты на фронтах, в тылу и стар и млад,
Не стёрся в памяти, он вовсе не забытый,
Совсем не детский ваш в победу вклад.
Вы труженики тыла – акт законный,
Ведь будучи совсем ещё детьми,
На плечи хрупкие взвалили труд огромный
И всю войну трудились, как могли.
Работали вы, рук не покладали,
Судьбой расставлены и всё своим трудом,
Растили хлеб, друг другу помогали,
И твёрдо верили в победу над врагом.
Пошли работать вы, детишки-непоседы,
Учёбу в школе вам пришлось остановить,
Ведь всё для фронта, только для Победы,

Вы так трудились, чтобы победить.
Недосыпали вы в войну, недоедали,
Паёк был скудный, впроголодь жилось,
Косили, сеяли и жали, и пахали,
Перетерпеть вам всё в войну пришлось.
Листком казённым прилетали похоронки,
И вы, кто потерял в войну родных,
Кричали голосом, по-детски очень тонким,
Да так, что волосы вставали у живых.
Своим трудом, здоровьем и терпеньем
Вы родине отдали всё сполна,
И годы детские все ваши, к сожалению,
Прошли без игр, не до них – война.
Война закончилась, победу вы дождались,
Но хлеб ещё по карточкам для всех,
И в вашей памяти навечно прописались
Тот хлебный вкус и первый детский смех.
Желаем вам и всем живущим
Не видеть ужасов войны,
Всем поколениям грядущим
Беречь хрустальность тишины.
Неся войны прошедшей бремя
И помня горестный тот быт,
Сумели нравственность сквозь время
Вы пронести, как совесть, стыд.
Помочь в беду попавшим людям
Спешите вы всегда для всех,
Так пусть же дом ваш полон будет,
Пускай звучит в нём громкий смех.
Чтоб счастьем беды все размыты,
Чтоб ваша жизнь шла без проблем,
И чтоб вы не были забыты
И никогда, да и никем.

Хлеб послевоенный

Пекарня старая в деревне,
В пекарне трое пекарей
Пекли нам хлеб послевоенный,
И не было его вкусней.
Он был по цвету очень чёрным –
Тогда мука такой была,
Но был с любовью испечённым –
Всегда поджаристы бока.
Горбушка матово блестела
Деликатесом для шпаны,
Слюна глотаться не хотела,
Когда на хлеб глядели мы.
Он не был никогда горелым,
Ведь только мастер печь топил,
Для пекарей был жизни делом,
А для людей всей жизнью был.
Несли мы хлеб домой горячим,
Прижав его к своей груди,
Как мать дитя, и не иначе,
Мы хлеб в то время берегли.
А дома в сборе, всей семьёю,
Ладонь подставив под кусок
Покруче хлеб посыпав солью,
Мы молча ели свой паёк.
И чем он меньше становился,
Тем был вкусней горбушки край,
Он нам, детишкам, часто снился –
Всегда огромный каравай.
А жизнь шла, года шагали,
И стало хлеба всем хватать,
Но люди вдруг другими стали,

В деньгах всё стали измерять.
Я убеждён, что хлеб насущный
Нельзя вообще ни с чем сравнить,
И хлеб в полях, стеною тучной
Нам нужно всем боготворить.
Желаю в жизни современной
Всем только мир и тишину,
И чтобы хлеб послевоенный
Есть не хотелось никому.

Тугнуйские соловьи

Два соловья сибирских под окном,
Нырнув в черёмухи цветущую безбрежность,
Поют взахлёб о чём-то о своём,
В коленцах пряча искреннюю нежность.
Не просто слушать их. Порою жаль
Того, что безвозвратно улетело,
Но гимн любви разгонит всю печаль,
Разгонит так, что встрепенётся тело.
И улыбнётся радостно душа,
Глядя на мир влюблёнными глазами,
Ведь жизнь так бесконечно хороша.
Всего лишь раз она дана нам с вами.
А мы пытаемся по жизни всё успеть,
Но что-то не успев, страдать не надо,
Не надо сразу хмуро в пол глядеть,
Улыбка в жизни лучшая награда.
И день и ночь соловушка поёт,
Боясь не высказать любовные признания,
И даже воробей раскроет рот,
Услышав соловьиные страдания.

Детство

Мы в детстве на Тугнуйку босыми
Купаться бегали не раз,
Теперь же к памяти с вопросами
Мы обращаемся подчас.
То детство вспомнить босоное,
Себя, друзей и отчий дом,
Тугнуй с просёлочной дорогою,
То «Лыску» с «Тимкиным бугром».
И память нам картинка светлая
О тех давно минувших днях,
Тугнуйка наша, ивы с вербами
Да краснотал на отмелях.
Там глаз Анюткиных разливы,
От ветра волны по цветам,
Мы рвём букеты торопливо,
Попутно хвастаясь друзьям.
И чей букет был всё же краше,
Доспорим там, на берегу,
Бежим туда, где место наше,
Срывая майки на бегу.
Залив, вода по грудь стоячая,
Пиявкам рай и благодать,
Вода от солнышка горячая –
Для ребятни родная мать.
Там водомерки длинноногие
Снуют повсюду и везде,
Они весь день, как кони строгие,
Куда-то мчатся по воде.
Скользят по зелени залива
На узких лодочках своих,
То вдруг замрут и горделиво

Глядят на тех, кто ниже их.
Там серой птахи трель в полёте
Звенит в лазурной вышине,
И муравьи весь день в заботе
Спешат с поклажей на спине.
Бегут, кто с травкой, кто с едою,
В свой муравейник – теремок,
Они живут одной семьёю
И всем дают большой урок.
Кружатся пчёлы над цветами,
Над клеверищем шмель гудит,
И жук с огромными усами
Из-под листка на нас глядит.
На мелководье рыба мелочь,
Гальяшки – спичка пополам,
С утра им дома не сиделось,
Они приплыли ближе к нам.
Чуть-чуть зарытые в песочек,
Вьюны лежат на самом дне,
А тина им бока щекочет,
И мягко гладит по спине.
В воде мальков большая стая,
От них по дну сплошная тень,
Они, друг друга догоняя,
Нас развлекают целый день.
А на песочке очень влажном
У речки, там, где нет кустов,
Два куличка шагают важно,
Рисуя крестики следов.
И клювом длинным, как щипцами,
Себе в воде еду поймав,
Съедят, красуясь перед нами,
До неба голову задрав.
И трясогузка с ними рядом
Рисует на песке свой след,

То головой трясёт, то задом,
То ловит мошек на обед.
То червячка, да пожирнее,
Поймав себе, забросит в рот,
Но весь улов, всего скорее,
Своим детишкам унесёт.
В воде камыш сплошной стеною,
В нём кто-то скрылся от жары,
Быть может, уточка с семьёю,
А может, злые комары.
Стрекозы с глазками навывкате
Над камышом висят с утра,
А мы, от дыма слёзы выплавав,
Сидим, пригревшись у костра.
В костре резина – копоть, сажа,
И мы, как стайка поросят,
Но нам приятно, очень даже
Сидеть с друзьями просто так.
Сидим-молчим, Чапая вспомним,
А вспомнив, – спор начнём большой
Вдруг среди спора кто-то охнет,
Попав в костёр ногой босой.
Мы, бросив спор, и всей гурьбою
Начнём товарища лечить –
То натирать ожог травой,
То самого водой мочить.
То на живот его положим
И ногу кверху задерём
То от волнения быть может
Крапивой зад ему прижжём.
Не долечась, и скрючив ногу
Больной от нас в залив прыжком.
Мы не в обиде, Слава Богу
Мы тоже в воду, за дружкой.
А мы купаемся, сколь сможем,

И не вылазим из воды,
Пока нас всех гусиной кожей
Не стянет вплоть до синевы.
Тогда к костру, трясясь в ознобе,
Набросим майку как-нибудь,
И грея руки, грея ноги,
Захочем хлеба хоть чуть-чуть.
И не беда, что хлеба нету,
Мы кислый щавель поедим,
Сжуём со вкусом чью-то репу,
И снова в воду, как один.
А ближе к вечеру, к закату,
Пацан какой-то, сам не свой,
О доме вспомнив виновато,
Вдруг закричит: «Пора домой!»
Мы, натянув потуже кепки,
И строго – кондырем назад,
Бежим тропой от зноя крепкой
Всё той же стайкой поросят.
Бежим босыми, и до крови
Тропа нам ноги обдерёт,
Бежим, и детство с нами вровень
Весь день от нас не отстаёт.

Лето

Зимою, в бане моясь жаркой
И глядя в банное окно,
Вдруг вспомнил лето, стало жалко,
Что быстро кончилось оно.
Припомнил речку, где спасались
Мы от полуденной жары,

И в воду часто окунались
Чтоб не кусали комары.
Лишь только тронет увядание
На грядке огуречной лист,
На «Минске» едем на купание,
Везёт Антон, мотоциклист.
Он за рулём, я просто сзади,
Ну а за мною, как всегда,
Или Максимка, или Владя
Сидят Антошкины друзья.
Дорога, в общем, неплохая,
По ней мы ездили не раз,
Прохлада манит нас речная,
Антон спешит и крутит газ.
И там, где омут притаился
С водой прохладною на дне,
Антон мальцом нырять учился
И под водою плыл ко мне.
Там, за извилиной речною,
Антон кричал: « Деда, смотри,
К тебе плыть буду под водою
А ты считай мне – раз-два-три!»
И я считаю, но сбиваюсь,
Друзья считать мне не дают,
То с шумом в воду окунаясь,
То паутов с оттяжкой бьют.
Над речкой смех, веселье, крики,
Брызг разноцветное литье,
И на воде от солнца блики
И комариное нытьё.
Цветенье трав под жарким солнцем,
И кузнецов нестройный хор,
За банным стареньким оконцем
Смотрю зиме наперекор.

Сенокос

Мы косим сено у реки, где по люцерне васильки,
А косим возле самой Хонхолойки,
Люцерна пахнет мёдом там, как третьегодичный «Агдам»,
Цветёт и пахнет, будто жизнь до перестройки.
Там клевер красный пышно цвёл, на землю тень ронял орёл,
А мы от пота соленее, чем селёдка,
Несётся микрик «Истана» по трассе, словно сатана,
И машет нам из микрика красотка.
Она, дугою выгнув бровь, к себе нас манит, на любовь,
Такая вся, в открытом варианте,
У нас душа где-то внутри, устав от яростной жары,
Звенит пустой посудой в серванте.
А комары пьют нашу кровь, какая, к чёрту, тут любовь,
И раздеваться догола – нет хуже лиха,
Иди - ка, микрик, ты туда, куда не ходят поезда,
И не мешай косить крестьянину, чувиха.
По рюмке выпьем мы вина, друг другу скажем – иди на...
Хотя туда идти нам неохота,
И снова косим сено мы – бурёнкам корм для зимы,
Такая вот крестьянская работа.

Комбайн

Напротив дома, недалеко, за дорогой,
Меж двух высоких и красивых тополей
Лет семь стоял комбайн недотрогой,
А нынче обокрал его злодей.
Ушёл пускач, а с ним коллектор и турбина,

Ушли, скорей всего, в полночный час,
Нехилая, видать, была детина,
Железа столь упёршая зараз.
Я думал, если б Феликс встал железный,
Сумел б сберечь нас от воров и от бомжей?
И понимал, что всё вставанье бесполезно,
Вся Русь в решётках нижних этажей.
Крутые под усиленной охраной,
И гнёздышки их где-то там, в выси,
И трезвый Горбачёв, и Ельцин пьяный,
Вот ваша демократия в Руси.
Китайцам – древесину с металлоломом,
Верхам – навар, низам – чуть-чуть шули,
В России что ни блин, то только комом,
Ни дня прожить, чтоб нас не обвели.

Тугнуй

Ветер листья жёлтые гонит по дороге,
От стриптиза осени я всегда грущу,
На листву хрустящую робко ставлю ноги
И глазами в хмуром небе журавлей ищу.
Я прощаюсь с летом, вслед ему тоскую,
Хочется побольше летнего тепла,
Для меня на свете нет милей Тугнуя,
Потому что Родина, как и мать, одна.

Вступление в жизнь

В далёком том, году шестьдесят пятом,
Работать после школы я пошёл,
Штурвальным был назначен я к Потапу,
Меня к нему направил комсомол.
В то время комсомол мы уважали,
И хоть я своё мнение имел,
Пошёл туда, куда меня послали,
И никогда об этом не жалел.
И вот уже стою я на комбайне,
Комбайн старый, имени вождя,
На редкость год тот вышел урожайным,
Наверно, много выпало дождя...
На «Сталинце» мы силос убирали,
Илья комбайн на «ДТ» таскал,
Потапу самоходку вскоре дали,
А мы с Ильёй косили хлеб на свал.
Куда ни глянь – колосья налитые,
Блестят на солнце планки мотовил,
Я даже не слыхал слова крутые,
Когда с открытым ртом штурвал крутил.
Потом я жал хлеба с Бадмою, Гришей
На новой самоходке «СК-3»,
И с той поры под кепкой, как под крышей,
Во мне звучит напев родной земли.
Мы жали и Ижевского ругали
За то, что перестройкой всех достал,
И в спину ему маты смачно клали,
А дядя Яша чуть его не сжал.
Ведь Яков был, Филиппыч, не упрямец,
Большим фанатом он в работе был,
Он мог любого обозвать засранцем,

За то, что тот уборку не любил.
Какие всё же были комбайнёры,
И с той плеяды русских мужиков
Встречались крикуны и бузотёры,
Но не было среди них дураков.
Два месяца уборки отшумели
До самых, до ноябрьских холодов,
И до сих пор те страдные недели
Во сне с меня сгоняют сто потов.

За черемшой

Мы едем в Харьястку, дорога не очень –
То камни, то грязь, то ольха вдоль обочин,
Уазик козлом по ухабам вприскокку,
То с камня на камень, то с кочки на кочку.
Ольха по машине ветвями скребёт,
Смотреть не даёт нам ни в бок, ни вперёд.
Мы едем в Харьястку нарвать черемшицы,
Попить родниковой, холодной водицы,
Вина, веселее была чтоб беседа,
Попить, кто сколь сможет, во время обеда.
Как в кузове тряско – вдруг кто-то сказал,
Но сколь мы не ехали – вот он, привал.
Полянка, как чудо, берёзки – невесты,
Скажу по секрету – прекрасное место.
Вон там, недалёко, в берёзку влюблённый,
Шумит родничок, меж корней обнажённых.
По склонам жарки полыхают пожаром,
И всё, что здесь есть, нам дано Божьим даром.
Здесь кедры стоят одиноко и кучно,
Мы рвём черемшу и пучком, и поштучно.

А воздух пропитан смолой и хвоею,
И пахнет какой - то лесной добротой,
Нарвав черемши, и с отвисшей сумой
На табор шагаем звериной тропой.
Дымок от костра над полянкой струится,
У нас от жары разомлевшие лица.
Вот столик-скамейка, на камне Абрамыч,
Чуть-чуть наискось на траву сел Найданыч,
Тут я, там Георгий, Грязнов, рядом Коля,
В торце Алексей, вот всё наше застолье.
Бутылочку красной с Найданычем пьём,
И тихо, спокойно беседу ведём.
То вспомним охоту, охотились много,
Столь лет одна нас водила дорога,
То вспомним работу, ну как позабыть?
Ведь что-то нам вместе пришлось пережить...
А Коля с Георгием спорят до хрипа,
И Лёшка им вторит с забористым криком.
Потом, успокоясь, из кружки пригубят,
Деревь в лесу очень крика не любят.
На кедры смотря, улыбнутся счастливо,
И дружно промолвят: «Здесь очень красиво!»
Не хлебом единым – душа просит песню,
Абрамыча спеть просим дружно, все вместе.
Абрамыч поёт и улыбкой светлеет,
И в песне своей он рябину жалеет.
Ещё за рябиной поёт песню он,
Свой очень любимый «Малиновый звон».
И звон этот, правда, умноженный эхом,
Летит по тайге очень радостным смехом.
Потом пел Найданыч, напев был старинный,
Мы сразу поняли – поёт о «Нарыне».
Поёт свою песню о крае родимом,
С которым он связан навек пуповиной.
Пел песню и я, в песне с моху болота,

Но слушали те, кому слушать охота.
И спел я про то, как живём мы на свете,
Как дороги нам наши внуки и дети,
Как внукам и детям мы счастья желаем
И снова по кружкам вино разливаем.
Хороший был день и хорошие люди,
И день этот вряд ли когда мы забудем.

Тишина да туман над водою...

Тишина да туман над водою,
Тихо нудится сонный комар,
Только память, не зная покоя,
Ищет в прошлом лечебный нектар.
Перед речкой покос не начатый,
На траве серебрится роса,
И поют где-то песни девчата,
И несёт ветер их голоса.
На покосе девчата с граблями,
Не покос, а цветной сарафан,
Да и парни здесь все женихами
Где девчата – всегда шум и гам.
И скирдуются сено, как надо,
И встаёт за зародом зарод,
Старикам сенокосье - отрада,
Ведь добреет в работе народ.
Возим копны шажком и трусцою,
Кто быстрее заработает – втык,
Ведь за всей копновозной гурьбою
Смотрит строго Терёха Дырдык.
Не ругайся Терентий Савельич,
Не мешай косарям отдыхать.

Он небритой щекой пошевелит,
Скажет: «Ладно, в Дырдык, твою мать».
Искупайте коней, напоите,
А потом попасите часок,
Не мордуйте коней, берегите,
Бросит всё же нам в спину упрёк.
Если жизнь эту с той вы сравните,
Станет вам тот наказ всё ясней,
Берегите коней, берегите,
Берегите рабочих коней.
Лишь туман над Тугнуйкою встанет,
Всё в мираж превращая вокруг,
В нашей памяти, словно в тумане,
Кони вплавь через речку пойдут.
Время – словно туман над водою,
Жизнь – это года чередой,
Когда трудно, нам память с тобою
Лечит души живою водой.

Столяра

Совхоз «Эрдэм», участок первый,
Столярка, кузня, МТМ,
Десятка три домов, наверно,
Да конный двор, чуть в стороне.
К колодцу торная дорога,
Да не одна, а сразу три,
Там, как индейская пирога,
Комяга с зеленью внутри.
И кони там, на водопое,
Воду холодную цедят
И тину нижнею губою

На дне комяги шевелят.
А тина, будто бы живая,
То ласково к губе прильнёт,
То, засмуцавшись, убегая,
Зелёной змейкой промелькнёт.
Увидев змейку, кони вздрогнут,
И не закончив водопой,
Чуть суетясь, ногами топнут,
Всхрапнут поднятой головой.
А конюх им, как символ власти,
В сердцах большой покажет кнут,
И кони, все забыв напасти,
Опять со вкусом воду пьют.
Из губ коней в комягу звучно,
Игриво выбивая трель,
То ручейком, а то поштучно
Летит жемчужная капель.
Напившись, кони убегают,
По ветру гривы распустив,
Вода в комяге замирает,
От неподвижности застыв.
Через дорогу от колодца,
Там, где ограда на излом,
Стоят строенья, как придётся,
Темнея старым горбылём.
Навес, домишко да сарай –
Всё то, что нужно столярам,
Ограда есть, но небольшая,
В углу, за бочкой, старый хлам.
А вход в домишко – две ступеньки,
Широкие, под стать годам,
Вокруг крапива да репейник,
Кусты полыни по углам.
Пропахший горечью осины
И стойким запахом весны,

Сарайчик в сетях паутины
С иконным ликом старины.
Телеги, сани да колёса
Лежат в сарае, к ряду ряд,
Берёзок старые затёсы
Хранят таёжный аромат.
Мы здесь играть любили в прятки,
Блюдя свой детский уговор,
И часто смазывали пятки,
Несясь стремглав на конный двор.
А столяра нам вслед кричали
Незлобно что-то сквозь окно,
За это мы их уважали,
Но убегали всё равно.
В столярку домик превратился
Тому назад уж сколь годов,
И здесь столярничать учился
Ефим Васильич Пирогов.
С ним рядом Селиверст Васильев,
Его Силантием зовут,
Мужик большой, к тому же в силе,
Он дуги гнёт, как детский лук.
Загнёт дугу и улыбнётся,
«Ефим, смотри» – промолвит он,
Ефим Васильич обернётся
И скажет: «Эка ты силён!»
Силантий, похвалой смущённый,
Ведь хвалят-то не каждый день,
Полозья к саням увлечённо
Гнёт, словно прутья на плетень.
Весь день строгают, пилят, гладят,
Выводят колеса канву,
То к посевной бочонки ладят,
То бригадиру кошеву.
И циркулярка, как гармошка

На все лады весь день поёт,
Открыв на улицу окошко,
Бруски из досок пилят впрок.
Брусков напилят сколько надо,
Когда закончат – перечтут,
Потом в сарай в конце ограды
Их по - хозяйски приберут.
То грабли, сотни три, не меньше,
К страде покосной им не в труд,
Потом, жалея руки женщин,
Наждачной шкуркой грабли трут.
Весь день стучат неторопливо
Без табака, без матерка,
И не особо говорливы
Два наших русских мужика.
Любовь к труду, к односельчанам,
Заботы о своей семье.
В то время были, как ни странно,
В любой крестьянской голове.
Теперь же нарко-алкогольный
Россию поглотил туман.
И кто же крикнет: всё, довольно,
Страну в обиду я не дам!
Мол, буду я как Лукашенко
Вести борьбу с тягчайшим злом,
Как Уго Чавес встану стенкой
Между народом и зельём.
И не дрожащими руками,
Кого к ногтю, кого в разнос,
Но вместо дела на нас с вами
Словесный сыпется понос.
Ну, а деревня свитой малой
Редееет свита, день и ночь.
Кричит, что водка задолбала
И просит как -то ей помочь.

В ответ советы нам с экрана
От тех, кто знает всё и вся,
Звучат, как музыка баяна
То ли отчёт, то ли тусня...
И больше часа с половиной
На все вопросы есть ответ
Суть – все чиновники безвинны
Виновен наш менталитет.
И цифирь сыплется удало
Мол, тут вот так, а там вообще,
И мы поймём, но запоздало,
Что уши все у нас в лапше.
И как-то думаешь невольно,
Зачем всё это и к чему?
И за народ России больно,
Ведь нам не всё по кочану...

Брянка

Мы вспоминаем сёла малые,
Когда нам вспомнить их велят,
Но наши вздохи запоздалые
Тех сёл, увы, не оживят.
Сколь их в России позаброшено
С гримасой боли на лице,
Где снегом с пылью запорошена
Печаль на стареньком крыльце.
Кругом полынь – трава забвения,
Лишь только в памяти живёт
То наше старое селение,
Где жизнь размеренно идёт.
Стоят дома, друг к другу жмутся,
Детишки, речку перекрыв,
Купаясь, плещутся, смеются,

Про всё на свете позабыв.
И рядом с ними я купался,
Вода – парное молоко,
Как все кричал, как все смеялся,
Нас было слышно далеко.
Потуже майки нам завяжут –
Ловить гальян да пескарей,
Мы ловим там, где нам покажут,
Покажут те, кто пошустрей.
В стеклянной банке стая рыбок
Глядим на них через стекло
И день светлеет от улыбок
И нам от этого тепло.
Глядим картину в сельском клубе,
Кто на полу, кто меж рядов,
А там Чапаев в бурке-шубе
Кромсает саблю врагов.
После картины долго спорим –
Чапаев жив или утонул,
И кто не сдержан в разговоре,
Поймёт, что лишнее сболтнул.
Потом домой бежим гурьбою,
Роса нам ноги холодит,
А по-за Брянкой, под горою,
В болоте страшно стонет выпь.
Оно ещё пока живое,-
Село внизу под Кашкаргой,
И вряд ли тайну я открою,
О том, как хочется домой.
Пройти по улице песчаной,
Всем встречным «Здравствуйте!» сказать,
И им, моим односельчанам,
Всерьёз здоровья пожелать.
А с дядей Гошей Корнаковым,
Смеясь, минутку постоять,

Послушать опыта былого,
И на заметку что-то взять.
Антон Ильич пасёт отару,
И в поводу ведёт коня,
С хитринкой взгляд,
Всегда лукавый,
«Ты чей?» – он спросит у меня.
И я скажу, что я Бурлаков,
Живу вон там, где мокрый луг,
«Ты, парень, Петькин сын, однако»,
Продолжит он – «Фиёхин внук».
Я внук Фиёхин, знает каждый,
Он моего отца отец,
Он от волков зимой однажды
В степи глухой спасал овец.
Вот Иннокентий Александрыч,
Он луговодом много лет
Растит траву в Мухоршибирке,
И равных в этом ему нет.
Неспешно мне навстречу едет,
И с незапамятных времён
Везде успеет на телеге
Сам бригадир и агроном.
Его зовём мы дядя Гоша,
Он фронтовик, был на войне,
Всегда с улыбкою хорошей
И на работе, и в семье.
Вот Братенькова тётя Надя
Идёт с телятника домой,
Идёт домой, под ноги глядя,
По кочкам с жухлою травой.
И в дождь и в снег, в жару и в холод
Спешит в телятник побыстрей,
Она ещё хороший повар,
Да вот телятник ей родней.

Гора Крестовая дымится,
Над нею гул от тракторов,
По-за увалами пшеница
С гектара даст по сто пудов.
С деревней рядом, за домами,
Растёт хорошая трава,
Всю зиму будет скот с кормами
И будет много молока.
Где молоко- там ребятишки,
Без них и дома не найти,
Растут девчонки и мальчишки,
Их в школе больше тридцати.
Своих учительниц мы знаем,
В нарядных платьях, строгий взгляд
Мы с ними что-то вслух читаем,
И учим то, что нам велят.
Вот баба Груньча – врач от Бога,
Она лечила с детства нас,
К больным вела её дорога
Как помощь скорую сейчас.
Уколы ставить мастерица,
Последний самый– про запас,
Нам не нужна была больница,
Нам от неё скорей бы в класс.
Дядя Филипп идёт качаясь,
Протез вместо ноги второй
Он на войне, в самом начале
Её утратил под Москвой.
Идёт, глядит хозяйским взором
На ферме трудится давно,
Вот тут заняться бы забором,
Вот здесь сменить в стене бревно.
И пацанов он очень любит,
Он все им шалости простит,
Нас с братом Мишей приголубит,

Когда у нас порой гостит.
Потом, учась уже в Тугнуе,
В субботу рвались мы домой,
На Брянке ветер даже дует
Совсем не так, он здесь другой.
Неделю жили в интернате,
Хоть и уютно, и тепло
А всё ж казённые кровати
И мама где-то далеко.
А дома сразу, сумку бросив,
Скорей к столу, там мамин хлеб,
Высокий, вкусный, пышный очень,
Его вкусней на свете нет.
Потом с отцом шагаем в баню,
Бьёт веник как-то всё сильнее,
И с обожжёнными местами
Садимся ужинать семьёй.
И снова в школу спозаранку,
Зубрить порой бывает лень,
Во сне мы будем видеть Брянку
И снова ждать субботний день.
Спешит домой бабка Ненила,
У ней немалая семья,
Ведь пятерых она родила,
И дочка есть, и сыновья.
Сын Анатолий, дочь Анастасия,
За ней Мелентий, там Иван,
Потом последний самый Теша,
В сорок восьмом ей Богом дан.
К труду здесь с детства приручают,
Всё каждый должен делать сам,
И здесь умельцев уважают,
Как и везде по деревням.
На Брянке, как в любой деревне
Есть пофамильная родня,

На столько род бывает древний,
Что знаний нет – кто ты, кто я.
А род Бурлаковых огромный,
В нём много ответвлений есть,
И я пишу том родословный,
Чтоб каждый мог его прочесть.
И чтобы дети, да и внуки
Поняли – знания нужны,
Жила родня, не зная скуки,
И так же мы прожить должны.
Не знаю скуки и ни лени,
Трудиться для своей семьи,
И чтоб любой из поколений
Себя карымом звать могли,
Здесь всяк живёт своей семьёю,
И каждому свой дорог дом,
Но провожают как героев
Парней на службу всем селом.
И свадьбы тоже так играют,
Все там, от мал до велика
Когда из дома в дом шагают,
То улица для них узка.
А кузня утром место сбора,
Немчинов Пётр там кузнец,
Там столько тем для разговора,
Туда ходил и мой отец.
Там управляющий обычно
Спрос за вчерашнее начнёт,
И провинившийся привычно
Для оправдания приврёт.
Народ беззлобно улыбнётся,
Ведь это слушать не впервой.
Быть может, даже рассмеётся,
Потом в работу с головой.
Родные лица Новоспасска

Мне память вспомни, погляди,
И будто материнской лаской
Сжимает сердце мне в груди.
Калейдоскопной каруселью
Я у мельканья лиц в плену,
И как заснеженной метелью
Смотрю я их сквозь пелену.
И вы сейчас, меня послушав,
Родных припомните своих,
Пока есть память в наших душах,
И Брянке быть в числе живых.

Селезень

Я сегодня у моста на Хонхолойке
Крякаша увидел на воде,
И хоть я по жизни нервно-стойкий,
Стало как-то мне не по себе.
Селезень кряковый, перелётный,
Ты откуда нам принёс привет?
Лет уж пять, как дичи нет болотной,
Столь же водоплавающей нет.
Я ружьё на три замка закрою,
Из патронов вытрясу всю дробь,
Лишь бы ты, Крякаш, летал порою
Над Тугнуйской степью, там где топь.
Правда топь давно уж не болото,
Птицам негде утром песню спеть,
Но кому-то очень уж охота
Превратить в пустыню нашу степь.
Распродав леса, кончали воду,
Пишут жизни новую главу,
Вешают лапшу всему народу
Столь, что тянет книзу голову.

Отобрав права у поселения
И крича про сказочный успех,
На подлог идут, на преступления,
Лишь бы только хапнуть больше всех.
Всё для всех дано от мироздания.
Селезень, найди себе жену
И живи, как сказано в писанье
И нас радуй каждую весну.

Сегодня Брянке, как селу, – сто пятьдесят

Сегодня юбилейный день рождения,
И эти годы словно веками стоят,
И в каждом память об ушедшем поколении
Сегодня нам уже не увидеть.
Как предки здесь село обосновали,
И было их семей, пожалуй, пять,
По речке и селу название дали,
Я трону веку, а точнее первый год.
И в голове моей картинка оживает-
Вот Брянка речка полноводная течёт,
И всадник место для деревни выбирает,
Костёр развёл, таган походный над костром.
Не суется, спешил, и сам был весел,
И медный чайник от кострища с чёрным дном
Налив водою, на таган подвесил,
Он не один, с ним человек, наверно, семь.
О чём-то тихо говорят, на удивление,
И место это нравится им всем,
Деревне быть здесь – это общее решение,
А после чая каждый трубочкой дымит.
И трубка, и кисет всегда в хорьмэ-дэгэле,

И рядом конь травой зелёною хрустит,
И дым сплетает в разговор слова о деле.
Для церкви выбрав место на бугре,
Среди покоса с изумрудною травой
И с просьбою к Богам быть к ним добрее
Крестились робко неумелою рукою.
Определились – где пригон, где коновязь,
Для степняка важнее нету места,
И с этих строек Брянка началась
А не с домов и церкви, если честно.
Век 19-й – Восточная Сибирь,
Идёт активно освоенье за Байкалом.
Стоят давно уже Заган, Мухоршибирь
Да и Никольску с Хонхолоем лет немало.
Народ в те сёла прибывал издалека,
Есть от Днепра, немало их от Волги,
Ну а Тугнуйская земля для степняка –
От нынешней Кусоты и до Цолги.
Рождалась Брянка, и об этом мой рассказ,
Одно из сёл большого региона,
А от Урала вся Сибирь на этот час
Имела жителей 4 миллиона.
Все семьи в Брянке – смешанная кровь:
Мужья буряты, жёны всё из русских,
Крещёный зять, крещёная свекровь
Крестили лоб, молясь Христу Иусу.
Купец Немчинов, и не только от щедрот
Построил церковь, как кусочек рая,
А чтоб молился и крестился здесь народ,
Царю молитвами здоровья желая.
Почтение к нему имел имел купец,-
Такой был непростой царь-император.
Он вразумлял и наставлял всех как отец
И был заботливо лоялен и к бурятам.
И чтобы люди для спасения души

За благодать, что Господь им дарует,
В труде и в жизни были хороши
И в церковь шли, все соблазны минуя.
Бурятам крещеным дали землю бесплатно,
Царь за Байкалом власть свою крепил,
И чтобы милость всем была понятна,
Их от налогов он освободил.
Повинность воинская с крещеных снята,
Снята, чтобы хозяйством обрастали,
Чтоб не давила мужиков нужда,
Хозяев крепких власти очень уважали,
И люди, земли получив, не знали сна.
Тянули лямки и натуженно хрипели,
И жизнь им заплатила всем сполна,
Кто рьян в труде – достатком богатели,
И ставили дома, не зная бед.
Детей в семье у каждого по многу,
Под Кашкаргою сеяли свой хлеб,
Друг к другу приходили на помногу,
Смешалась кровь и русских, и бурят.
А дети их – карымов поколение,
С уверенностью до сих пор твердят,
Как царь благословил их на рождение–
Таким был путь в начале бытия.
Хоть жизнь и сладкою порою не казалась,
Но в 50 с «Авророй» октября,
Та прежняя, не враз, но поломалась,
И эти первые полсотни сельских лет.
Борясь за хлеб, за скот, да и за овощ,
Развили в людях свой менталитет,
Где во главе угла взаимопомощь.
И трудный путь единства все прошли,
Порою этот путь шёл через нервы,
И в памяти своей вы сберегли
Свой род и кто в роду был самый первый.

Вторые пятьдесят – вся власть Советам,
Колхоз построили и фермы для скота...
Коллективизация прошла, доля при этом
Народ на крайних и на средняка.
Всё, что в гражданскую сломали, поднимали,
Всё б ничего, тут Сталинский террор,
И по доносам мужиков в тюрьму сажали,
Предав им статус ярых кулаков.
И дед моей жены – Бурлаков Гриша –
Десятку получил за просто так,
И в лагерях каким-то чудом выжил,
Хоть Колыма ломала всех подряд.
Чуть оклемались – а война уж на пороге,
Не просто горе, всенародная беда,
Война карымов по военной же дороге
Сумела разбросать кого куда.
От службы царь освободил давно карымов,
Но с немцами всем стало не до льгот,
И на войну брянские шли мужчины,
Чтоб перед родиною выполнить свой долг.
И много карымчан хвалы достойны,
Все те, кто искалечены войной,
И нет их среди нас, вот здесь, сегодня,
И полк бессмертный стал для них родной...
После победы поднимали что разбито,
И жизнь хоть медленно, но всё же шла вперёд...
Досыта хлеба, каждому досыта,
Нескоро получил ещё народ.
Вторые пятьдесят шли к завершенью,
Работа каждому, зарплата, отпуска,
И школа с яслями была, но, к сожалению,
Централизация всё это убрала.
В труде крестьянском мастера всегда ценились
Среди доярок, чабанов и пастухов,
И трактористы-комбайнёры не ленились,

Хваля обеда всех бригадных поваров.
И соцсоревнование – стимул важный,
Награды всем, кто в этом победил,
И грамота – не просто лист бумажный,
А знак отличия тому, кто заслужил.
Кипела жизнь, учились дети подрастая,
Окончив школу, улетали из села,
Замену старикам без них теряя,
Осталась Брянка лодкой без весла.
И понесло её куда-то по течению,
А вниз всегда намного легче плыть,
Да вот беда – исток возникновения
Деревне этой как бы не забыть.
А в 90-е финал – развал Союза,
Работы нет, есть множество проблем,
И на душе нет тяжелее груза,-
Как накормить семью, на что и чем?
И побежал народ туда, где лучше,
И нет его вины здесь никакой.
Ведь родина и там, где денег куча,
Тоонто только там, где дом родной.
Село родное и дома кругом родные,
Хотя лежит на них печаль с тоской,
Не едут сюда семьи молодые,
Не едут, да и всё, хоть волком вой...
И всё же верится – селу быть как картинке,
Ему скатиться в пропасть не дадут,
Такие люди, как карымочка Альбинка,
И те, кто с нею рядышком живут.
И вот сегодня в этом зале
О людях Брянки будут много говорить...
Ведь много доброго мы с вами повидали
И многое не прочь бы повторить.

Тугнуйская лыжня России

У нас в Тугнуе лыжня России,
И мы сегодня все на лыжне.
И нет активней, и нет красивей
Тугнуйских женщин, поверьте мне.
У наших женщин азарт спортивный,
Твердеют губы и строже взгляд,
Стучат по лыжам слегка ботинки,
Кто это видит, за женщин рад.
Строй для мужчины святое место,
В строю мы раньше один в один,
И нам сегодня всем интересно,
Как мы на лыжах здесь пробежим.
Морозный воздух румянит щеки,
Мелькают палки и снег скрипит,
На лыжах, к счастью, путь недалекий,
Не вспоминают здесь про ковид.
Вы посмотрите на это диво,
Подвиньтесь ближе, ведь так видней.
И снег, и лыжи – все так красиво,
Кусочек сказки из школьных дней.
Лыжня России, как путь к здоровью,
На свежий воздух, на божий свет.
Зима уж скоро уйдет с весною
В капелях- слезах упрятав след.
Но снег да лыжи- незванный ужин,
Здесь приглашенья не надо ждать,
Активный отдых здоровью нужен,
Мобильник может и подождать.
И все, кто с нами, давайте ближе,
В колонну строясь, спина в спину.
Пилюль не надо, здесь лечат лыжи,
Ведь кислород тут, три к одному.

Граница

Цветет клубника, цветет картошка.
И, желтым макам вдоль обочин благодать.
И очень скоро мой внук, Антошка
Начнет российские границы охранять.
Я пэвэошник, Я сторож неба.
Экран, локатор, усталость прочь.
Во имя мира, во имя хлеба,
Несли мы службу, и день и ночь.
И там, где Зея бежит к Амуру,
Полки сухого и мигарей,
Стоят на страже, чтоб кто-то сдуру
Не смог нарушить покой людей.
И вдоль границы стоят заставы,
Стоят заставы и тут, и там,
Здесь служат парни не ради славы,
Но службу с честью свою несут.
В казарме ночью солдатам снится
Родимый край и отчий дом,
Во сне приходят родные лица,
Друзья, подруги и мать с отцом.
А на разводе, приказ заслушав,
В построении смирно и грудь вперед,
Наряд мальчишек, еще безусых,
Ответит четко- враг не пройдет.
Наряд в дозоре, твердеют лица,
Здесь все непросто, здесь все не так,
В недавнем прошлом игра- «Зарница»,
Теперь граница и автомат.
А нарушитель уйти стремиться,
Хитрит, скрывая следов узор,
Но будет пойман, ведь он не птица,

И пограничный не спит дозор.
С времен тех давних, да и поныне,
Детьми являясь своей страны,
Свою Россию, свою святыню,
Мы для потомков сберечь должны.
Сегодня в мире так беспокойно,
В мечтах у многих Русь поделить.
Чтоб жить нам мирно и жить достойно
Должна Россия могучей быть.

Баин-Хара

Кругом здесь скал нагроможденье,
Замшелость серого гранита,
Тут тайна мира сотворения
От глаз людских надёжно скрыта.
Во время ливня, над обрывом,
Вода, сорвавшись к низу шквалом,
С каким-то яростным надрывом
Ломает всё, что ни попало.
Всё на своём пути сметая,
Грызя ущелье, исполином,
Несёт с собой, преград не зная,
Камней громаду вниз, в долину.
И хаос звуков водопадных,
В едино слившихся с грозой,
И радуга цветов нарядных
Всё вместе над Баин-Харою.
Всё точно так, как было прежде,
В пещерный век, года лихие,
Где предок наш в большой надежде
Просил богов смирить стихию.
И в хаосе камней гранитных,
Разбросанных без всякой схемы,

Мы видим жизнь первобытных
Как часть большой экосистемы.
Отвесных скал стена крутая
И вширь, и ввысь namного метров,
На ней в рисунках, к нам взывая,
Вся информация от предков.
И руки в стороны, как дуги
Своей тревоги не скрывая,
Глядят на нас с рисунков люди,
А что хотят сказать – не знаю
Рисунки беркутов парящих,
Наш глаз повсюду замечает.
И контуры людей спешащих,
Куда спешат – никто не знает.
С тех пор, когда их рисовали,
Посланием их нам оставив,
Тысячелетья отмелькали,
И мы забыть про них не вправе.
Кружки, овалы и квадраты,
Орлы, олени, человечки –
Рисунков скальных многовато,
Но нет пока ключа к прочтению.
И труд ручной в пещерах виден,
В скалу вгрызались чем-то твёрдым,
И монолит скалы дробили
Не день, не два, а очень долго.
От солнца, ветра и от влаги
В пещеры спрятав красок тени,
Они с решимостью во взгляде
За жизнь боролись, вне сомнений.
Рисунков солнца нет на скалах,
Да и луны в рисунках нету,
Но солнце жизнь всему давало,
Его теплом земля согрета.
Ведь до сих пор огонь священен

За то тепло, что согревает.
И дорог тем, что он бесценен,
Ведь он людей объединяет.
Не зря очаг всегда семейный,
Об этом всяк и каждый знают.
К нему с молитвой и почтеньем,
Когда печь утром разжигают.
А солнце ведь очаг небесный,
Тепло его – начал начало,
Так почему ж ему нет места
В рисунках на пещерных скалах?
Так почему же наши предки
Его совсем не рисовали?
Иль солнце есть в рисунках редких,
Каких пока мы не встречали?
Загадка эта мозг туманит,
Стучится в душу, как в обитель.
Поскольку прошлое нас тянет
Узнать, как жил тот первожитель.
Так, может, солнце ключ к прочтенью?
Поставь его, но только к месту.
И всё пойдёт в том направлении
К доселе фактам неизвестным.
Узнать бы, кто они, откуда?
Здесь Родина или изгнание?
Иль принесло их чьё-то чудо?
Сюда, с космических окраин?
Быть может космос покидая,
Жить нашу землю заприметив,
Давали клятву, подтверждая
Держать всё таинство в запрете.
Куда ни глянешь, – всюду тайна.
Что скрыта за семью замками,
И может кто-нибудь случайно
Увидит скрытое веками.

Увидев там, внизу, свечение,
Через ущелье, шаг за шагом
По камням, словно по ступеням
Идём к нему, прижавшись взглядом.
Как будто где-то под горою
Подземный, тайный космодром.
И света столп передо мною
Ракетой кверху заострён.
Быть может свет идёт оттуда,
Как знак, подаренный нам свыше.
Мы все, как дети, жаждем чуда,
Хотим увидеть и услышать
Баин-Хара – край интересный,
Здесь будто всё само собою,
На фоне скал родник чудесный,
Как жизнь представлена водою.
Недалеко, зигзаг рисуя,
Родник на солнышке искрится,
Вода в нём, камушки целуя,
Бежит с желаньем снова скрыться.
Вода тоннельными ходами
Из тьмы хребта Цаган-Дабана
Бежит давно, бежит веками,
Сюда, к подножью Баян-Хана.
Часть силы неба голубого,
Мощь солнца собранной веками,
Всё есть в водице родниковой,
Своею силой рушит камень.
Из глубины хребтовых недр
Вода всех жаждущих спасает.
И наш сибирский мощный кедр
Пьёт сок и землю украшает.
Нет ничего воды дороже,
Тем более такой, как здесь.
Попьёт измученный прохожий

И скажет – в этом счастье есть.
Вглядись в родник, забыв невзгоды,
Вглядись, став ближе на колени.
В глуби, лик матери природы,
Увидишь ты, поймав мгновенье.
И дав нам в дар своё здоровье,
Открыв к нему свои все двери,
Вода желанна при бесплодии,
Но только тем, кто в неё верит.
И напоив всех, кто приходит,
И сохранив свой выход в тайне,
Она под землю вновь уходит,
Чтоб выйти где-то на «Фонтане»,
От всех таинственных явлений
До понимания вслух де-факто,
И от легенд до объяснений,
Скок воробья и то украдкой.
Баин-Хара, как раз то место,
Где все легенды разных планов
Настолько прочно и так тесно
Живут в привязке к Чингисхану.
А Чингисхан, пройдя путь долгий,
Вошёл в историю навеки,
В большом сраженье, возле Цолги,
Разбил меркитов Тохто-беки
И плен жены своей любимой
Он не простил врагам меркитам,
Гонитель сам, он все гонимым
Жить не давал, уже разбитым.
Прибыв к подножью Баин-хана,
Дав войску отдых за победу,
В шатёр свой главного шамана
Позвал на долгую беседу.
Для нас он лишь завоеватель,
В ранг вознесённый до предела,

Мог слушать то, как прорицатель
Предсказывал судьбу умело,
Что слышал – сам слагал в картину,
Ничто в картине не жалея,
Мобильность войска, дисциплину
Крепил жестокостью своею.
Он в детстве с жалостью простился,
Когда гонимый был другими.
И в Чингисхана превратился,
Жестоким став, сменивший имя.
Здесь каждый камень, как легенда,
Вот этот камень Чингис-хана,
А рядом с ним шаман Тэб-тэнгри,
Тут два могучих, но не равных.
В преданьях сказано, что где-то,
Быть может, тут или в округе,
Был спрятан клад им в то же лето,
Клад, привезённый на верблюде.
А кто-то даже уточняет,
Что клад доставлен караваном,
А где искать – никто не знает,
Ведь заколдован он шаманом.
А к тем, кто клад найти пытался,
Таких историй было много,
Всегда шаман тот появлялся
И к кладу закрывал дорогу.
То пыльной бурей над горою,
Стеною тьмы закрыв все входы,
Когда и солнце скрыто мглою,
Лишь стон да ярость непогоды.
То мощным ливнем с камнепадом,
Где стрелы молний ближе-ближе,
Раскаты грома канонадой,
Тут не до клада, как бы выжить.
Зимой, когда трещат морозы,

Тот клад в снегах найдёшь едва ли,
На кладе том Боорте слёзы,
Замёрзнув, невидимкой стали.
Слезинки стражей в кладе где-то,
Клад сделав тоже невидимым,
Не тают даже жарким летом,
От горечи разлук с любимым.
А есть ещё молва другая,
Что клад в Тугнуйке погребён
А где лежит – никто не знает,
Но знают все, что рядом Бом
Он там, где омут есть бездонный,
Как символ власти – неделим
Шар золотой лежит, огромный
Для тех кто ищет – невидим.
В войне, где воины- мужчины,
Брать жён в заложницы не надо,
Поскольку бить врага причины
Сильнее станут на порядок.
Чуть вдаль, на юг от Баян-Хана,
Там, где степных камней узор,
Стоит дацан Баясхалана,
К себе притягивая взор.
Построен пагодой тибетской,
Раскрашен в разные цвета,
В нём очищение жизни светской,
В нём лечат души и сердца.
Стоит дацан в Баин-Харе,
Стоит красивый, словно птица,
Там, где на утренней заре
Косяк коней по небу мчится.
Косяк каурых и гнедых,
Погибшие в боях когда-то,
Воскреснув вновь в ряду живых,
Для Баян-хана как солдаты.

А вороной тот жеребец,
Покрытый шрамами от войн,
На службе вечной наконец
Он стражем хану быть достоин.
Косяк и карих, и гнедых
На зорьке алой протопочет,
И кто хоть раз здесь видел их,
Смотреть на них ещё захочет.
Мчит впереди на вороном
Сам личный конюх Баян-хана,
Такое вот февральским днём
Бывает здесь в дни Сагалгана.
Конфессий много на Руси,
Ислам, буддизм, христианство,
Какой стезёй бы не идти,
Но надо помнить про гражданство.
И храмов множество у нас,
Церквей, дацанов и мечетей,
И слышен сверху чей-то глас:
Вы за Россию все в ответе.
А тема – Родину любить,
С времён древнейших и поныне,
Должна всегда заглавной быть,
Ведь Родина и есть святыня.
И с материнским молоком
Мы к Родине любовь впитали,
Сейчас мы с вами здесь живём,
А до – здесь предки проживали.
Народ всегда своё хранит,
Всё, от обрядов до традиций,
И держит под контролем быт,
Затем лишь, чтобы сохраниться.
Чтобы своё не растерять,
Чтоб вдаль была видна дорога,
Дацан духовный должен стать

Гарантом веры для народа.
И вера быть такой должна,
Чтоб слово с делом – близнецами.
Чтобы для всех сперва страна,
И неразрывно с ней мы с вами.
Себя должны мы воспитать
С любовью, верой и надеждой.
Тогда нас станут уважать,
Поняв – страна сильна, как прежде.
И летний досуг для ребят,
С преподаванием гуманизма,
Дацан хочет построить так,
Учёба – часть патриотизма.
И помня дедов и отцов,
Открыв единоборствам двери,
Растить мальчишек, как бойцов,
С надеждой Родину доверить.
Ушу, как вид единоборств,
Пилотным станет обучением,
Где труд нелёгкий, без притворств,
Ведёт к заветным достижениям.
Дацаном он руководит,
И он же настоятель храма,
Учил он в Индии санскрит,
Теперь живёт у Баин-хана.
Баясхалан – лама для всех,
А тем, кто веру сохраняет,
С души снимает тяжкий грех,
Себя молитвой очищает.

Я то еду, то шагаю
По просёлочным дорогам,
Путь мой по родному краю,
Отчий край мне с детства дорог.
Всё как каждому знакомо:
Тропка, мостик и речушка,
Гуси в луже возле дома
И соседская девчушка.
Я иду кружной дорогой
Вдоль поскотины упавшей.
Здесь домов не так уж много
И усадьбы нету нашей,
Тополь наш, что под окошком,
Я к нему прижмусь крепче.
Станет мне шептать о прошлом
Мы ведь рады нашей встрече,
Я его спрошу чуть слышно:
«Ты грустишь о прошлом веке?»
И он скажет: «Так уж вышло,
Каждый сам за всё в ответе».
Здесь в жару и в непогоду,
В комарином летнем звоне
Воздух пьют, как будто воду
Из расставленных ладоней.
Он настоян на полыни
С богородскою травой,
На закате – тёмно-синий,
Утром с красной бородой.
Гаражник с травой рослой,
Звон косы да пот солёный,
Здесь порою сенокосной
Труд крестьянский всем знакомый.
Каждый здесь имеет где-то

Всё фамильное, родное,
Чем душа его согрета,
Что даёт тепло живое.

Мыс

За Брянкой Мыс по-над дорогой,
Под ним дорог переплетенье
И куст малины недотрогой
Его вершины украшение.
Напротив залежь под «Омбоном»,
Там раньше хлебу было место,
И там пшеница спелым звоном
Сентябрь встречала как невеста.
За Мысом, справа, Стрелки груды,
Там чабаны овец растили,
Внизу, на речке, две запруды
Купаться мы туда ходили.
Нас солнцем жарким грело лето,
Вода ласкала нас в купальне,
И как недавно это было,
И как давно, в том детстве дальнем.
Мы из-за Мыса часто ждали,
Когда появится автобус,
На нём мы в школу уезжали
Зимой, продрогнув от мороза.
И нам казалось, ребятишкам,
Мыс делит мир на половины,
До Мыса мир знакомой книжкой,
За Мысом – странную картиной.
И то, из детства, впечатление,
В себе навек мы сохранили,

И радость ту от удивления
Когда мы новый мир открыли.

Брянка

Тут нет пирамиды Хеопса,
И хор райских птиц не поёт,
Но если бывать здесь придётся,
На вас благодать снизойдёт.
И в детство своё, там, где речка,
Вас память послушно вернёт,
А в доме затопится печка,
И вкусным на вас нанесёт.
Вкус свежпечёного хлеба
Запьёте парным молоком,
И радуга точно в полнеба
Повиснет за вашим окном.
К обеду отец дома будет,
Приедет обедать на час,
Меня похвалить не забудет
За то, что я дома сейчас.
За то, что ему помогаю,
У речки гусей сторожу,
Воду от дождей за сараи
Канавкою я отвожу.
Кричит петушок разноцветный:
«Нашёл червячка я в хлеву»,
И словно как импульс ответный
Все курицы мчатся к нему.
Речушка на улице нашей,
Огромная после дождей,
И мама заботливо кашей

Накормит меня и друзей.
Соседский мальчишка промчится,
А конь под ним – ивовый прут,
Он что-то кричит, веселится,
И в луже споткнётся, вот тут.
Но быстро подскочит и снова
Куда-то помчится с конём,
И тихая сонная дрёма
Повиснет опять над селом.
Есть что-то в родимой сторонке,
Есть то, что в словах не сказать,
Я к ней, как к любимой девчонке,
Она ко мне с лаской как мать.

Женя Манзанов

За Брянкой на россыпи каменной,
Степную травой окружён,
Стоит обелиск или памятник,
Стоит с пионерских времён.
Поставлен он Жене Манзанову,
Как дань уваженья борцам,
Сюда с пионерским шли знаменем,
Пел горн и бил барабан.
Со старшими шли дети малые,
Шепча, как бы что не забыть,
Несли с собой галстуки алые,
Чтоб здесь в пионеры вступить.
Шагали, скрывая волнение,
Твердили друг другу: «Держись!»
И в памяти эти мгновения
Остались у нас на всю жизнь.

Сюда шли с отрядным вожатым,
Шли молча, стараясь понять:
Как тем, довоенным ребятам,
Страну довелось защищать.
И словно бойцы с красным флагом,
Отряд красногалстучный шёл,
И здесь их встречал у ограды,
Встречал старший брат комсомол.
В волнении отрядной вожатой,
Струной её голос звенел,
Стояли серьёзно ребята,
А горн пионерский всё пел.
Он пел, про Мальчиш-Кибальчиша,
Звал быть беспощадным к врагам,
Он пел и кругом было слышно,
Как вторил ему барабан.
И клятвы слова здесь читали,
Открыв настежь души, сердца,
На верность стране присягали,
Быть верными ей до конца.
Слова этой клятвы забылись,
А многим тот текст незнаком,
Мы в мире другом очутились,
Но всё же в России живём.
И если забудем все вместе,
Союза и старт, и развал,
То это же будет бесчестие
Для тех, кто за нас воевал.

Лебеди

Под Брянкой Нижний Гаражник
К каналу примыкает с юга,
Весной здесь лебединый крик
Разносится на всю округу.
Весной здесь талая вода
Блестящим зеркалом разлива
Магнитом манит птиц сюда,-
И очень важных, и крикливых.
Средь прочих птиц, и отстраняясь,
Меж трав, торчащих островками,
15 пар к нам возвратясь
Белеют простыней кусками.
Чуть-чуть сварливы и важны,
Грудь колесом, дугою спину,
Скользят по глади шипуны,-
У лебедей такое имя.
Мы в объектив на них глядим,
И на весеннем сером фоне,
Словно Чайковский сам открыл
Концерт из праздничных симфоний.
Каких здесь нету голосов,-
И хор неслаженно орущий,
Он весь из праздничных самцов,
Принарядившихся кто лучше.
А выступленья на воде
Красуются друг перед другом
От лебединых дефиле
Аж голова зачем-то кругом.
Балет для белых лебедей
Но не на сцене, на разливах
Шепчу Петровичу: « Скорей

Снимай на камеру родимых».
Петрович, выдвинув плечо
Снимает птиц большой дугою,
Ну где увидишь их ещё?
Лишь только тут, и то весною.
Но осторожность верх берёт,
И после шумной переклички-
Разбег, подъём и вновь полёт,
Они ведь тоже счастья ищут...
В который раз они опять
Весну мою с собой уносят...
Весну мне жалко отдавать,
Но лебеди меня не спросят.

Моим дорогим землякам посвящаю

Район наш славится людьми,
А люди добрыми делами.
И здесь традиции сильны,
Те, что проверены веками.
Традиции из века в век
В душе, любя и сохраняя,
Несёт по жизни человек,
Одна из них – живая память.
А память скорби нам нужна,
Чтобы сегодня в День Победы
Понять, кому нужна война,
Как рвались в бой отцы и деды
Мы любим Родину свою
И труд свой мирный охраняем,
И в этот день сквозь плену
О той войне мы вспоминаем.
Мы вспоминаем земляков,
Склоняя головы с почтением,
Их подвиг выше всяких слов
Не предадим его забвению.

И. Калашников

Шёл год 31-й двадцатого века,
В сибирском старинном селе Шаралдай
Родился мальчишка под занавес лета,

Назвали его по-семейски - Исай.
«Исайка!» – кричали друзья-одногодки,
«Исайка!» – кричали не только друзья,
Его узнавали в селе по походке,
Спешил всё успеть, а иначе нельзя.
Был очень начитан и к знаниям тянулся
И даже подпаском был с книгой в руках.
В крестьянскую жизнь он мальцом окунулся
И мир открывал с удивлением в глазах.
В райцентр за книгами в ичигах рваных,
И в стужу, и в зной, и в осеннюю хлябь,
Вот этой дорогой Исайка упрямо
Ходил потому, что хотелось читать.
Однажды зимой, припозднившись изрядно,
С набитою сумкой шагая домой,
Услышал от леса тоскливо-протяжный
Волка-одинца обжигающий вой.
И вой этот волчий с пронзительным стоном
Когтистой лапой за душу берёт,
И ясно Исайке – у волка нет дома,
Без дома и близких любой одинок.
От смерти спасали его только ноги,
С огромным желанием жизнь сохранить,
Об этом Исайке, на зимней дороге
Рассказывал волк, продолжающий выть.
И годы спустя, вспоминая про это,
Когда для себя Чингисхана открыл,
Исай Калистратович темой сюжета
Затравленность волка в гонимых вложил.
Учился он в школе, вот здесь, в Шаралдае,
Четыре начальных закончил сполна.
А дальше – работать, семье помогая,
Труднейшее время – с фашистом война.
Четыре начальных, девятый экстерном,
А вот за десятый, трудясь в Итанце,

Сдавал он, учась уже в школе вечерней
Всё с той же улыбкой на добром лице.
Два года на курсах в Москве он учился,
Хотелось хорошим писателем стать.
К поставленной цели всю жизнь стремился,
К тому же ошибки умел исправлять.
Вопрос пред собою поставив однажды,
А что? Для чего? И зачем? Почему?
Он впитывал знания, как влагу от жажды
Чтоб как-то ответить себе самому.
Менялись места, где работал, трудился,
Менялись и люди, вносили контраст,
И начав писать, он писать научился,
Мы в книгах его видим мир без прикрас.
А рядом супруга, советчик, опора,
Плечом о плечо, бок о бок,
Но только судьбою огонь светофора
Ему рано красный зажег.
Он столько задумок и творческих планов
Не смог до конца завершить,
Но груз повестей и бесценных романов
Его не позволят забыть.
Писал свой роман десять лет, час за часом,
Шесть раз переписывал, как одержим,
Его Чингисхан с шаралдайским окрасом
Умён, беспощаден и непобедим.
Вчерашний гонимый, сегодня гонитель,
Не мог он позволить, чтоб кто-нибудь знал,
Как был он рабом и кто был повелитель
Всю память об этом он уничтожал.
Путь жизни гонимого аду подобен
И боль униженья и горечь утрат
Не каждый пройти через это способен
А тот, кто пройдёт, тот гонителям враг.
Правдивый писатель, правдивость сюжета

Ведь нету, пожалуй, главней ничего,
Вот только понять бы- зачем нам все это
Зачем воспевать нужно зло?
И волчья грызня у подножия власти,
И хитрость со злом подковерных интриг
Для многих людей нету большего счастья,
Когда враг низложен, повержен, убит.
А все очень просто и даже понятно
Писатель пытается нам объяснить,
Причем это сделать и четко, и внятно,
Что мир этот войнами не изменить.

К портрету земляка

Тот крепок духом, в ком память предков
Как древо жизни, к корням от кроны
И от корней вверх, до каждой ветки
Хранит и множит ген родословной.
Живёт на свете, простой снаружи
Внутри закручен на три спирали,
Он точно знает, что людям нужен,
Для земляков он – словарь В.Даля.
Хоть не живёт он давно на Брянке,
Доселе помнит журчанье речки,
На здешних свадьбах распев тальянки
И запах хлеба из русской печки.
Таких я знаю людей немного,
Патриотизм их одинаков,
Он – летописец села родного.
Земляк, историк А.П. Бурлаков

Кремлевская елка

Школьную отличницу, Катю Селиванову,
За дела активные и весомый вклад,
Наградив, отправили в Кремль на ёлку главную
С группой из Бурятии в тридцать пять ребят.
Самолёт огромнейший, взяв разбег стремительный,
До высот положенных поднял экипаж.
Вид в иллюминаторы просто изумительный,
Там в низу по-зимнему, стелется пейзаж.
Города, посёлочки, да края озёрные,
То тайга безбрежная, лес, повсюду лес.
Речки, как тропиночки, в толстый лёд завернуты,
Не картина зимняя, а чудо из чудес.
А поверху лайнера облака курчавятся,
Словно снег сугробами белыми кругом,
До хребта Уральского - всё Сибирь-красавица,
Дальше за Уралом-Европейский дом.
Время незаметное в сказочном полёте,
Из родной Бурятии да в столичный край,
Тут и познакомились прямо в самолёте
И Тутнуй, и Бичура, плюс Тарбагатай.
Все в жилетках красочных от родной Бурятии,
В них национальный виден колорит,
Поглядишь на детские эти фотографии,
Гордость малой родины в детях говорит.
Их в отеле «Альфа» жить определили,
Жили на четырнадцатом классном этаже
И из окон, взглядом по Москве скользили
С общим восклицанием: – «Это надо же!»
И как в старой сказке, ковром-самолётом
Лифт в отеле «Альфа» вверх их поднимал,
И потом по-детски, радуясь полётам,

Этот лифт послушно вниз их опускал.
В упаковке «Кремль» им отель подарки,
И кормил досыта, с Катиных же слов.
Вся Москва нарядная, в ней светло и ярко,
И в отеле снилось много новых снов.
Их встречал «Москвариум» дивным представлением,
Дефиле косаток, пируэтов вязь,
Сколько было смеха, охов, удивления,
Глядя, как дельфины бьют носами мяч.
Черепахи плавали строгие и важные,
Как по морю синему в бочке царь Гвидон,
Рыбки, как солдатики, стойкие, отважные,
При синхронном плавании делали поклон.
А на главной ёлке персонажи сказок:
Тут Кощей Бессмертный с Бабою-ягой,
Были и Дюймовочки, пара Златоглазок,
И Иван-царевич с молодой женой.
Время возле ёлки быстрое, как лето,
После представления по подарку всем,
Дарят по шкатулке, где лежат конфеты
В красочных обёртках, сказочных всё тем.
А завтра в цирке, Пушкина припомнив,
Лебедя под куполом сказочный полёт,
А по-над ареною, как по морю тёмному,
Черномор с дружиною вновь в поход идёт.
В сказке-представлении красоты немало,
Будто время в цирке повернуло вспять,
Золотая рыбка тоже приплывала,
Что бы три желания старче исполнять.
По Москве автобусом по местам по памятным
Ездили, любуясь редкой красотой,
По брусчатке уличной, по мостам по каменным,
Это в фотографиях привезли домой.
И по Красной площади тоже ходили,
По той самой площади, где парад идёт,

И чуть-чуть смущённые громадьем России
Навсегда запомнят этот Новый год.
Ёлочка Кремлёвская, селфи, фото, видео,
Самолёт, гостиница, аэровокзал.
И о впечатлениях и о том, что видела
Всё узнал у Кати я и вам рассказал.

Покров

В воскресный день, день Покрова
Грешно работать, как известно,
И мы с Петровичем с утра
На отдых едем интересный.
Прицеп за «Ниву» зацепив,
Топор, рюкзак, да термос новый,
Да чуть дровишек прихватив,
Мы движемся к горе Крестовой.
Гора от Брянки на восток,
Там крест стоит уединённый,
Он весь железный, не высок,
Стоит камнями закреплённый.
И кто его поставил тут,
Узнать теперь нельзя, наверно,
И этот крест – чьих дело рук –
Хранитель тайны сокровенной.
Он мог бы много рассказать
За полтора или два века,
Но как узнать? С чего начать?
Чтоб нам открылась тайна эта?
В тончайшей нити к старине
Вот этот крест о прошлом вестник,
Плывущий ворон в вышине,

Кресту, скорей всего, ровесник.
А рядом горы, благодать,
С них круговая панорама.
Мы на одной решили встать,
Привал, как ставка Чингисхана.
Я за топор берусь молчком,
Костёр неспешно ставлю важный
И диким камнем, плитнячком,
Очаг леплю одноэтажный.
Рублю грудиночку с ладонь,
Как будто повар с Поднебесной,
И молча ставлю на огонь
Сковороду с деликатесом.
И вместе с дымом от костра
Струится запах первородный,
Как вальс-гипноз туда-сюда
Сводя с ума ворон голодных.
Как будто бы пещерный век,
И запах медленно кружился,
И предок наш, тот человек,
С огнём навечно подружился.
А сковородка всё шкварчит,
Румяня жареное сало,
И у него прекрасный вид
И нам его не будет мало.
И лук разжаренный слегка
Бьёт по ноздрям, глаза туманя,
И срочно в область живота
Слюна стекает по гортани.
Петрович кадрики строчил,
Я у костра, в кострище пламень,
Он всё снимал, сколь было сил,
Но подустал и сел на камень.
Сидит Петрович, чуть устав,
Он то ль историк, то ль учитель,

Рукой голову поджав,
Точь-в-точь роденовский мыслитель.
Глядит – где дымка, словно шаль,
Леса все сумраком укутав,
Как будто в тайну прячет даль,
Все очертания перепутав.
Глядит туда, где в прошлом дом
Стоял на улице широкой,
Когда село было селом,
Где каждый день согрет заботой.
То вдруг очнётся и на крест
Глядит подолгу, чуть задремля,
Потом осмотрит всё окрест
И снова спустится на землю.
А крест от нас чуть поодаль,
Стоит он здесь почти два века,
Снимает он с души печаль,
Незримо лечит человека.
Приедь к кресту и поклонись,
Побудь часок самим собою
И уезжать не торопись,
Здесь всё твоё, здесь всё родное.
Тут нет Аршана, сухо здесь,
И верх горы – камней плешина,
Но что-то в этом месте есть,
Что всем нам так необходимо.
Седой ковыль да тленья прах,
Да камни, в мох принарядившись,
Раскрасят вечного размах,
Всё, что стоит, давно родившись.
Здесь даже пахнет стариной,
Всё здесь настояно на травах,
Всё богородскою пропитано травой,
Бальзам, живущий на увалах.
Я только чай, он пил вино,

Беседы тихое круженье,
И на душе светлым-светло,
Костёр, природа и общение...
Поклонный крест и тишина,
Поклонный крест, и я молчу.

Клуб «Селянка»

В Тугнуйском клубе клуб «Селянка»
Визитной карточкой села,
Им гордость в слове «россиянка»
Всем так понятна и близка.

Здесь равнодушных женщин нету,
Здесь в каждой жизненный заряд.
И я скажу вам по секрету:
Они с душою всё творят.

И плод творений многодневный
Всё, что в словах не рассказать,
И мир гармонии душевной
Стремятся детям передать.

В поделках мир живой природы
От лебедей и до стрекоз,
Здесь в помощь прожитые годы,
Здесь светлый, русский мир берёз.

Поделки их – мечты сплетение,
Глядишь на них – и не понять...
Как замысел и воплощение
Единым целым могут стать.

В кругу своём, средь увлечённых
Поделки все поставив в ряд,
Они для нас, непосвящённых
Делами летопись творят.

Им ни к чему фонтан словесный,
Ведь каждая из них творец.
И дар не нужен им небесный
Упорство, труд всему венец.

Оставив дома все заботы,
В своём стремление хороши,
Идут сюда не для работы,
Им нужен отдых для души.

Здесь нету сказки, просто жизнь,
Здесь бабушка, жена и мать,
Но присмотритесь к ним поближе,
Своих сельчанок не узнать.

И как проворны у них руки,
Без суеты и точно в лад,
И на лице ни тени скуки,
Лишь губы тихо шелестят.

Сидит умелица, склонившись,
И лебедь белую плетёт,
Как будто Пушкин, сам явившись,
Ту лебедь по морю ведёт...

Глядишь, и сказка оживает,
Вот только знать бы наперёд,
А что же дальше там бывает,
Где лебедь гордая живёт.

Храм, будто взявшись ниоткуда,
Стремится в синеву уплыть,
А мы глядим на это чудо,
Забыв свой лоб перекрестить.

Тугнуйских женщин увлечённость,
Что привела их в этот клуб,
Поддержка, дружба и сплочённость
Пришли не сразу и не вдруг.

Руководитель здесь что надо,
Сама умелица во всём.
И клубный труд ей как награда,
Клуб для неё как отчий дом.

Сквозь память прожитые годы
Напоминают нам сейчас,
Как хрупок мир живой природы,
Как нужен тем, кто после нас.

А после нас ведь дети, внуки,
И им ещё здесь жить да жить.
Через поделки ваши руки
Должны об этом говорить.

Чтоб знали все цену вопроса,
Ведь жизнь одна и мир один,
Наказ понять довольно просто:
Оставь возможность жить другим.

И чтобы в правильном ответе
В цене звучала каждый раз,
Дороже нет на этом свете
«Тоонто» каждому из нас.

Край сокровищ земных необъятный...

Сказание о Тугнуйской геологоразведочной партии, открывшей залежи каменного угля в Тугнуйской долине

В степи широкой есть село обыкновенное,
Тугнуй, Тугнуйка речка и Тугнуйская долина.
Для нас, тугнуйцев, это место сокровенное,
Прильнуло к сердцу и слилось с ним воедино.
Долина, сжатая с боков двумя хребтами,
Почти с пятикилометровой шириной,
По ней Тугнуй бежит с намытыми песками,
Спешит к Хилку, на встречу с Сухарой.
Таков портрет долины, он не броский,
Природа на осадки здесь скупа,
И вдоль Тугнуйки ивы, как подростки,
И солонцов плешины, как мука.
А раньше степь была совсем другою,
Болот намного больше, всюду хлябь,
Теперь настолько бедствует водою,
Что летом стало всё пересыхать.
Предгорья малыми улусами пестрели,
Из каждой пади - родниковая вода,
Теперь леса уже на столько поредели,
Что в степи превратились все луга.
Зато, долина в глубине совсем другая,
Хранит запасы длиннопламенных углей,

Кому-то просто степь, кому-то кладовая,
Неважно, как и что, но с пользой для людей.
Я свой рассказ для вас начну издалека,
Чтобы понятней был сюжет картины,
Как в те далёкие тридцатые года
Малязкин начал изучение долины.
Тетяев ранее, еще в двадцать шестом,
Работать стал над геосъемочным портретом,
Ведь на поверхность выход угольных пластов,
Вопросов много обозначил без ответов.
И позже, десять лет почти спустя,
С проходкой шурфов и бурением вручную
Были открыты залежи угля
Вниз на две стороны течения Тугнуя.
Народ оседлый, о тех камнях знал давно,
В костре они горели жаркой силой.
Молились, думая, как небо сквозь окно,
Как божий дар, им шлет такое диво.
И сколь хранилось это в тайне, я не знаю,
Но знаю точно, тайну строго берегли,
И лишь геологи, работой подтверждая,
Нам рассказали о хранилищах земли.
А о геологах писать довольно сложно,
Народ с рожденья одержим своей мечтой:
Найти затерянное там, где невозможно,
Иль выше всех, или в глуби земной.
Из инструментов с ними только молоток,
Да знаний груз, полученных в учении,
И как приказ, план полевых работ,
В свободном поиске, но в нужном направлении.
Тяжелый труд с темна и до темна,
И на спине груз образцов, рюкзачный,
Но на таких вот держится страна,
Всё выдержат, найдут и обозначат.
Создатель все что создал, под замок,

А ключ положил под небесный полог,
И с той поры и не жалея ног,
Найти его пытается геолог.
А в тридцать пятом, а потом в тридцать шестом
Здесь Верещагиным открыты три находки,
Олонь-Шибирская, Шангинская, Худайское потом,
С углями, для открытой разработки.
И начинается с годов пятидесятих,
Разведочных работ десятков лет.
И труд геологов, порой чудаковатых,
Долине этой угленосный дал портрет.
Прошло неполных десять лет после войны,
Стране промышленных ресурсов не хватало,
И газ, и уголь, и металлы ей нужны,
И много нефти, чтоб страна на ноги встала.
Разведка недр, здесь, в Бурятии, вот тут,
Заказ имела очень срочный, литер «П»,
И от Тугнуя, на восток, нашла приют,
База геологов, в народе ГРП.
Посёлок рос, народ «геологой» назвал,
Семь буровых не вызывали удивленья.
И мастер Рыбников Иван впервые сдал
Из скважины все керны для хранения.
И на цементе известковом шёл песчаник,
И керн из него был очень крепкий.
И среди них, скорей всего неожиданно,
Шли угольных пластов порой отметки.
Весельем длилась радость не смолкая,
Когда из колонковой вслед за керном
Шёл уголь россыпью, всё рядом засыпая,
Все понимали, на пути стоим, на верном.
Высок был очень дух соревнования,
Ценилась скважина своим буровиком,
Рабочий опыт, трудолюбие и знания –
Всё это называлось мастерством.

Сейчас, когда уж прошлое за гранью,
Наградных грамот, потускневшие листки
Для нас они как факт того признанья,
Как дань за труд и за стремление найти.
Начальник партии, товарищ Кузнецов,
Был в геологии известною фигурой,
Он быстро начал из окрестных мужиков
Учить бурильщиков и в паре к ним помбуров.
А Кузнецов из тех, кто жизнь повидал,
Решенье быстро принимал, без проволочек,
Причем проблемы как-то в узел не вязал,
Чтоб не было неясных многоточий.
На вид серьёзен, чуть суров, но справедлив,
Он сделал многое для партии, конечно,
И здесь, у нас, свою жену похоронив,
Стал нашим, хоть и родом был не здешний.
И из колхозов, через армию пройдя,
И в свой колхоз уж больше не ногою,
Сюда к геологам, мечту свою тая,
Ребята шли за жизнью, за другою.
И здесь, в геологе, свой паспорт получив,
А с ним свободу на ученье и на жизнь,
И на барак отцовский дом сменив,
С трудом ударным прямиком в социализм.
И фонд жилой для ГРП на этом месте,
Пятнадцать домиков, все сборно-щитовые,
И пять бараков, человек почти на двести,
Контора, склад и магазин, и мастерские.
Машины-вахты и машины для раствора,
Для всех работ есть матобеспечение,
Из мастерских, порой обрывки разговора,
О том, как движется разведка и бурение.
Впервые здесь, в Тугнуйской ГРП
Все буровые обустроили на сани,
И тягачи в то время наши-ЧТЗ,

Тянули вышки очень толстыми тросами.
Кто был на первом тягаче, никто не помнит,
А на втором – земляк Леонов Алексей,
И от Степного по долине прямо к Бому
Тянули медленно, стараясь поскорей.
Сюда с женою он приехал из Шабура,
Обдумав все, а не аврально, с горяча,
Хотел пойти учиться на помбура,
Но вышло так, что сел на тягача.
Он в леспромхозе был трелевщиком обучен,
И трактор знал, да и желание имел,
И лес таскал и по равнинам, и по кручам,
Снорист был, удал и очень смел.
Все вышки здесь для перевозки разбирались,
На новом месте сборки, шум кругом да звон,
В работе этой три-четыре дня терялись,
Он ложить вышку научился в горизонт.
А время движется, всё скорость убыстряя,
И на дворе уж двадцать первый год,
Внук Алексей, работу деда продолжая,
Тугнуйский, каменный копает уголёк.
Он безопасностью промышленной владеет,
Труда охрана, производственный контроль.
Наверно, дед ещё бы стал резвее,
Узнав, что выпадет такая внуку роль.
А степь заплатками плешин солончаковых,
Тут нужен опыт, без рывков держать натяг,
Маршрут пролаживал геолог участковый,
А тракторист, из коридора, ни на шаг.
Потом и Фёдоров Иван, риск понимая,
Все буровые на санях перевозил,
И эти сани, по степи бугры срезая,
Всем много время сэкономили и сил.
Иван Савельич в Гунду прямо из Тугнуя,
Делилась партия в году полста шестом,

И он на сани ложить вышку буровую,
Уча, показывал, как делал это он.
Тугнуйской партией Озерное в Еравне,
За десять лет в обширнейшей работе
Доказано, что близко нету равных,
Сейчас две тысячи рабочих в этом ГОКе.
Месторождение открыв полиметаллов,
Свинец и цинк, да золото с серебром,
Там наших земляков на все хватало,
И вышки двигать и стоять буровиком.
Иначе в топь, солончаковое болото
Надолго трактор вместе с вышкой утопить,
Но уж такая у геолога работа,
Проверить точно и дорогу проложить
Геолог участковый и трудяга, и ходок,
И с картами на «ты» он, без сомненья,
Геологический маршрут и буровой станок,
Не просто знал, а как таблицу умноженья.
И передвинув буровую без разборки,
Тросами вышку поднимали вертикально,
И чуть спустя вгрызались зубьями коронки,
Простои вышки без работы минимальны.
Бурение, подъём и керн падает округло,
И колонковая легко их сразу отдаёт,
И вновь снаряд, змеёй скрутившись туго,
По скважине, вращаясь, вниз ползет.
Буровиком Брылёв Мирон Никитич
Работал в руднике и здесь среди своих,
Помбуром у него сестренка Шура,
Проходка – двадцать метров на двоих.
Помбуру Шурочке со штангой бурового
Руками девичьими, смену напролет
Настолько тяжело, что глаз слезою,
То на пол капнет, то на робу упадет.
Мирон на руднике работал, Балягинском,

Со света божьего в нутро земли проник,
На том же самом, где трудились декабристы,
На тех же самых вагонетках, скрип да скрип.
Там до войны его отец, трудясь в забое,
Кормил семью, на жизнь не ропща,
Но был изранен, искалечен весь войною,
Как старший сын, Мирон сменил отца.
Закрыли рудник, где добыча шла вручную,
Завод Петровский перешел на металлолом,
Вот так, к геологам Мирон попал в Тутнуге,
Где, выучившись, стал буровиком.
Столовой нет, питание все с собою,
Такой же, как шахтерский тормозок,
А жалоб нет, ведь время дорогое,
И возраст, двадцать третий лишь годок.
На буровых народ из отслуживших,
Хоть молодые, но мудры не по годам,
И есть прослойка мужиков, уже поживших,
Да и закон на буровой, рабочий план.
И день и ночь, и летом и зимою,
С раствором глиняным, чтоб керны сохранить,
Контроль геолога за каждую трубою,
Решили, всё, чтоб Саган-Нуру, быть.
Бурились скважины, план-график соблюдая,
И мощный дизель буровой не знал покоя,
Буровики, всю важность дела понимая,
Вгрызались в землю колонковою трубою,
Снаряд проходческий, с коронкой в голове,
А вся коронка с твердосплавными зубами,
Порой упертые в скалу, там, в глубине,
Пройти за сутки, больше метра не давали.
Бурили с глубиной, весьма различной,
С одним с условием – до коренных пород,
По профилям, не просто хаотично,
А где геолог колышек забьет.

А в пласт угля труба, смеясь, входила,
И чтобы пробы точно в пласт сложить,
Тут как-то даже очень нужно было,
И верх, и низ пласта определить.
Вот тут двойною колонковою трубою,
И выбрав скорость прохождения пласта,
Уменье, опыт ведь не дар само собою,
А труд, упорство и удача как сестра.
А на квадрате в километр девять скважин,
В рабочий год они равнялись пятистам.
Тут труд геологов, который очень важен,
Не столько им, сколь нашим горнякам.
На пересменку, время вечером и утром,
Водитель вахты, график строго выполнял,
Геолог, керны собирая по маршруту,
Все делал точно и ошибок избегал.
И каждый день проходка в метрах приростала,
На каждой скважине своим буровиком,
План-график, как извечное начало,
Все остальное оставлялось на потом.
Хранились керны в деревянной упаковке,
Порядок строгий и поскважинный учет,
Ведь в ГРП был мастер тарной заготовки,
Яков Лоскутников, чикойский мужичок.
И магазин, конечно, с ОРСовским снабженьем,
На фоне нашего Тутнуйского сельпо
Казался раем, привилегией, везеньем,
Для ГРП в нем не жалели ничего.
И продавец трудилась в нем бессменно ...
Анна Шмакова, жена фронтовика,
А муж Сергей машиною военной
Был награжден за ратные дела.
На этой он машине здесь трудился,
Машина – зверь, по паспорту ЗИС пять,
Для этой партии он очень пригодился

И молодым умел поддержку оказать.
На буровых порой аварии случались,
Рвало снаряд, не дав проходку завершить,
И все работы по подъёму начинались
С желанья метчик в эту штангу закрутить.
Работа трудная и мастер нужен классный,
Всё очень точно, без рывков и суеты.
И знают многие: не каждому подвластно
Поймать снаряд и вытащить из тьмы.
А на бурильщиках брезентовая роба,
В растворе глиняном, мокрее не сыскать,
Зимой в железо превращалась от мороза,
Когда на вышку приходилось залезать.
Тяжелый труд с романтикою связан,
Не каждый может стать буровиком,
Но кто пришёл сюда, уже обязан,
Вгрызаясь в землю, позабыть про стон.
Сейчас, когда добыча днем и ночью,
Карьер растет, стремясь запасы взять,
Понятно всем, разведка очень точно
Угленасыщенность сумела подсчитать.
И доразведка, тех годов восьмидесятых,
В течение, почти восьми годов,
Двумя станками, в штате бывшие солдаты,
Цель – уточненье залегания пластов.
Детально, скрупулезно, по отметкам,
Лишь керном можно было подтвердить,
И скважины бурились метр за метром,
Всяк буровик старался точным быть.
И проверялось это все уже по карте,
Где все параметры должны сходиться в ноль,
И расхождение в глубинах, как де-факто,
Геолог брал под очень тщательный контроль.
В восьмидесятые, трудясь на доразведке,
И статью крупной, и активностью своей

Запомнилась нам Воронцова Света
И Валя Кочнева, гидрогеолог, вместе с ней.
Запас подземных вод в долине изучая,
Бурили скважины они по профилям,
И вывод: на воду депрессия скупая,
Немного лучше возле Брянки, где фонтан.
Станок свой Михаил Игнатович Буланцев,
Трудясь помбуром, а потом буровиком,
И первый керн, отшлифованный до глянца,
Все держит в памяти, тут время ни при чем.
Раствор из глины бентонитовой чуть синий,
Рукав подачи в колонковую трубу,
И этот ритм буровой необъяснимый,
Не всем пришедшим оказался по плечу.
Возили глину из Гусинки на машине,
Для глинизации шахт скважины нужны,
Не желто-красную, а всю с отливом синим,
Уж очень вязкою и прочною была.
Водители смеялись над названием,
Мол, с Римским папою, она почти родня,
Но никогда под срыв не ставили заданье,
Ведь бентониты заменить ничем нельзя.
Еще одна сестра Мирона, Вера,
На глинистой видна среди других,
С подругой Тоней сноровисто умело
Готовят глиняный раствор для буровых.
И лет-то ей всего семнадцать только.
Тяжелый труд, когда готовится раствор,
Но жизнерадостная молодость настолько,
Чуть отдохнут и веселеет разговор.
Вопрос бытовке, крайне редко уделялся,
Ведь крыша есть у всех над головой,
Размер зарплаты – этот стимул подтверждался
Стремленьем выполнить, и выполнить с лихвой.
Размер зарплаты – не такой уж и огромный,

В то время трудное умели все ценить,
Да и сегодня этот стимул – кран подъемный,
Где кран мощнее, там и выгоднее и жить.
Бурились скважины, зарплата возрастала,
Гордились кадрами в геологоразведке,
Попасть сюда не так-то просто стало,
Вакансии в ней стали очень редки.
И в кирзачах своих, шагая по маршрутам,
В плаще брезентовом, да кепочке-беретке,
Геолог главный, был и вечером и утром
Среди людей, вникая в тонкости разведки.
Порой с улыбочкой, но въедливо-дотошный,
До самой сути, доходя до фанатизма,
Он был геолог настоящий, не нарочный,
Был как пособие профессионализма.
Он к каждой буровой ногами тропку
Натаптывал, чтоб исключить сомненья,
Буровики, узнав его походку,
Все образцы группировали для прочтения.
И много лет спустя его хвалили,
Мол, очень уж он был принципиальный,
Умел показывать, чему его учили,
Учил работы добиваться безаваральной.
Горели зори на восходе и закате,
Горели, отблесками крася, буровые,
И для влюбленных они были очень кстати,
Ведь все работники здесь были молодые.
И словно керном, на цементе известковом,
С особой прочностью семья здесь зарождалась,
Где в комнатке барачной счастьем новым
Их жизнь совместная, судьбой определялась.
Начальник партии в любом вопросе спорном
Всегда лицом, к вновь созданной семье,
Он понимал, что молодежь - это опора,
Путь к дисциплине, плюс новаторство вдвойне.

Быть может в скважинах и метрах я не точен,
Их как- то раньше, не пытались подсчитать.
Да и оценки я давать не полномочен,
Но вам, геологи, скажу: «Вот так держать!»
И хоть название ей Тугнуйская депрессия,
Жить Саган-Нуру депрессивно не велит.
И терриконов громадьё, вскрышное месиво
О цифрах добычи наглядно говорит.
Найти, разведать, обозначить - суть разведки,
Для горняков, из недр земных, взять божий дар,
Для менеджмента сделать бизнес крепкий,
Затраты снизив, сбыть повыгодней товар.
Таков расклад идёт от древних и поныне,
Разрез Тугнуйский в этой теме на плаву,
И уголь каменный, хранящийся в долине,
Известность, славу ей принёс и похвалу.
А коллектив разреза долго, очень трудно
Был сложным механизмом на обкатке,
Зато теперь, отлаженно и дружно
План добычи стремится к верхней планке.
И кто, в совхозе труд ценил, ценили место,
Те, кто в труде крестьянском не стонал,
Те, кто трудились добросовестно и честно,
Ушли в разрез, когда наметился развал.
Сегодня многие из них, собрались в зале,
И совесть, перед прошлым, их чиста,
Да и в разрезе они тоже не дремали,
Своим трудом, своё доказывали-«Я».

А уголь десятипроцентно-зольный
Ниже Тугнуя и не так уж далеко,
Вот тут готовить надо шахты-штольни,
И к ним шахтёров, ибо уголь глубоко.
Вопросов много у разреза возникает,
Но там ведь трудятся не только горняки,

А там спецы, кто всё об углях знает,
И как их взять и как к ним подойти.
А главный спец в разрезе генеральный,
Мы видим, как разрез разбег берёт.
Добыча с линии сплошной, горизонтальной,
Хоть сонаправлено, но круто вверх, на взлёт.
Для геологии полвека золотого,
С сороковых по девяностые года,
Открыло тайны нам хранилища земного
С разведкой точной и по полной, как всегда.
Десятки тысяч, да каких месторождений,
Вся геология в расцвете своих сил,
Сейчас в бюджет две трети поступлений
Дает то, что геолог нам открыл.

***Столетию со дня разгрома
японских оккупантов на
Мухоршибирской земле
посвящается это стихотворение***

Я прошлым не живу и вас не призываю,
Но надо помнить об истории своей,
Все вехи своего родного края,
Засохнет дерево, оставшись без корней.

Двадцатый год, все краха ждут
Для молодой Советской власти,
Страну кромсают, грабят, жгут
Наёмники продажной масти.

Страна в огромном мятеже
И не понять, чей клич честнее,
Все, кто за власть, все в дележе,
Хватают то, что повкуснее.

С востока интервентов рать,
Японцев марш начался лихо,
К рукам хотят Сибирь прибрать,
Пока в стране неразбериха.

Японцам дверь в Сибирь открыл
В то время атаман Семёнов,
Союз он с ними заключил,
Всё сдал за пару миллионов.

Семёнов здесь не одинок,
И каппелевцы с ним, и чехи,
Шагая с ними на восток,
В пути террором красил вехи.

В январский день, сто лет назад,
В Петровске с ходу взяв пакгауз,
Японцев тысячный отряд
Шёл в Бичуру через Харауз.

Чужая речь и блеск штыков
Солдат, «Антантою» нанятых,
В них гибель наших мужиков
Из сёл сожжённых и распятых.

Приказ для них – ты самурай,
С амбицией захвата власти,
Их манит наш бурятский край,
Им здесь обещано всем счастье.

Им за Байкалом надо всё,
Всю силу рек, степей равнину,
Хребтов гранитных кружевье,
Леса и недра, и пушнину.

Хотят найти в чужом краю
Костёр, который их согреет,
Найдут же здесь судьбу свою
Такой, что очень пожалеют.

Харауз первым их встречал,
Уж так судьба распорядилась,
И первый на себе познал
Японцев гнев и их немилость.

И два десятка мужиков,
Окрасив снег, навек уснули,
Лежать остались средь снегов,
Поймав карательские пули.

Они убиты просто так,
Убиты лишь для устрашения,
Убиты пулями солдат,
И не в бою ведь, а в селенье.

Никольск – старинное село,
Село семейских староверцев,
И тракт московский сквозь него –
Свободный путь для иноверцев.

Стуча подковами о тракт
Обоз, саней почти под сорок,
А с ним и тысяча солдат
Влились в Никольск,
Спустиась под гору.

А утром крики над селом,
Людей испуганные лица,
Не всем, кто согнан и пленён,
Домой придётся возвратиться.

Капрал команду отдаёт
Вокруг пленённых всем собраться,
И сабли наголо - весь взвод,
А пленников всего двенадцать.

Как обманчивым порой
Бывает даже у злодея,
Хиро - капрал, зуб золотой,
С улыбкой, нет его добрее.

Ему б куда-нибудь пойти
С любовью к людям, не иначе,
Но он, сам дьявол во плоти,
Смеётся он, а люди плачут.

Двенадцать рослых никольчан,
Молясь, себя перекрестили,
И на глазах односельчан
Им тут же головы срубили.

И белый снег, искристый снег,
Весь в крупных каплях алой крови,
Смотреть на них уж силы нет
И из- под ног земля уходит.

Капрал по- дикому кричал,
Лицо всё злобой налитое,
Никольск испуганно молчал,
Впервые видел он такое.

А церковь там, на берегу,
Куда народ глядит с мольбою,
Здесь тел движенья на снегу,
Уже расставшихся с душою.

Оцепенев народ стоял,
От ужаса лишившись речи.
Японский здешний бог капрал
Повёл японцев к новой встрече.

А тракт московский вдаль идёт,
Пройдя Никольск по над горою,
Он перелесками ведёт
Японцев прямо к Хонголою.

И здесь расправу навели,
Зверея от пролитой крови,
Над безоружными людьми,
Над жителями Хонхолоя.

Отряд японцев, как змея
В Харашибирь из Хонхолоя,
Оставив позади себя
И море слёз, и море горя.

И здесь село взяв в оборот,
Ночной порою, так страшнее.
Набор всех ужасов всё тот,
Чиня расправу, сатанеют.

Харашибирь уж позади,
Где пятьдесят два мирных дома,
Каратели, смеясь, сожгли,
Себя поставив вне закона.

И в небе сакурой цвели,
Вокруг вёрст на сто освещая,
Пожаров злые языки,
Всё в пепелище превращая.

Убитых тоже много здесь,
Гребёж, насилия и пытки,
А оккупантов ведь не счесть,
Село разграблено до нитки.

На кладбище, у входа, тут,
Для павших братская могила,
Семнадцать здесь нашли приют,
Казнил капрал их Хиросира.

Когда пожар всю пылал,
Дома вдоль речки все горели,
Капрал, смеясь, их расстрелял,
Любил смеяться при расстреле.

И этот марш, марш уstraшения,
Мухоршибирский тракт топтал,
И помнят до сих пор селения,
Кто на защиту их вставал.

И уходили в партизаны,
Кто не хотел с позором жить,
Чтобы потом гостей незваных,
Объединившись разгромить.

И в битве, против всех вояк,
Японцев, каппелевцев, чехов
Мухоршибирский главный штаб –
Организатор всех успехов.

Мухоршибирь совсем не жгли,
Село в дыму харашибирском,
Зато стреляли, сколь могли,
Стреляли сельских активистов.

И плач, и стоны над селом,
И дым кругом стеною чёрной,
Теперь вот памятник о том
Стоит на улице Нагорной.

Победным маршем тра-та-та,
Идут по Старому Загану,
Вплоть до Заганского станка,
Где их встречали партизаны.

Но слишком силы неравны,
И партизаны отступили,
Кто чем они вооружены,
И тут японцы их разбили.

Станок Заганский весь сожгли,
Мороз крепчал, под сорок с лишним,
Народ бежал с родной земли,
Бежал кто в чём, кому как вышло.

Японцы шли на Бичуру,
На партизанскую главбазу,
Чтоб ночью, ближе бы к утру,
Деревню сжечь, и сжечь всю сразу.

Забыв свой план на Бичуру,
Японцы круто путь сменяли,
Пошли войной на Зардаму
Сожгли её и бой приняли.

Красночикойский штаб тогда
Японцам не давал покоя,
Собрав всех партизан сюда,
Из Буя, Урлука, Чикоя.

И сводный партизанский полк
Здесь воевал, как приходилось.
Взять не могли японцы в толк
Откуда что на них свалилось.

Полк бородатых мужиков,
Выплёскивая гнев и ярость,
С такой отвагой бил врагов,
Что мало им не показалось.

Урок нам Бонапартом дан.
Как жаль, что это всё забылось.
Ведь вооруженье партизан
С тех пор почти не изменилось.

Не всем винтовки приберёт,
Начальник сводного отряда.
Вооружались кто чем мог,
Ведь воевать с японцем надо.

Один, из Урлука, мужик
С фамилией Егорша Смолин,
Колол на вилы, как на штык,
Японцев с криком: «Не позволим!».

Егорша Смолин храбрым был,
В нём дух охотников Чикоя,
Он трёх японцев поразил,
Навечно вывел их из строя.

Как на медведя, не трясась,
Он на японцев шёл с вилами,
То ли крича, то ль матерясь,
И не один, а с земляками.

Но вскоре сам в бою погиб,
Когда врага на вилы поднял,
Был пулями насквозь прошит,
И он упал и землю обнял.

И больше не увидит он,
Как ранней утренней порою
Плывёт туман по-над селом
И рыба плещется в Чикое.

И как дурманят жарким днём
Полянки спелой земляники,
И как к земле грибным дождём
Из самых туч свисают нити.

И не увидит он родных,
Но дети, внуки жизнь продолжат,
И будет в памяти у них
Жить славный дедушка Егорша.

Есть в Урлуке старинный дом,
Где жил Егор с семьёй когда-то,
Там нет таблички о былом,
И в этом все мы виноваты.

Часть партизан под Зардамой
В бою том головы сложили,
Сыны своей земли родной
Её собою защитили.

Японцы здесь себе нашли,
Что так давно уже искали,
Своих убитых всех сожгли,
А раненых с собою взяли.

Тарбагатайский штаб вполне
Мог партизанами гордиться,
Был ближе к этой стороне,
Где с оккупантами столица.

Американцев в этом роль,
Где главный генерал Морроу,
Взять Верхнеудинск под контроль
И дверь открыть, кто к нам с войною.

Трёхтысячный их гарнизон,
Обросший ратью разномастной,
По-сути, власть он и закон,
В то время на земле бурятской.

Мороз, зима, и путь неблизкий
Из Верхнеудинска по льду,
Вёл белый генерал Левицкий,
В Тарбагатай свою орду.

Но там их встретят партизаны
Из всех ближайших волостей,
И станет бой последним самым
Для всех непрошенных гостей.

Под Омулёвкой разгромили
Часть «Диких» - лютого врага.
Кто жив остался – отступили,
И разбежались кто куда.

Из Кяхты злобой одержимый,
Вёл к Бичуре дивизион,
Продавшийся японцам Крымов,
Забыв про честь и цвет знамён.

Он тоже был из генералов,
Мог бы Россию защищать,
И должен был во что б ни стало,
Но он решил её продать.

И боевой когда-то Крымов,
Забыв, кому он присягал,
Сменял российский край родимый
На золотой империял.

У нас защитников России,
Не забывая, свято чтут,
А вот продажных и поныне
Всегда иудами зовут.

Японцы без победных фраз
К разъезду шли, 37-му.
Они иметь хотели нас,
Но всё им вышло по-другому.

И можно бы, поднявши щит,

Забыть, простить, прогнать всё мимо,
Нельзя, ведь и у них болит,
Скорбит по павшим Хиросима.

Но надо им не забывать,
Да и другим себе представить,
Россию нашу не подмять
И на колени не поставить!

И в памяти и в сердце навсегда

К битве под Москвой

И день и ночь стуча колёсами на стыках
В товарники, упрятав свой народ
Везёт война безусых и небритых
Солдат туда, откуда не вернёт.

И встанут в памяти солдаты поимённо
Восстав из пепла, взрывов, дыма и огня
И обращаясь к нам, сегодняшним потомкам
С надеждой спросит – а вы помните меня?

И сразу сердце по- тревожному забьётся
Глаза накроет очень влажной пеленой
И острой боль. В каждом сердце отзовётся
Всё то, что искорежено войной.

И рельсами вперёд лежит дорога
Идёт сквозь боль изнемогающей страны
И каждый день бомбёжек столько много
Что каждый пятый не доедет до войны.

Уставший паровоз в войну впряжённый,
С одной лишь мыслью – без него не устоять
Вёз в эшелонах батальон за батальоном
Туда к Москве, чтобы столицу отстоять.

Сибиряков в своих дублёных полушубках
Кто Родину с востока охранял,
И тут же санитарки в рваных юбках
Кто под бомбёжками крещение принял.

А до Москвы ещё совсем не мало стыков
И бьющий в небо яркий свет прожекторов,
И «Юнкерс» воющий, зенитчицею сбитый,
И «Трассер», небо прошивающий без швов.

А им по встрече на Восток шли эшелоны,
Эвакуация всех предприятий за Урал
Везя моторы, трансформаторы и домны,
И со станками стратегический металл.

Декабрь, год ещё лишь 41-й,
Но боль людскую ярость с гневом потеснят,
И словно рельсами гудят от боли нервы
Гудят в тылу, гудят на фронте у солдат.

Перед Москвой они, армада кровожадных
Почти без боя всю Европу покорив,
Стоят, позируя у карты, в позах важных
Стоят указками Россию раскроив.

И, не учтя российский наш патриотизм
С приказом Гитлера – Москву с земли стереть,
К нам через Бут ворвался их фашизм
Чтоб к Рождеству Россию одолеть.

И можно ли войну простить? – Не знаю,
Но слыша нынешний гнусавый говорок,
Как россиянин я душою понимаю,
Нельзя не званных запускать через порог.

Всё было, и растерянность, и давка,
Боль отступления, измена и позор,
Но всё же навела порядок ставка
А твёрдый вождь – фашизму приговор.

И долго ещё битва продолжалась,
Тыл за Уралом разрастался и крепчал,
Страна за жизнь свободную сражалась,
И под Москвой фашизм забуксовал.

Я думаю, что зря зачем-то спорят
Чей больше вклад в той битве под Москвой,
Там пролито немало разной крови,
И кто там воевал – уже герой.

А тишина над речкой Бугом метрономом
Июньской ночью по ушам, наращивая гул,
Над Родиной, над нашим общим домом
Фашизм к нам лапу зверя протянул.

Ещё и зорька не алеет над рекою
И росы на землю готовятся упасть.
Но, погранцам уже начертано судьбою
Встречать войны оскаленную пасть.

А через пять минут оборванной струною
Гармошки стоны и убитый гармонист
А рядом с ним его подружка Зоя
И рана на груди в осенний лист.

И где-то здесь Пантелеймон Варфоломеев
Брянской мужик, перед войною тут служил
И не было в бою его смелее
И он под Бугом свою голову сложил.

Живёт в Улан-Удэ земляк брянской
На пенсии давно он, на военной
На прочность был проверен он Чечнёй
А прочность проверялась там мгновенно.

Солдатский путь от кирзовых сапог
Прошёл он до полковничьих погонов.
Он видел, когда пуля бьёт в висок,
То жизнь рвётся гулким метрономом.

По службе он всегда надёжным был
Не прятался, не гнулся, не ломался
Он родине долг честно отслужил
И Слава Богу, что живой остался.

Не любит вспоминать, что повидал
Ведь там не цирковое представленье
Там всё кромсает яростный металл
И ценится порой одно мгновенье.

За смертью сразу тишина, небытие
И жизнь закончена, дальнейшее во мраке
А те, кто жив – опять на острие
На острие до следующей атаки.

Он любит, как и все, увалов зыбь
Он вырос и учился в нашей школе
И прежде, чем начнёт он говорить
Представляю вам – Петренко Анатолий.

*Мальчишкам безусым, в бессмертие
ушедшим навсегда ПОСВЯЩАЮ...*

В памятный тот сорок первый год
Рухнул мир. И сразу в одночасье
Ужасов войны водоворот
Смерть людей и свастика у власти.

Вы же в первый день войны, ребята,
Родину призвались защищать
И война вас унесла куда-то
Так и не успевших старше стать.

Вас, ещё совсем и не солдатом,
Не познавших жизни и любви
Жернова войны, войны проклятой
Затянули в лопасти свои.

И война вас всех взяла живыми
Но вернула только трёх из ста.
В вечность вы шагнули молодыми
Молодыми будете всегда.

В этой жесточайшей круговерти,
Защищая грудью отчий дом,
Вы совсем не думали о смерти
Все изрешечённые свинцом.

Помня, что за вами вся Россия
И, не дав врагу сломить себя,
Шли на смерть, пощады не просили
Только бы врага остановить.

Грудью амбразуры закрывая
На таран шли в небе ястребком
В танках, заживо сгорая
Свято верили в победу над врагом.

Вас, четыре с половиной миллиона
Молодых, и чуть постарше мужиков
Забрала война, как пасть дракона
Не спросив кому и сколь годов.

И в родительской вы памяти остались
Всё такими же, как в тот последний час.
И навечно в каждом сердце прописались
В боль, теперь живущую средь нас.

Много лет прошло, как появилась
В сорок пятом та победная весна.
Жить и помнить, чтоб не повторилась
Снова, очень страшная война.

Там, где шли бои, там обелиски
Где мемориал – там битва шла.
Все могилы братские для близких
Память вечная всем павшим без лица.

Подвиг ваш бессмертен многократно
И живёт он в памяти людской
Мы в долгу пред вами неоплатном
Подвиг ваш, как вы же, молодой.

Сколько их, мальчишек, неизвестно
Мир храня, себя не сберегли.
Вот за это мы им повсеместно
В этот день склонимся до земли.

Сёла малые России
Где б их встретить не пришлось
Вспоминают дни былые
Что прожить им довелось.
Чтут они всю святость даты
Май, Победа, Торжество.
Полк бессмертный, в нём солдаты
Здесь родное их село.
Брянка помнит многолюдье
Помнит, как её сынов
Гул протяжный, гул орудий
Молча взял, не тратя слов.
Кто вернулся невредимый
Кто изранен - тоже тут
Тридцать с лишним в край родимый
Никогда уж не придут.
Митинг, памятник, чтоб помнить
Строчки, даты и портрет
Здесь собрались, чтобы вспомнить
Тех, кого уж нынче нет.
Вспомнить страшную их ношу
Русь до Волги, всю в огне
И чтоб не был позаброшен
Этот памятник в селе.

Журавли на митинге

Митинг шёл, и каждый слушал
И вдруг, помня о былом,

Журавли, как павших души,
Закружились над селом.
Плач, пронзительно-протяжный
Шёл оттуда, с вышины,
Много раз, а не однажды
Плыл к нам восточкой с войны.
Плач души их обнажённой
Сколько боли в нём, не счесть.
Мы стояли напряжённо,
Зная, в этом что -то есть.
Все, кто здесь, смотрели в небо,
Взор свой спрятав от друзей
Кто искал отца, кто деда,
В том кругу, средь журавлей.
Только жаль, что не сумели
Журавлей на фото снять.
То ли суть не разглядели,
Толь не всё успев понять.
А они, кружась над нами
Там, где митинг шёл в селе
Породнились с облаками
И ушли в небытие...
И оттуда крик пронёсся,
Чтобы слышали, кто смог
Мы опять весной вернёмся
К вам, на будущий год.

Помним и гордимся

Тугнуй, Мухоршибирского района,
Село степной родимой стороны,
Он, как и все, бедою опаленный

На острие, и в жерновах войны.
В Тугнуге Книгу Памяти издали,
Труд благодарный,
Память тех почтивший,
Кого заслуги ратные вписали,
В бессмертный полк,
Мир защитивший.
Победа, памятник гранитный,
В семьдесят пятый уже раз,
Но нет участников той битвы,
Как жаль, что нет их среди нас.
Уносит время все с собою,
Как пену в гребне на волне,
Уносит прошлое, бывшее,
Все, кроме правды о войне.
Война еще не начиналась,
В тиши над Бугом – метроном,
Уж скоро полночь и казалось –
Мир нерушим и вечен он.
Но на рассвете – ад крошечный,
Разрывы бомб, земля горит,
И воздух, свастикой нездешней,
Но крепость Брестская стоит.
Мы отступали в первый год,
Но крепость Брестская не сдалась,
Враги – на сотню вёрст вперед,
И крепость яростно сражалась.
Но было иногда не так,
Предательство, измена, пытки.
Но все же просчитался враг,
СССР – боец не хлипкий.
Здесь, в крепости, всегда темно,
Но нет таких, кто суеверен.
И бьются, бьются все равно,
Кто до конца присяге верен.

И в этой стойкости глядится
Характер матушки Руси.
С врагом не ради славы биться,
А биться так, чтоб всех спасти.
А немцы прут и прут к Москве,
Приказ – сравнять Москву с землёю,
Но на последнем рубеже
Их что –то резко остановит.
В той страшной битве под Москвою,
Страна всю прочность напрягла,
Упершись в кремль всей спиною,
Москву закрыть собой смогла.
Грызя сухарь ржаного хлеба,
Лежит в снегах продрогший взвод,
С землёю смешанное небо
И вой снарядов душу рвёт.
Тугнуйцы тоже здесь бывали,
Сюда проделав длинный путь.
И стойко, до конца стояли,
Назад не смея и взглянуть.
И тут же в бой, где скрежет стали,
Крещение в том аду приняв,
Навечно стали москвичами,
В Москве не раз не побывав.
В Тугнуй семнадцать не вернулись,
Жесток кровавый бог войны,
Там, где в бою с врагом столкнулись,
Лежат, Тугнуй, твои сыны.
На всех фронтах в жёстких битвах,
Сражались с Брянки мужики,
Остались тридцать пять в молитвах,
Молитвах материнских жить.
Цену победы не измерить,
И боль потерь не передать.
В Победу надо было верить,

Ведь с верой легче воевать.
Среди голодных и промерзших,
Но снова стойко шедших в бой,
Танкисты есть с тридцатьчетверки,
Насквозь пропахшие войной.
С душой, войною опалённой,
Горевших заживо не раз,
Мы всех их помним поименно,
Они ведь жили среди нас.
А жизнь танка в наступленье
Всего лишь, в среднем, семь минут.
Танкисты, быстрые в решение,
Свой срок не раз переживут.
И в день Победы, день парадный,
Они порой, смахнув слезу,
И часто сбивчиво, нескладно
Нам говорили про войну.
А после, выпив фронтовые,
Разогревая прошлым кровь,
Шли там по матушке России,
На танках, с боем вновь и вновь.
И как-то сразу замолкали,
Припомнив, яростный тот гнев,
Когда друзей своих теряли,
Ничем помочь им не сумев.
Свой путь военный, хоть и долгий,
Сосед всегда в рассказ вмещал,
Он нам рассказывал про Волгу,
Он Сталинград там защищал.
Домов разрушенных скелеты,
И рядом в них мундир чужой,
И вой снарядов, и не где-то,
А прямо тут, над головой.
Нет без бомбёжки ни минутки.
Напалм сжигал всё до земли,

Тут за одни лишь только сутки
Сто тысяч жителей сожгли.
Роль этой битвы Сталинградской,
Оценена уж много раз.
И надо правду слов солдатских
Запомнить каждому из нас.
Под Курском не дугу вы гнули,
Вы немцу правили оскал,
Не все домой себя вернули,
Но кто вернулся – курским стал.
О Курской битве ходят были,
Как битве важной для страны,
Здесь немцам так наколотили,
Что повернули ход войны.
Война всех наших развела,
Растянут фронт и до предела.
Куда б судьба не привела,
Там земляки дрались умело.
Где бой идёт, там земляки,
Под Ржевом, Ельней и под Тулой.
Не все с наградами пришли,
Не всех война домой вернула.
Пожалуй, нет такого места,
Где наш земляк не бил врагов.
И слушать было интересно
Нам их, самих фронтовиков.
Под Ржевом он окопы рыл,
Вгрызался в землю в эту осень,
От боли и от злобы выл,
Но выстоял и пост не бросил.
За это низкий им поклон,
Что выстоял, и отстояли.
Им монумент там возведен,
Кто подо Ржевом воевали.
Земля у немцев под ногами

Горела, снег весь растопив,
И рык катюш, и залпов пламя,
И немец, пятясь, отступил
Впервые здесь контрудары
Прорыв рождался на глазах,
Вместо бравады и угара
Напал на немцев дикий страх.
Но перелом еще не скоро
И отступать все тяжелей,
Ведь на душе солдат укором
Стояли слезы матерей.
Судьба оставшихся в неволе,
Где лишь фашистский беспредел.
Как ком в груди сердечной боли,
Что защитить их не сумел.
За увезенных к немцам в рабство,
За всех живых и кто убит,
Солдат, защитник государства,
Фашистам это не простит.

И очень вовремя и к месту
Земляк Смоленск оборонял.
И красавицу Одессу
Своей он грудью защищал.
Их ратных дел – не перечесть
И все они достойны славы,
И их заслуга в этом есть,
Что гордо реет флаг державы.
Панфиловец – звучит как званье,
Средь наших тоже был один,
Пройдя лихие испытанья,
Домой вернулся невредим.
Призыв политрука Клочкова
Он помнил много лет спустя,
Всего короткие три слова,

За нами Родина, Москва!
И в день Победы он не плакал,
Глядел на Памятник без слёз,
Себя в бою от пуль не прятал,
Он сквозь войну Победу нёс.
Земляк мой – не Василий Тёркин,
Скорей молчун, я бы сказал.
Но разве что курил махорку,
Да до Берлина дошагал.
И он из снайперской винтовки
Так метко по врагам стрелял,
Что весь приклад, как ёж в иголках,
Под каждой меткой фриц лежал.
И на гармошке не играл он,
Призыванья не было играть,
Зато под снежным одеялом,
В засаде, сутки мог лежать.
Сегодня Ленинград мы вспомним,
Блокадных очень много дней,
Как выстоял и не был сломлен,
И жизнь, и ту дорогу к ней.
И Ладогой, как пуповиной,
Был связан город и народ
Со всей страной своей родимой
Дорогой жизни круглый год.
Не просто жил он, а трудился,
На фронт работал день и ночь.
Своим народом он гордился,
Сумел все беды превозмочь.
И пайка хлеба, как брусочек,
Сто двадцать пять блокадных грамм,
Да и воды – один глоточек,
Равнялись жизни по утрам.
Простой советский паровоз,
Усталый труженик России,

Он сквозь бомбежки грузы вёз,
Вез все, что нужно, что просили.
Войска на фронт, а в тыл заводы,
На рельсах гул и день и ночь.
Без сна, без отдыха все годы,
Лишь бы успеть, лишь бы помочь.
Урал зарницей искромётной
Варил, ковал и собирал,
И пушки, танки, миномёты
Войскам по планам поставлял.
Всю огневую мощь заводов
Везли сюда, через Урал,
От всех республик и народов
Здесь был людской потенциал.
Подростков было очень много,
И даже были лет с восьми,
Потом став гордостью завода,
Совсем ещё были детьми.
Всё, что стреляло и взрывалось,
Всё, что дышать огнём могло,
Всё, что Уралом собиралось
В строку победную легло.
Катюш, распевы огневые,
Под Ржевом песню заведя,
Не просто так врага громили,
Громили, ужас наведя.
Война, разруха, недород
Картошка уродилась плохо,
Как растянуть на целый год
Она чуть – чуть крупней гороха.
А похоронки, жизнь калеча,
Летят в Тугнуй с той стороны,
И вдовы, в раз лишившись речи,
Твердеют камнем – от войны.
И, разделяя вдовью участь,

Народ, кто чем им помогает,
И каждый день их жизнь учит
Характер вдовый закаляет.
И, закусив губу до боли
С утра, не распуская слёз,
Она идёт трудиться в поле,
Ведь тут её родной совхоз.
Пришла страда, хлеба поспели,
Поля идут за горизонт,
И женщины села одели
На всю войну- комбинезон.
Учили женщин очень быстро,
На обучение – три дня.
И вскоре наши трактористки
Всю тяжесть взяли на себя.
Хотя и плакали ночами,
Давясь горючею слезой,
Но вскоре все познали сами,
И трактор стал им как родной.
И день и ночь гудят моторы,
Хлеб - голодающим фронтам
И здесь нет места уговорам,
Ведь хлеб туда: мужьям, сынам.
А сами ели, что придётся,
С заботой как детей спасать,
Колесник снова в поле рвётся,
До снега надо хлеб убрать.
А тут зима, мороз сильнее,
Чем печь топить, как прокормиться,
И вдовам во сто крат труднее,
И надо жить, не оступиться.
Меня спросила как – то в школе
Девчушка, взгляд потупив синий,
Зачем ходить за хлебом в поле,
Ведь хлеб есть в каждом магазине.

И я подумал, как ответить,
Ответить, чтобы она знала,
Что и в войну ведь были дети,
Но детство их война украла.
Лихая им досталась доля,
Взрослели быстро, как – то сразу,
И колоски в широком поле
Искать учились детским глазом.
Но это не игра такая,
Искать, где колосок укрылся,
Ведь она частица каравая,
Который, всю войну им снился.
Был он то смешан с лебедою,
То с чем – то, даже непонятным,
А то с сосновою корою,
Но все равно на вкус приятным.
Твердил сосед, порой до крика,
СССР – непобедим!
Мол хлеба белого досыта.
После войны все поедим.
Желаю в жизни современной
Всем только мир и тишину,
И что бы хлеб, тот хлеб военный,
Есть не хотелось- никому.
Четвертый год фронты в работе,
Сентябрь, достигли рубежа.
Теперь вот дальше, по Европе
Туда, где логово врага.
Еще мы долго воевали,
Ведь до Берлина далеко.
Пока тот мир освобождали,
Своих не мало полегло.
И по Зееловским высотам
Солдат советский прошагал.
Достались нам они не просто,

Их маршал Жуков трижды брал.
Земляк, пехота, дядя Ваня
На брюхе на высоты лез.
Он говорил порой с друзьями
Там ад, с земли и до небес.
Добавит, засмущавшись сразу,
Он не привык себя хвалить,
Но все ж сумели мы заразу
И под землёю истребить.
Другой солдат, он родом с Брянки,
Американцам побратим.
На Эльбе встреча-они Янки,
А он потомственный карым.
Они братались и кричали,
Трофейный пили вместе шнапс,
Они друг друга понимали,
Но лишь тогда и только раз.
Май сорок пятого ликует,
И он один для всей страны.
И здесь у нас, в селе Тугнуе,
Родных и близких ждут с войны.
Но весть тревожная приходит
Война с японцем впереди.
И вновь печаль душу приводит
С молитвой к Богу- сохрани.
В трудах все лето проводили,
Тугнуйцы, ждущие своих.
А в сентябре всем объявили
Японцам все, разбили их.
После войны, японцев пленных,
Всех в леспромхоз определили,
Чтоб за Шабурской речкой пенной
Готовя лес, в землянках жили.
Построив путь до комбината
И лес пилить, пилой двуручной.

План- восемь кубиков на брата,
Чтоб жизнь не казалась скучной.
А лес всем надо без задержки,
Страна – войной разорена.
И лес от пленных толь поддержка,
Толь искупления цена.
Больницы строили и школы,
Спортзалы, клубы и дома,
И каждый день японцы в горы,
Где лес валили до темна.
Здесь можно паузу поставить,
В рассказ, про страшную войну,
И всех с Победою поздравить.
И всем наказ - беречь страну.

Вдовы

Уж семь десятков годов пролетело,
Когда отгремел тот победный салют,
Но знаем мы все, как с надеждой и верой
Тугнуйские вдовы мужей своих ждут.
И каждой весною к девятому Мая
Из грозных сражений в наш мир и уют
На крыльях своих журавлиные стаи
От павших солдат нам наказы несут.
Наказов немного – жить в мире и дружбе
И свято беречь землю наших отцов,
И если когда-нибудь станет вдруг нужно,
То будьте достойны погибших бойцов.
Заря над Тугнуем невестой алеет,
О чём-то чуть слышно деревья шумят.
Вот здесь, на скамейках, на этой аллее

Влюблённые пары как прежде сидят.
Ведь только за это погибли солдаты,
Чтоб право на жизнь мы имели всегда,
И памятник павшим поставлен когда-то,
Чтоб память людскую не стёрли года.
И верность солдату, как вдовья награда,
И боль ожидания бессонных ночей,
И памятник вдовам за это всем надо.
Солдатские вдовы достойны мужей.

Памятные плиты

В степи широкой есть село обыкновенное
Тугнуй, Тугнуйка речка и Тугнуйская долина.
Для нас, тугнуйцев - это место сокровенное
Прильнуло к сердцу и слилось с ним воедино.

Мы пуповиной связаны с «тоонто»
От наших мам и до озёрных скал,
Вот здесь звоночек школьный очень звонко
Нас много лет на перемены звал.

Порою кажется, что в памяти нет места
Но только речь заходит о войне,
Как память воскрешает наше детство
Мы снова в нём, но чуточку извне.

Война закончена совсем-совсем недавно,
И боль людская от потерь и ран кипит,
А жизнь разбег свой начинает плавно
В Тугнуестроек больше десяти.

Ведь жизнь снова пламенем из искры,
И хоть порою было нелегко.
Росли мы вместе, и выросли быстро,
Нам на раздумья время не дано.

Войну мы знали только по картинам,
Да по рассказам тех фронтовиков,
Кто шёл через войну дорогой длинной,
Да голодающих с детьми солдатских вдов.

Война для вдов была совсем другая,
И мужа нет, и голод нечем обмануть,
Но бабы выжили детишек поднимая,
С надеждою – на мужа бы взглянуть.

А жизнь вдовья горькою полынью
Такою горькую, что выли по ночам,
А утром снова под глазами с синью
Своим трудом желали смерть врагам.

Сильней российских женщин нет на свете,
Всё пережили, голод и войну.
С одной лишь мыслью – выжили бы дети,
Да мужики спасли свою страну.

И вдовы много лет послевоенных
Супругов ждали с лета до весны.
И каждый день в заботах повседневных
Был прожит с мужем только до войны.

Зачем мы ставим памятные плиты?
Чтоб помнить, как пришлось нам воевать,
Если память эта взрослыми забыта,
То очень трудно её детям передать.

Даём наказы молодому поколению
Не забывать всех ужасов войны,
И не предать историю забвению
Историю своей родной страны.

Где во главе угла земля родная,
И небо чистое, промытое дождём.
И чтобы жили мы на ней, передавая
Из века в век российский мирный дом.

В долгу мы перед памятью военной,
В ней столько мук и столь душевных ран,
Мать-Родина зовёт, как импульс генный,
Как вечный зов в крови у россиян.

За мать, за Родину тугнуйские крестьяне
Ушли на фронт, оставив мирный труд.
Через войну шли прямо до Германии
Чтоб в этих строчках свой найти приют.

Семнадцать не вернулись, наши деды.
Семнадцать и у каждого свой путь.
Не выпало дожить им до победы,
И в небо мирное не выпало взглянуть.

Они тогда все были молодые,
Крестьянская, простая молодёжь.
Но как солдаты, как сыны России
Приняли на себя свинцовый дождь.

И в День Победы о них много говорится,
И будет сказано ещё не мало слов.
Знакомые нам всем родные лица
В Бессмертный полк шагнувших земляков.

У нас в селе есть замечательные люди
Собрали книгу памяти войны,
Девиз у книги – «Помним, не забудем»,
О каждом воине строку напишем мы.

И написали, и собрали, и издали,
А Книга Памяти – ведь в ней одна война.
Не претендует на награды и медали
Но по достоинству бесценная она.

Спасибо вам же земляки за вашу память,
За труд с готовностью Отечеству служить,
За то, что память о военном ветеране
Навечно в ваших строчках будет жить.

И хочется, чтоб памятные строчки
Запали в душу каждому из нас.
И чтобы в школе в слух, и громко очень
Как азбуку, читал их каждый класс.

Чтобы беда для нас не повторилась,
И мы не видели всех ужасов войны.
Всего то надо – чтобы Русь сплотилась,
Да не было делёжной кутерьмы.

Немецкой каски хмурый вид,
С входным отверстием от пули,
Толь экспонат, толь реквизит,
В музее школьном, что в Тугнуе.
Здесь экспонатов целый ряд,
Служившие, бойцам когда-то.
И все они на нас глядят,

Немые спутники солдатов.
Ту каску я в музе принес,
Чтоб глаз её увидел детский,
И знал, что к нам победу нес,
Через войну солдат советский.
Ведь в этой каске немец был,
Который целился в комбата.
И дядя мой его сразил,
Нажав курок у автомата.
Мой дядя славно воевал,
И кто бы в этом сомневался,
Он честно долг свой исполнял,
Когда на фронте оказался.
И призванный в сорок втором,
Он нашим райвоенкоматом,
Попав в стрелковый батальон,
Там настоящим стал солдатом.
В строю солдатском он шагал
Россию мерил сапогами,
Присягу Родине здесь дал
На битву вечную с врагами.
И грел окопов мерзлоту
Своей солдатскою спиною,
И твердо верил в правоту,
Громить врага любой ценою.
По грязи хлюпающей шел
Уже боец, пацан вчерашний,
Он немцу шею рвал как волк
В жестокой схватке рукопашной.
Но в марте был в бою убит
И в братский погребен некрополь,
У той дороги, что бежит
Через Москву на Симферополь.
Но не убит был там солдат,
Был взрывом сломан и контужен,

Госпиталей военных ряд
И для войны он стал не нужен.
И долго тишь и темнота
И память, все забыв стонает,
И к верху серость потолка
Да медсестра бинты меняет.
Пока лежал он чуть живой
В госпиталях, за кромкой тыла.
Лист похоронный в Хонхолой
Принес – Нет больше Михаила.
Не брошен мол, схоронен он,
А рядом с ним друзья гвардейцы
Полег почти весь батальон,
Сержанты и красноармейцы
Кто рядом с кем, не разберешь,
Схоронен он в могиле братской.
Война, ну что с неё возьмешь?
Плечом к плечу, числом сто двадцать
Но мать надеялась, ждала,
Ведь в жизни всякое бывает
Троих сынов война взяла,
А сколь вернет, никто не знает.
В сорок четвертом, он домой,
Вернулся без уведомления.
И много лет, живя войной,
Трудился до изнеможенья.
Когда домой он уезжал,
Обязанный врачам и богу
Комбат ему ту каску дал,
И фляжку спирта на дорогу.
Вот в этой фляжке спирт он вез,
Вот в этой фляжке гнутой, мятой.
Глядел в окно на снег берез
А сам все думал про комбата.
Комбата он полгода знал.

Он командиром был и другом,
Не раз в бою солдат спасал.
Порой казалось, только чудом
Комбат учил: « Забудь про страх.
И помни: враг тебя боится,
А труса пуля и в кустах
Найдет, затем, чтоб поглумиться.
А в день Победы дядя мой,
Расправив грудь, друзей помянет
Потом сидит пока слезой
Ему глаза не затуманит.
Он говорил, когда глядел
На каску строго и сердито,
Ты получил, то, что хотел
За всех умерших и убитых.
Тебя не звали мы сюда,
Ты сам пришел злодей злодеем.
Со всеми будет так всегда
Пока жива моя Россия.
И тем твердившим мужикам
Исправить запись в похоронке,
Он отвечал, я с ними там
Там, где от мин кругом воронки.
Не зря комбат мне подарил
Вот эту каску со словами,
Всю жизнь помни Михаил
О тех, кто были рядом с нами.
Женился и растил семью,
Был для детей во всем примером
Все годы в трудовом строю
С руками, занятыми делом.
В семидесятом, кончив бег,
Его закончилась дорога.
Ушел солдат и человек,
Каких немало и немного.

Сотворение Байкала

Когда-то, миллионы лет назад,
Сам, правда, я не видел, но наслышан.
Об этом сказывал мне старенький бурят,
С которым жил я под одною крышей.
По вечерам, смотря задумчиво в огонь.
Когда дрова вовсю в печи трещали,
Он с трубочкой дремал, как старый конь,
Которого годочки укатали.
Однажды он с улыбкой мне сказал
«Я расскажу тебе предание святое,
Как зарождался сказочный Байкал,
Как сотворен божественной рукою».
Дед говорил, светясь от седины,
И нотка гордости в рассказчике звучала,
Он говорил, что серп родившейся луны
Упал на землю, выбив нишу для Байкала,
И от удара горы вздыбились вокруг,
И с той поры они, как стражи-исполины,
Вот это чудо охраняют, стерегут,
И нет прекрасней этой сказочной картины.
И от удара вода вспять кривой тропой
По разным сторонам вверх побежала,
Одну из них потом назвали Селенгой,
Кормилицей огромного Байкала,
Творец луну вернул на небеса
И речки все к Байкалу до единой,
И помнят это чудо те места,
В преданиях, легендах и былинах.
Народ хранит в себе объём оригинала,
Но все же с добавлением веков,
И до меня тогда рождение Байкала

Дошло таким, каким услышал я его.
Из поколенья в поколение сохраняя
И, передав, он те легенды бережет,
А жизнь, памятью себя обогащая,
Спираль развития пополнит на виток,
Народ – хранитель, часть истории большой,
Он по крупицам суть легенды собирает,
И часто вечером, в кругу семьи родной,
О том прошедшем молодым напоминает.
В то время себя взрослым я считал
И думал, все могу и все умею,
И деда слушая, я как-то не вникал,
Так, краем уха, а теперь очень жалею.
А мне всего семнадцать было лет,
Я многого не знал, не признаваясь,
Теперь же, вспоминая дедушкин портрет
И время рядом с ним, я улыбаюсь.
Теперь и я не молод, с сединой,
Сейчас мы с ним ровесники (в сравненье),
Все то, о чем он говорил со мной,
Я передам кому-то для хранения.
Легенда та жива и будет жить,
Пока в народе память есть об этом,
И, глядя на Байкал, нам не забыть
Легенды те о сотворенья света.
Байкал живой и дух его живет
То ль на пальцах, то ли в глуби бездонной,
Уж сколь веков Байкал он бережет
С водой кристальною. Красивый и огромный.
Порой, разгневавшись на жадность и вранье,
Волною яростной, Байкал он очищает,
А по-над берегом кружиться воронье,
И всё ненужное Байкалу подбирает,
Байкальский дух порой неумолим,
Разгневавшись, он землю сотрясает,

И мыс Провал- напоминанием таким
В землетрясениях, как будто оживает.
Был сотворён Байкал давным-давно,
И нет нам информации оттуда,
Но разум наш твердит, ведь все равно
Байкал живой – как подтверждение чуда.

Старый новый год

Встреча старого нового года,
Может, праздник, а может, традиция
Или просто потребность народа
Продолжать от души веселиться.
Десять дней новогодних каникул,
Когда дети и взрослые дома,
Когда в телекомпьютерных клипах
Только сытая лень да истома.
Может, это устав от безделья,
От мелькающих лиц на экране
Нам ещё захотелось веселья
И веселья с повтором желаний.
В новогоднюю сказку поверив,
Когда серебром сыплет природа,
Мы ждём чуда почти две недели,
Ждём до старого нового года,
И сегодня его мы встречаем,
Понимая, что сказка устала,
Но себе всё равно пожелаем,
Чтобы жизнь счастливее стала.
Чтобы нам не страдать от недуга,
Чтобы счастье, как солнце светило,
Чтоб удача была, как подруга,
И от нас убегать не спешила.

Сагаалган

Пришёл Сагаалган к нам сегодня
С луною новой февраля,
Пришёл, как праздник новогодний,
К нам год 16-й неся.
Пришёл он к нам из стен дацана,
Благословлён Хамбо-ламой.
Молебны шли в честь Сагаалгана
Вчера в дацанах день-деньской.
Год будет нынче обезьяний,
Хамбо-лама нам объявил,
На исполнение желаний
Нас с вами он благословил.
Сагаалган – праздник смены года,
Он для бурят всегда любим,
Он жив всегда в душе народа
И почитаем, и храним.
Сильны традиции буддистов,
А их хранитель человек,
Всех благ с улыбкою лучистой
Желать всегда – из века в век.
Народ обычай соблюдает,
Что дан нам предками навек,
Сагаалган первым побывает,
Где самый старей человек.
Весна в Сагаалган ветром веет,
Снега растаять не спешит,
Скоту бока и спины греет,
Капелью робкою стучит.
Но всё равно зима не вечна,
С весной нам дел неупорот,
Житейских хлопот бесконечных

Нам впереди на целый год.
И первый день, в этот Сагаалган
Мы ёхором откроем счёт,
Пусть наш хранитель обезьяна
Всем нам добро лишь принесёт.
А ёхор разноцветной птицей,
В большой свой круг собрав народ,
Кружит, поёт и веселится,
Ногам покоя не даёт.
В протяжных песнях суть народа,
В них с древности его душа,
И в песнях тех – степей свобода,
Где песнь любая хороша.
А в песнях женщин-ветеранов
Едва заметная печаль,
И снова рады Сагаалгану
И лет, что в прошлом, – тоже жаль.
Поют о юности далёкой,
Как парень девушку любил,
О том, как Батор черноокий
Платок любимой подарил.
В платок вся жизнь уместилась,
Узоры, линии судьбы,
О чём мечталось – получилось
По воле доброго Будды.
И над Тугнуйскою долиной,
Когда родной напев плывёт,
Нам Шойдагбаева Галина
С супругом Славою поёт.
Рука сама к магнитофону
И снова песня их найдёт,
Пока дорогой едешь к Бому,
Нам Слава много пропоёт.
Споёт, как родиной гордился,
Уехав в город из села,

Споёт о месте, где родился,
С тоонто слившись навсегда.
В честь Сагаалгана песня льётся,
Она о том, чем ты живёшь,
Всё, что потеряно, вернётся
И всё свершится, чего ждёшь.
Так велика у нас держава,
Что всех певцов не перечесть,
Но наш Бальжинимаев Слава
Среди певцов российских есть.
Какой же праздник без забавы,
В Сагаалган три игры мужей,
Участник каждый жаждет славы,
Взять приз спортивных рубежей.
Есть у бурят игра такая,
Сжимает кость одна рука,
Сломать готовится другая,
Ту кость ударом кулака.
В Тунке не просто кость ломают,
Игра давно турнир для всех,
Гостей к ним много приезжают,
Чтобы в игре поймать успех.
Не просто кость сломать большую,
Везёт не всем – на то игра,
Но кто сломает – тот станцует
Победный марш – танец орла.
Силён здесь дух соревнования,
В народе спорт всегда любим,
Итог любого состязанья –
На первом месте лишь один.
В спортивном мире, очень тесном,
К желанью труд – плечом к плечу,
В нём трудно всё, но интересно
Познать себя, свершить мечту.
Трудясь с упорством, как актриса,

Шлифуя совершенства грань,
Она, Жамбалова Алиса,
На лыжах бегаёт, как лань.
От папы, мамы и от Бога
Досталась резвая ей прыть,
Её спортивная дорога
Всех обогнать и победить.
Ей новый год добра желает,
И мы хотим ей пожелать,
Пусть жизнь Алису закаляет,
Чтоб чемпионкой мира стать.
Пусть будет этот белый месяц,
Как цвет парного молока,
Чтоб каждый был и сыт, и весел,
Ведь жизнь у нас не так легка.
Чтобы здоровье и богатство
Входили в каждую семью,
Чтобы сплочённость, мир и братство
Нёс год в Бурятию мою.
Чтоб небо вечно синим было,
Чтоб дождь поил уста земли,
Чтобы природа нас любила,
А мы её бы берегли.
Чтобы стада у нас плодились,
Звенел повсюду детский смех,
Чтоб люди родиной гордились,
Чтоб жизнь счастливая для всех,
Чтоб в каждом доме стол накрытый,
И чтобы был желанным гость.
И чтоб никто не был забытый,
Чтоб всё свершилось, всё сбылось.

Кот

У Светланы Жамбаловны
Мышь забралась в овёс,
А за службу охранную
Кот ответственность нёс.
Но бездельем измученный,
Лёжа день на боку,
Лишь дорожкой изученной
Кот ходил к молоку.
Мышь, овёс весь порушив,
Перешла на муку,
Котик, сытно покушав,
Спит опять на боку.
Иногда глаз открывает,
Оглядит всё кругом,
Носик лапкой помоем
И опять сладкий сон.
А во сне лишь геройство,
Кот – добра персонаж,
А проснётся – расстройство:
Подвиг – просто мираж.
Мышь совсем, вот потеха,
Обнаглев донельзя,
У кота, ради смеха,
Всю постель изгрызла.
Когда котик проснулся
И увидел разбой,
Аж слюной поперхнулся,
Заорал – Боже мой!
Когда мышь я поймаю,
В рог бараний согну,
Всем мышам объявляю

Вместо мира войну.
Он кричал и грозился
Всех мышей покусать,
А когда спохватился,
Сразу бросил болтать.
Кот – оратор искусный,
Для хозяйских ушей,
Промурлыкал – невкусно
Есть бродячих мышей.
Как мнемышь надоела,
Не даёт отдыхать,
Но вдруг сонное тело
Уронил на кровать.
Мышь друзей заимела,
Стал циничнее взгляд,
Прут оравой на дело
И грызут всё подряд.
Всё кругом поизгрызли,
И старьё, и новьё,
Нет коту больше жизни,
Все ругают его.
И хозяйке неловко,
Её можно понять,
Как в такой обстановке
Что-то можно писать.
И когда жизнь достала,
Прочь ушло куражъё,
Кот сказал – когтей мало,
Мне б на должность ружъё.
И хозяйка спросила,
Не сводя с кота взгляд,
Может, лучше, Василий,
Тебе связку гранат?
Кот обиделся очень,
Мол, уйду навсегда,

Но на улице осень,
Впереди холода.
Зря обиду порою
Кот не может забыть,
Лучше стать бы героем.
Всех мышей изловить.
И Пруtkова – зри в корень,
Актуально пока,
Кот кормушкою вскормлен,
Много пьёт молока.
И от тяжести сытой
Он лежит, как бревно,
Вся охота забыта,
И забыта давно.
Ну а мыши злословят,
Да не в бровь, прямо в рот,
Кот ведь сам их не ловит
И другим не даёт.
И грызут и сапожки,
И крупу, и пиджак,
Кот ленивее кошки,
Потому и бардак.
Я не лезу к вам в души,
Не хваля, не дразня,
Но имеющий уши,
Да услышит меня.

Вечер на озере

Озёрных гор совсем не острые вершины,
Слегка поросшие разлапистой сосною,
И среди них же каменистые плешины,

Где ни деревьев, ни травы, ни даже хвои.
А над вершинами всегда ветра шальные,
То лвиный рык, а то щенячий голос тонкий,
И словно судьбы искорежены людские
С сучками-ветками стоят неброские сосёнки.
И сверху вниз, туда-сюда, к озёрной глади
Смолистый запах, перегревшийся на солнце,
И в озере тень гор, как на тетради,
Деревья космами, плешины – как оконца.
А запах тот по-над водою, над озёрной,
Течёт шампунем, щедро пролитым, душистым
И обволакивает тело ванной хвойной,
Хмельной, бодрящей, освежающей и чистой.
А солнце к вечеру за гору заглянуло,
И тени щупальцами тянутся в долину,
И от воды сырой прохладой потянуло,
И краски в небе хохломят собой картину.
Вечерний сумрак над водою звук не гасит,
В прохладном воздухе звук капелькою звонкой,
И разговор плывёт откуда-то рыбачий,
И в небе птаха заливается девчонкой.
И там же звёзды появляются смущённо,
То загорятся, то их тьма опять скрывает,
Но только месяц в небе рогом золочёным
Заденет звёздочку – та сразу засияет.
А над костром кипит в кастрюле закопчённой
Рыбацкий ужин, запах лезет в нос и в рот,
И кто-то шустрый тут же очень увлечённо,
Пока есть время, травит новый анекдот.
Родной природы запах будто бы бальзамом
С души снимает плёнкой плесень бытия,
И звёзды в озере, как строчки телеграммы
Стучатся точками, как капельки дождя.
Сидим-молчим, костёр вовсю трещит-пылает,
А искры кверху, будто ведьма на метле,

И кто-то вдруг зачем-то тихо замечает,
Что мы у вечности лишь гости на земле.

Приёмные семьи

Приёмные семьи живут рядом с нами
В таких же квартирах, в таких же домах,
Но день непременно они начинают
С заботы о детях, потом о делах.
Приёмные семьи – любовь и забота,
Здесь в каждом жилище намного теплей,
Не всем по плечу вот такая работа –
Растить и воспитывать чьих-то детей.
Супруги, что взяли детей из детдома,
Имеют надёжный запас доброты,
И та атмосфера приёмного дома –
Нет лучше лекарства для всей детворы.
Не враз, не сегодня, а долго и трудно
Проходит процесс становленья семьи,
И важно ведь то, что в семье многолюдно,
И каждый, кто взят – в атмосфере любви.
И добрые люди – из Бома, соседи,
А надо сегодня о всех бы сказать,
По пять-шесть детей на приёмную семью
Ответственно взяли, чтоб их воспитать.
Изломанных судеб тропинка кривая
У этих детей, что из детских домов,
Когда-нибудь станет навечно прямая
Под доброй опекой их мам и отцов.
Приёмные дети, их разные лица,
В душе своей лёд растопив, но не вдруг,
Когда-то ко взрослым решив обратиться,

Их мамой и папой они назовут.
Я к вам обращаюсь, к собравшимся в зале,
Своей добротой написавшим закон,
Согласно ему, вы любовь детям дали,
За это вам каждому – низкий поклон!

Мат

У меня в тетради
Две кривые строчки,
Вместо слова «б...и»
Лишь тире да точки.
Все слова, по-сути ,
Языка творенье,
Выберешь из кучи,
Вот стихотворенье.
Но слова, как змеи,
Расползлись куда-то,
И я, сатаня,
Вновь рифмую матом.
На тетради пятна
От клеёнки мокрой,
Мне они понятны –
Стол-то непротёртый.
Стол протру досуха,
Улыбнусь украдкой
И слова для уха
Соберу в тетрадке.
Чтоб слова не ввали,
Были бы как братья,
Чтоб за сердце брали
Вас в свои объятия.

Чтоб слеза катилась
По щеке от счастья,
Чтоб жилось и снилось
Всем вам без напастей.
О делах различных
Я писать пытаюсь
И в словах приличных
Рассказать стараюсь.
И писать о чём-то
В муках начинаю,
Словно бы в потёмках
Ощупью шагаю.
Рождены мы с матом
И зачаты с ним же,
Как чумой когда-то
Все поражены им.
И из уст девчонки,
В детский сад ходящей,
В голосочке звонком
Слышен мат кричащий.
Но живут же люди,
Миссис, фрау, пани,
Неужель не будем
Мы такие сами?
Но напомнить надо
Где-то в обиходе,
Любушки да Лады
Есть ещё в народе.

Провыбиралась

Мне как-то не по нраву жизнь такая,
Когда к тебе, чушь всякую неся,
Мужчина, о приличье забывая,

Вдруг станет приставать, любви прося.
А я тебе не дам, чего ты просишь,
Не дам, об этом больше не проси,
Ведь лето промелькнёт, а там уж осень,
А осенью тебя ищи-свищи.
Куда-нибудь ты в творческом порыве
Исчезнешь вдруг на долгую зиму,
Не зря мне люди это говорили,
Уймись, не доверяйся ты ему.
И я ему сказала: «Дорогуша,
Иди, другую дуру поищи»,
И он нашёл, дурак, меня послушав,
Ведь дур так очень много на Руси.
И я теперь настолько поумнела,
Кто первый подойдёт – тот будет мой.
Душа горит и просит встречи тело,
Но мужики обходят стороной...

Весна в тайге

Цветёт багульник ближе к лету,
Весь лес в сиреневом дыму,
Кострами в воздухе прогревом
Багульник рвётся в вышину.
Он то сиренево-лиловый,
То чуть пурпурный изнутри,
То ярко-алый, то багровый –
Все краски утренней зари.
На лепестках искрится влага
Ещё не выпита жарой,
Цветенье – сочная помада,
Тайгу украсила собой.

Тайга в багульничьем цветенье,
От солнца разомлев в тепле,
Так рада снова обновленью
Весенней жизни на земле.
Цветёт багульник, улыбаясь,
С улыбкой продолжая жить,
Своим цветением пытаюсь
Тайгу невестой нарядить.
Ещё кукушка не кукует,
Ведь лес наряд свой не надел,
А солнцепёк пестрит ургуем,
Подснежник выскочить успел.
И дружно землю протаранив,
Бутоны к солнцу, что есть сил,
Цвет фиолетовой поляне
Он, распустившись, подарил.
Внизу звенит от напряженья
Слезой чистой родничок,
Бежит он, смел до удивления,
Кусая берег за бочок.
А в сосняке смолой и хвоей
Пропитан воздух, как бальзам,
После зимы здесь всё живое,
Так рады солнцу по утрам.
Кричит гуран, теплом согретый,
Невнятно, через дремоту,
От крика лес ещё раздетый
В багульник прячет наготу.

Весна

Заметно солнце стало выше,
Сочнее неба синева,
Визгливей крик котов на крыше
Ведь к нам приблизилась весна.
И месяц выщипанной бровью
Родился вогнуто-двурогий,
Март, откапелив крупной дробью,
Разлился крупной лужей на дороге.
Затем, свой глаз прищулив синий,
Съел снег местами, как попало,
И черноты нечёткость линий
Пестрит лоскутным одеялом.
И воробьи, забыв мороз,
Забыв и голод, и лишения,
Шумят на веточках берёзы
И славят жизнь с упоением.
Идёт весна, с зимой повздорив,
И вспомнив юною себя,
Рукой мальчишки на заборе
Напишут: «Я люблю тебя».

Пиявки

Стрекоза, разомлев в полудрёме,
Над зелёным висит камышом,
От тепла две пиявки в истоме
На прогулку пошли нагишом.
Извиваются, словно модели,

Приоткрыв свой зубастенький рот,
Хоть бы лёгкое что-то надели,
Не смущали б окрестный народ.
И с улыбкой направо, налево,
А порою вперёд и назад,
Отвечая на жесты без гнева,
Дарят свой, с поволокою, взгляд...
А в улыбке у них между прочим,
От Джоконды загадочность есть,
В три ряда зубки острые очень,
А всего девяносто их шесть.
И скользят, для зевак прогибаясь,
Все условности к чёрту послав,
И свободой своей наслаждаясь,
И внимание к себе приковав.
А улитки из панцирей тесных
На подруг с укоризной глядят.
Хоть им тоже самым интересно
Сбросить панцирь куда-то назад.
Кто-то им запретил раздражённо,
Как пиявкам гулять в неглиже,
Никогда им не быть обнажённым,
Только в панцире, как в парандже...
А пиявки народ разудалый,
Хоть любую сейчас под венец,
Жизнь живут, как ни в чём не бывало,
И не ждут, когда лету конец.
И в прекрасном скользя настроенье,
С первозданным грехом во плоти,
Подтверждая закон тяготенья,
Липнут к тем, кто у них на пути.
Хоть пиявки с моральным изъяном,
Но законников лучше иных.
Кровь сосут, и порой очень рьяно,
С удовольствием лечат больных.

За пиявок свой тост предлагаю,
Да за тех, кто чужую пьёт кровь...
Если кто - то меня понимает
Значит правильный тост: « За любовь».

Сплетни

Я острым луком суп заправив,
Гляжу, слезу смахнув едва,
Как за окном сорочья стая
Плетёт из сплетен кружева.
Брызжа слюной и не смущаясь,
А в раж войдут – ударят в грудь,
По зову сердца собираясь,
Чтоб очернить кого-нибудь.
Молва людская от безделья,
Решив, что пробил нужный час,
Набросит это рукоделье
Вдруг на кого-нибудь из нас.
И не понять, откуда это,
Но явно только не с небес...
В молве людской, сорокой спетой,
Есть только шкурный интерес.
Нет в сплетнях признаков морали,
Есть только исподлобья взгляд,
Да чёрной зависти спирали
Такой вот праздничный наряд.
Те кружева прочнее стали,
Проверить хочешь – натяни
Потом отмоешься едва ли,
Уж больно липкие они.
Любовь и ненависть подруги

Их разделяет только шаг,
От правды к сплетням путь не труден,
Но очень труден путь назад.

Осенний вечер

День, угасая с убранных полей,
Принёс зноблящую, осеннюю прохладу,
И крики жалостные серых журавлей,
Собравшихся в одно большое стадо.
И запах терпкий, липнувший к губам,
Увядших трав и сладость, и горчинку,
И лучик солнца, проскользнувший по глазам,
И невесомую, в полёте, паутинку.
И гогот пролетающих гусей,
Несущих на хвостах и снег, и вьюгу,
Они, простившись с родиной своей,
Стремятся на зимовку ближе к югу.
И небосклон, оранжевый слегка,
В преддверии неброского заката,
И не спешащие по небу облака,
И грусть в душе зовущую куда-то.

Быт

Разобранной постели синь с полосками,
В контраст ей твоя смуглая краса,
Ты голым пупсиком лежишь на этой простыни,
Чуть-чуть прикрыв усталые глаза.
И цвет волос твоих каштановой картинкой

Мою подушку разукрасил хохломой,
Из губ твоих улыбка паутинкой
Летает где-то прямо надо мной.
О чём твоя улыбка – не узнаешь,
Ведь, может быть, о том, чего уж нет,
Но если уж о том, о чём мечтаешь,
Так дай же Бог тебе любви навек.

Малина

Цветёт таёжная малина белым цветом,
В тайге малиной никого не удивить,
Но кто видал тайгу весной, кто видел летом,
Тот никогда её не сможет позабыть.
Здесь кедры важные стоят, слегка нахмурясь,
На землю солнце не желая пропускать,
Я на вершины их смотрю, зачем-то щурясь,
В уме пытаюсь кедром возраст сосчитать.
Цветёт подснежник фиолетовый по склонам
Цветы, как бусины на шее, у тайги,
А я парнишечка в девчоночку влюблённый
Несут тропой меня до дома сапоги.
Кругом багульник во хмелю костром лиловым,
Он душу греет, слегка голову вскружив,
И рвётся ввысь, как будто с плеч косынкой новой,
Тайгу цветением в невесту превратив.
И звон ключа, и кукование кукушки,
Кислинка хвои лиственничной, молодой,
И хлеба вкус, уже черствеющей горбушки –
Всё это родина моя, мой край родной.

День пожилых

Я од хвалебных не пишу,
Лесть, зло – похоже на грыжу,
Когда за жизнь сказать спешу,
То говорю лишь то, что вижу.
В день пожилого человека
Мы слёт свой в клубе провели,
Триумф справляла вся опека,
Ведь старость в праздник возвели!
Но старость – рай для забугорных,
Им – Шарм-эль-Шейх да Шри-Ланка,
Нам – прелесть уличных уборных,
Да от безденежья тоска.
Но в целом праздник был что надо,
Рот сам тянулся до ушей,
Досталось каждому в награду
Тепло собравшихся людей.
Звучали речи, поздравленья,
А мы, слегка потупив взор,
Чуть комплексуя от смущенья
Начать пытались разговор.
Но разговор не получался,
Вопросом первым затухал,
То паутинкой появлялся,
То невидимкой исчезал.
Старались все разговориться:
И мы, и те, кто нас собрал,
Но напряжённы были лица
И напряжён был даже зал.
Старался Павел Николаевич,
Переживал весь женский хор,
Поили нас не только чаем,

И водкой сладкой, как Кагор.
Но водка слабо помогала,
Народ натужено мычал
Пока откуда-то из зала
Вдруг разговор не зажурчал.
Как солнца луч, как свет в окошке,
Общенье за одним столом,
Когда, оттаяв понемножку,
Заговорили кто о чём.
Одни о том, что наболело,
Другие просто о делах,
А третьи ловко и умело
Нам спели песнь о васильках.
Потом ещё про лён кудрявый
Да про ракиту над водой,
А кто-то спел, как парень бравый
Был в юности её судьбой.
Наталья Павловна частушки
Нам пела только как могла,
Её дочурка, Поля, с кружки
Пить Бутакову не дала.
И Бутаков, сердито хмурясь,
Темнел лицом, как старый гриб,
И заявлял соседке Шуре:
«Пить на халяву не привык!»
А Шура в такт словам кивала,
Хотя не слушала совсем,
Она ведь сердцем понимала,
Что старость праздник, но не всем...
Как не вернуть нам наше детство,
Как нашу юность не вернуть,
Так и от старости не деться
И никуда не увильнуть.
И разговор, шурша снегами,
Теплел, сбегая в ручейки,

Я рад, что был сегодня с вами
Мои сельчане, земляки.
Что с вами пел под караоке
И не мешал застольный крик,
Что делал вдох в груди глубокий,
Глядя на женщин, как мужик.
А мысль в голову с издевкой
Незваной гостьей на порог:
– Сменять бы праздник-однодневку
Нам на заботу круглый год!

Солнце

Над Тугнуем солнце встало,
Целый день дружило с нами,
А когда чуть-чуть устало,
Спать укрылось за горами.
Где его ночлег – не знаю,
Только точно не в Тугнуе,
Может, где-нибудь в Сутае
Или даже в Нарсатуе.
Может, за Хошун-Узуром,
Где леса косматят гривы,
Где, как в прошлый раз с прищуром
Солнце скрылось шаловливо.
За высокими горами,
Там, где кедры с ветром спорят,
До утра простившись с нами.
Спит оно, укрывшись хвоей,
Дремоту стряхнув под утро,
Зорьку алую разбудит
И лучами перламутра
Только радость дарит утром.

Луга

А роса на клевере, как глаза раскосые.
Водяные шарики с серебром внутри,
Обжигают холодом мои ноги босые,
В каждой росной капельке отблески зари.
Были серебряные, стали изумрудные,
Ведь заря красавица чудом в небесах,
Комары писклявые, как всегда, занудные,
Чуть нитьё убавили, путаясь в цветах.
А туман молочною кисеёю рваною
За кусты цепляется, по ветру плывёт,
И луга укрытые этими туманами,
Травами цветущими держат небосвод.
Тут люцерна жёлтая, там синегибридная,
От головок клевера море красноты,
В этом море женщина, самая фригидная,
Станет вдруг Венерою, сбившейся с пути.
У кустов за речкою, где шалаш от солнышка,
Где в жару уставшие чай пьют косари,
Через речку брошены два сосновых брёвнышка,
А в тени под брёвнами выются пескари.
Время то покосное, травы недозревшие,
Да девичье пение, звонкое, как медь,
Как напоминание, в голову засевшее,
Нас порой, при случае, заставляет петь.
И хмельною брагою в жилах кровь запенится,
Озорной улыбкою светится лицо.
Всё, что в нашей памяти, никуда не денется,
Но побыть любимыми хочется ещё.

Охота

А над горами пелена,
Не просто тучи рваные,
А снеговёрт да кутерьма,
Да с воем, словно пьяная.
А снежный ветер, ледяной,
В лицо крапивой жгучею,
А может сечкой крупяной
До крови бьёт и мучает.
А мы идём – за шагом шаг,
Хохочет вьюга дурую,
И ставим ноги наугад,
Усталые и хмурые.
Тропу скрывает лес от нас,
Последнюю надежду,
Сучки хотят обидеть глаз,
Цепляясь за одежду.
Совсем не видно ничего,
Танцует леший клоуном,
А мы идём, ведёт чутьё
К своей машине сломанной.
Костёр поставим небольшой,
Чай сварим жаром веток,
И чай горячий и густой
Пить будем до рассвета.
А под чаёк припомним мы,
Какою шли дорогой,
И в наш костёр, противник тьмы,
Сучков подбросим много.
А чтобы ночь прошла скорей,
Расскажем кучу баек,
Сгрызём по паре сухарей,

Ещё вранья добавив.
И вот наступит снова день,
Наладим мы машину,
И закопченные, как пень,
Молчим, ведь мы мужчины.
Забудем скоро эту ночь
И будем ждать субботу,
Ведь мы уже опять не прочь
Поехать на охоту.

Черёмуха

Подари, черёмуха, нам щебетанье вёсен,
Унеси нас в прошлое, где нам семнадцать лет,
И возьми, пожалуйста, на время нашу осень,
Чтоб мы снова встретили под тобой рассвет.
Ручеёк по камушкам да с водой студёною
Снова нам напомним радость вешних грёз,
Как под той черёмухой, да под белопенною,
Мы с тобой дурачились, хохоча до слёз.
Осыпаясь, падают паутинкой белою,
Лебединой строчкою с веток лепестки,
Мы в далёкой юности счастье своё делали,
И просили – Господи, за грехи прости.
И зовёт черёмуха нас в пору цветения,
И кружа нам головы, будоражит кровь.
И природа вешняя в пору обновления –
Вечный зов и вечная на земле любовь.

Ирисы

Цветёт ирис синеглазый,
Степь весной дурманом пахнет,
Кто не видывал ни разу,
Тот, увидев, сразу ахнет.
Всё слилось здесь воедино:
Небо, речка, ирис влажный,
Мне б нарисовать картину,
Да художник я неважный.
Степь тугнуйская в цветении,
Глаз анюткиных разливы,
Птичий шум стоит весенний
По-над степью говорливой.
В небе жаворонка трели,
Из зимовки в дом родимый
В числе первых прилетели,
Чтоб найти своих любимых.
Степь тугнуйская родная,
Всё знакомо здесь с рожденья –
Речка тут почти прямая,
Нету быстрого течения.
Через речку мост бетонный,
Да гравийная дорога,
А по речке блеск оконный,
Хоть воды не так уж много.
Были вёсны с половодьем,
Но они давно забыты,
Сенокосные уголья
Год который не политы.
Лето жаркое, сухое,
Солонцы цепочкой к Бому,
Только ирисы весной
Гимн поют всему живому.

О матери

Я материнские натруженные руки
Отчётливо смотрю перед собой.
Они не знали ни безделья и ни скуки,
Всю жизнь трудились в унисон с душой.
Мать, как и многие в военную годину,
На тех колёсных примитивных тракторах
Пахала, сеяла тугнуйский край целинный,
Своё здоровье оставляя на полях.
Судьба всех женщин той войны проклятой –
Испить всю горечь, всю до дна испить,
Войною судьбы женщин так измяты,
Где только силы брали, чтобы жить.
Я вижу, как довольно молодая
Мать моя, с ребёнком на руках,
А ребёнок – брат мой, весь сияя,
К ней тянет ручки с гулей на губах.
Он что-то матери тихонько объясняет,
Со стороны не каждому понять,
Но мать его прекрасно понимает –
Ещё бы, матери ребёнка не понять!
Нас было шестеро, росли, семья большая,
И сколько пережито из-за нас...
Лечила нас, ночей не досыпая,
Ходила на собрания, в школьный класс.
Придёт с собрания, поглядит с упрёком,
И тихо скажет: «Двойки-то зачем?»
И стыдно нам в том времени далёком,
Но бранных слов не слышали совсем.
Росли, взрослея, в жизнь все уходили,
У каждого из нас своя стезя,
Мы мамину заботу не забыли,

Но детство повторить своё нельзя.
И дни рожденья, и нехитрые обновы
Пожалуй, никогда нам не забыть,
Ведь мамина любовь не просто слово,
В словах её почти не объяснить.
Хотелось взрослыми нам стать, и побыстрее,
Мы торопились как-то всё узнать,
Но опыта по жизни не имея,
Ошибки делали, чем огорчали мать.
И мама, нас прекрасно понимая,
Глядела всепрощающе, как мать,
И каждый раз, на жизнь благословляя,
Просила нас ошибок избегать.
А дом родительский, всегда к себе зовущий,
Ведь мама нас в любое время ждёт,
Мы к ней идём, да и на сон грядущий
Шли рассказать, а мать всегда поймёт...
Стол кухонный раздвинут до предела,
Шумит на печке чайник, как всегда,
Нам не сидится за столом без дела,
Зачем мы торопились и куда?
В который раз всё это вспоминая,
На то и память, чтобы вспоминать...
Прошу я мать – прости за то, родная,
Что я не всё успел тебе сказать.

Юность

Платье белое, в синий горошек
Облегает фигуру твою,
День по-летнему очень хороший
Солнце с неба смеётся вовсю.

Извиваются косы, как змеи,
Черноту красным бантом связав,
Взглядом встретиться только успели
Мы с тобой, ничего не сказав.
В небе птахи, купаясь, смеются,
И оттуда к нам брызги летят.
А банты, словно бабочки вьются,
Всё от кос оторваться хотят.
И, когда ты, решив оглянуться,
Повернула головку назад,
Косы резко успели взметнуться,
Показав чёрно-красный наряд.
Всё в тебе было очень контрастно,
Бело с синим и нежный загар,
И поэтому чёрное с красным
Нанесло мне по сердцу удар.
Столько лет с той поры пролетело,
Но есть в памяти стёжка назад,
Чёрно-красное, синее с белым,
Да ещё мимолётный твой взгляд.

Наполеон

Мне приснился странный сон
Утренней порою,
Будто сам Наполеон
К нам пришёл с войною.
Зашумел кругом народ,
Враз засуетился,
Кто хитрей – на самолёт,
За границу смылся.
Президент, он же главком,

Что для нас не ново,
На войну послать с врагом
Хочет Сердюкова.
Тот от страха хоть в поту,
Но смекнул мгновенно,
Я на битву не пойду –
Я ведь не военный.
И летит над Русью клич:
«Все на бой с врагами!»
Лишь один поднялся бич
С четырьмя бомжами.
Воевать оружия нет,
И похмелье давит,
Бьют врага они в портрет,
Перегаром травят.
Только выдохлись бойцы,
Ведь французов много,
Клич летит во все концы,
Нам нужна подмога.
Обращается glavком
К казакам-ребятам:
«Защитите отчий дом,
Бейте супостатов!»
От Москвы по городам
И по всей Сибири
Долетел призыв и к нам
До Мухоршибири.
Казаки чуть подшофе,
На груди медали,
Целый день вчера в кафе
Громко выступали.
Звали граждан на войну
Горячо и дружно,
Жизнь положить за страну,
Если будет нужно.

Бьют себя рукою в грудь
И слегка соседу,
Сидя пьют за чистый путь,
Стоя – за победу.
На войну идти легко
С водкою в стакане,
Мысли – шашки наголо -
Будто девки в бане.
Казачи, имея честь,
Рвутся на подмогу,
Только на коня залезть
Всё никак не могут.
Разрешиw себя одеть,
Тянут ногу в стремя,
Если сбоку посмотреть -
Просто тянут время.
А бомжи, сил не щадя,
Бой ведут с врагами,
Бьют, куда ни попадя,
Даже меж ногами.
В Думе сразу крик-скандал,
Бьёт так только пьяный,
Сдать бомжей под трибунал,
Просит кто-то рьяно.
А в защиту прав врага –
Депутатов кучка,
Мол, иначе никогда
Нас в Париж не пустят.
А с бомжами нет родни,
Нет и депутатов,
И кричат себе они:
«Бей больней, ребята!»
Им, уставшим, невдомёк,
Кто им для подмоги,
Через поле, поперёк,

Мчится без дороги.
Человек почти шестьсот
Скачут, щуря зенки,
Это северный оплот
Казачи-эвенти.
Бьют копыта по рогаи,
Путь оленей труден,
Пулемётный тарарам
Рассыпает бубен.
И разбили бы врага,
Прямо там, в низине,
Но их ждёт внизу беда –
Водка в магазине.
Ведь французы, как назло,
Всем бойцам в подарок
Ящикои, наверно, сто
Коньяка всех марок.
Сразу разум на крючок,
Рот раскрыв пошире,
Пьют эвенти коньячок,
Здесь, в Мухоршибири.
Если б с ними был шаман,
Комиссарской пробы,
В винно-водочный капкан
Полк не занесло бы...
Коньячок «Наполеон» –
Нет бойца покруче,
На халяву валит он
Всех людишек в кучу.
И бомжам бы тем хана,
С битвы не вернуться,
Но тут кончилась война,
Я успел проснуться.
Если мы и впредь опять
Будем пить с азартом,

На коленки можем встать
Перед Бонапартом.

Пороки

Как взять себя в руки,
Как бросить вино,
Скажите, подруги,
Зачем мне оно?
Цвела я ромашкой,
Цвела резедой,
Теперь чебурашкой
Являюсь домой.
Кому я такая
Нужна и зачем?
Ведь радость хмельная –
Пожизненный плен.
Скажите, подруги,
Скажите мне так
«Пить больше не буду
С утра натошак»
Как взять себя в руки
И бросить курить?
И чем мне подруги
Табак заменить?
Курила я «Приму»,
Курю и «Петра»,
С колечками дыма
Я очень крута.
Но вот незадача-
И сын с табаком
И я чуть не плачу,-

Сын в классе втором.
Давайте все вместе
Решим не курить,
Заняться нам есть чем,
Ведь нам ещё жить.

Результат анализов

Обнаружены в моче
Фосфор, медь, железо
Вот понять бы, как вообще
Всё туда залезло.
Я нарколога спросил:
Как в моче с ураном?
На меня он глаз скосил,
Будто на болвана.
Быть болваном не хочу,
Но нарколог грозный,
А зачем тогда мочу
Брали так серьёзно?
Ядов этих целый класс,
Это ведь не шутка
Их у каждого из нас
Ровно полжелудка.
Чебуреки, беляши,
Да и сыр колбасный
Для торговли хороши,
А для нас опасны.
В помидорах, огурцах,
В колбасе несвежей
Бродят яды на ушах
Будто в хлебной деже.

Ядов этих пруд пруди,
Каждый день мы с ними,
Но наркологу они
Не нужны в помине.
Алкоголь да наркота
Их нарколог ищет
Правда, тоже неспроста
Наркоманов тыщи.

Масленица

Есть в Христианстве пост великий
Длинною ровно в семь седмиц,
Когда в душевную обитель
Закрытый вход для праздных лиц.
Когда питаюсь пищей постной,
Молитву много раз творя,
С души убрать замшелость, косность
Хотим мы каждый у себя.
Дни в пост шагают еле-еле,
Да праздника так много дней,
Но вспомнишь маслену неделю,
И сразу как-то веселей.
Перед постом неделя праздник-
Широкой Масленицы гам,
Блины да тройки, шут-проказник
Из старины шли долго к нам.
И хоть шутов давно уж нету,
Но ряженных и не узнать,
Так тонко, с юмором одеты,
Что просто смех не удержать.
Детали в памяти размыты,

Все те, что долго шли до нас,
Блины да тройки не забыты,
Да яркий ленточный атлас.
Наряды, шали, полушалки,
Румянец с краскою зари,
И каблуков ничуть не жалко,
И сердцу радостно в груди.
И сарафаны раздувает,
Когда их ветром сверху вниз,
И песни звонкие играет
Тут разудалый гармонист.
А тройки, тройки с бубенцами,
Кошёвок праздничный убор,
Не кони, звери тянут сани
И рвутся, рвутся на простор.
Не так давно те тройки были,
А в тройках были рысаки,
Когда совхоз был в полной силе,
Коней любили мужики.
Вся сбруя празднично сверкает,
Над коренным дуга блеснит,
Она вся в красках, расписная,
Зарёй красавицей горит.
На месте тройке не стоится,
Копыта яростно стучат,
Но вот народ в неё садится,
И с места птицей полетят.
Пар из ноздрей на волю рвётся,
В глазищах яростный огонь,
Из снега пыль за ними вьётся,
А коренник всем коням конь.
Устанут руки, не ручонки,
Струной натянута вожжа,
Когда прокатятся девчонки,
И прочь с саней – крича, визжа.

Ямщик доволен и конями,
И тем, что сам он молодой,
В крови давно бушует пламя,
И не залить его водой.
Сапожек чёрных блеск вороний,
Когда бьют бойкий перепляс,
Прощёный день, разносторонний
Порой слезу не держит глаз.
Прощенья взрослые и дети
Начнут просить – обряд велит,
И всяк просящему ответит:
Я не судья, но Бог простит.
И попросив с утра прощения,
Скорей туда, где блеск обнов,
Где игры, песни, развлечения
И стопки вкуснейших блинов.
Весь день в работе сковородки,
Без устали блины пекут,
И чьи-то бойкие молодки
К своим блинам людей зовут.
Парят блины крутою стопкой,
Сметана, масло, вкусный мёд,
Наелся вдоволь, кто не робкий,
Ну а несмелый подождёт.
Горячий чай из самовара,
Над чаем тоже вьётся пар,
Блин и сметана – просто пара,
Им рады все, и млад и стар.
Тягучей каплею янтарной
Стекает с ложки вкусный мёд,
Не просто мёд – продукт нектарный,
Что жизни тонус придаёт.
Продукт от сотворенья мира,
Коровье масло, вкус его,
Весь в роли блинного кумира,

Ведь с ним блины нежней всего.
Название масленой недели
Настолько нам уже родное
Что с чем бы мы блины не ели,
Но с маслом вкус у них другой.
Всего дороже здесь общение,
Присутствует тут разный люд –
От праздничного настроения
Смеются, шутят и поют.
В беседе тёплой с глаза на глаз
Печаль поведают друзьям,
Свою разделят с нами радость,
Чтоб легче жить и им, и нам.
И груз заботы каждодневной
Не так на нас начнёт давить,
Известно всем, с поры той древней
Сплочённым людям легче жить.
И сняв с души грехов оковы,
Повеселиться и попеть,
А завтра на работу снова,
Пытаясь в жизни всё успеть.
Звучат задорные частушки,
В Прощёный день они звучат,
И даже бабушки-старушки
Сегодня как-то не ворчат.
И Масленица, праздник завершая,
Мы чучело её сейчас сожжём,
Чтоб нивы разродились урожаем,
Сверху поливало нас дождём.
И Масленицы чучело сгорает,
Уносится от нас с Прощёным днём,
Зачем оно горит – никто не знает,
И мы хотим очиститься огнём.
Вокруг костра начнутся хороводы,
И прыгнет кто-то вдруг через костёр

Метнётся пламя прямо к небосводу,
Прыгун же станет на язык остёр.
И кто-то смело, а другой с опаской
Начнут через костёр всю летать,
И робость пряча в криках громогласных,
Стремясь свою отвагу показать.
И этот день через Великий пост
Нас с Пасхою уже соединяет,
И это единение, словно мост,
Все таинства в одно объединяет.
И пусть же будут помыслы чисты,
И пусть в душе любовь не угасает,
И пусть же будут вечными мосты,
Которые людей соединяют.
Что праздник жив – это отрадно,
Здесь сельский клуб – локомотив,
Сценарий празднично-парадный,
Артисты тут – села .
Не забывать своих традиций,
Внушать их детям как закон,
Пусть будут радостными лица
При нашей жизни и потом.

Первая охота

Я в юности один впервые на охоте,
Отец доверил мне ружьё своё,
И показал разливчик на болоте
И рассказал мне кое-что ещё.
Сажу в скрадке, заря пылает сзади,
Утиных крыльев свист над головой,
Да ветерок бегом по водной глади,

Тринадцать мне, я очень молодой.
И от весны кровь в жилах закипает,
Гляжу я в небо, гневно хмуря бровь.
А в небе птаха трели рассыпает
А трели про весну и про любовь.
А рядом чибис плачет беспричинно,
То крылья сложит, то опять взмахнёт,
Вопрос извечный – чьи вы? чьи вы? чьи вы?
Он всем, кто рядом, нудно задаёт.
Ответа нет, вопрос летит по кругу,
Ответить некому, ведь брачная пора,
А чибис хоть и плачет, но подругу
Найти не забывает никогда.
Два селезня кряковых женихами
Упали на воду, сорвавшись с высоты,
Любуются собой, плывя кругами,
И самочку зовут до хрипоты.
У селезней наряд из перламутра
И хвостик в два колечка завитой,
Воротничок белей, чем солнце утром,
И голос ласковый, немножко с хрипотцой.
Вот самочка скользит уж серой тенью,
И к ним она торопится не зря,
На всю округу в воздухе весеннем
Разносится любовное – кря-кря.
Дерутся селезни бойцами из спецназа,
Едва завидев, как к ним уточка плывёт,
А уточка косит на них вполглаза
И ласково их манит и зовёт.
И суетятся селезни красиво,
И прижимают утку к бережку,
А я смотрю молчком на это дело,
Забыв, зачем в руках ружьё держу.
И тем, кто меня спрашивал потом,
Куда я целился и почему промазал,

Я что-то говорил, но не о том,
О том, что видел, не сказал ни разу.
Сомкну глаза, и селезни кружат,
Вокруг кряковой утки кружатся,
А из скрадка глаза на них глядят,
В скрадке пацан – ему всего тринадцать.
И часто снится мне мой первый гусь
И раненый нырок красноголовый,
Я к юности своей ещё вернусь
И память в этом мне помочь готова.

Журавли

В осеннем небе журавли
Скрипят, команды рассыпая,
Послушно строятся они,
Из строя в клин перерастая.
Мы, кверху головы подняв,
Глядим с тоской, глаза прищурив,
Как клин, все крылья распластав,
Скользит по выцветшей лазури.
И сверху вниз глядят на нас,
На пьяных, жадных и крикливых,
Погрызших в тине ссор и дрызг,
То равнодушных, то чванливых.
А журавли векам назло
Большой семьёй и очень дружно
Потомство ставят на крыло
И учат их тому, что нужно.

Новый год

Я иду по улице, где зима тусуется,
Где хватает за уши Дедушка Мороз,
Редкие прохожие, на меня похожие,
Прячут в шубы тёплые свой озябший нос.
Фонари качаются, снег скрипит-ругается,
А мороз по-зимнему к ночи всё сильнее,
Вспомню лето красное и денёчки ясные,
На душе от солнышка станет веселей.
В выходной по-прежнему лепим бабу снежную,
На бодрящем воздухе хочется нам быть,
Мы без водки пьяные, докрасна румяные,
Зимний день коротенький нам бы удлинить.
Детям очень нравится зимушка-красавица,
Ёлка новогодняя, блеск да огоньки,
Залпы разноцветные да кульки конфетные,
Зимние каникулы, лыжи да коньки.
Я иду по улице, где зима тусуется,
Взрослых нет на улице, нет и ребятни,
Кто прилип к экранчику, кто присох к диванчику,
Кто с хмельною рюмочкой прожигает дни.

Печенье

Я ел несладкое печенье,
То ли «Полёт», то ли «Крокет»,
А сам писал стихотворенье,
Ведь занят рот, а мысли нет.
Легко слагалось о хорошем,

Так вкусно я стихи творил,
Но, подавившись хлебной крошкой,
Стихотворенье проглотил.
Я долго в кашле содрогался,
Когда закончил – мат загнул,
Напрасно вспомнить стих пытался,
Его желудок не вернул.

Не отвлекайся

Я булку хлеба проморожену
Положил в печку отогреть,
А сам в газеты заторможено
Уткнулся вести посмотреть.
В вестях лишь криминал событий
И больше нечего читать,
Вон, даже в рубрике открытий,
Как лучше сейфы открывать.
Здесь для братвы ликбеза нету,
Здесь повышение мастерства,
Преподают авторитеты,
По крутизне профессора.
Воюют там, где нефти море,
Скрестились шпаги, хруст костей,
На всех страницах только горе
И нет хороших новостей.
Газеты в стопку, ну их к чёрту,
Смотрю, а с печки дым идёт,
Открыл – горит на хлебе корка.
В России русским не везёт.
И понял я, себя ругая,
Забудь рекламу «Два в одном».

И если хочешь хлеба к чаю,
Оставь всё чтиво на потом.

С похмелья

С похмелья утром встав – не выздороветь лёжа,
Я к зеркалу тащусь, ногами семеня,
Да припоздал, оттуда чья-то рожа
Глядит по-идиотски на меня.
С испугу губы сжав, чтобы не охнуть,
Хочу узнать «Троянского коня»,
Но понимаю, лишь не дав себе засохнуть,
В моей рубашке морда не моя.

Раздумья

Совсем уже светло, на небе хмарь да тучи,
До лета далеко, но снега уже нет,
Пока гоню коров – всё собираю до кучи,
И песню сам себе спою я на десерт.
Здоровья и любви, и творческой удачи,
Всем близким и друзьям мой утренний привет,
А на ногах моих не туфли от «Версаче»,
А пара кирзачей, которым сноса нет.
Нам Долина поёт с ехидцей про погоду,
А нравственность и ум покинули экран,
И пошленько хамит всем зрителям в угоду
Когда-то неплохой сатирик Петросян.
Страдания и боль седалищного нерва,

Когда мы смотрим в экранных новостях
Зарплата у одних – шесть лишним тысяч в евро
И пенсия других такая ж, но в рублях.
Догнав коров своих – назад, домой шагаю,
Но больше не пою я песен натошак,
Что лето к нам придёт – я точно понимаю,
Но вот как дальше жить – я не пойму никак.

Картошка

Полю картошку, монотонный хруст,
Совсем чуть-чуть не полотой осталась,
Но лишь закончу я последний куст,
Придёт ко мне незваная усталость.
И заболят и руки, и спина,
Всё, что ещё здоровым мне казалось,
И закачает, будто от вина,
И не понять – усталость или старость.

Нерест

На нерест шёл беременный сазан,
По мелководью брюхо обдирая,
Он на остроги шёл, как на таран,
Своею жизнью жизнь детей спасая.
Спасти детей ему не удалось,
В него вонзилась сталь, хребет ломая,
И в нашей жизни так же повелось,
Живём медведями, друг друга пожирая.

Зимние размышления

Под утро выпал снег, лежит пушистый, белый,
И всё кругом в снегу, как в свадебной фате,
Лишь Тузик у ворот стоит заиндевелый,
Ему эта зима, как зайцу галифе.
И воробьёв не видно на соломе,
Они под крышами нахохлившись сидят,
Ведь холодно зимою в птичьем доме,
О лете птахи серые грустят.
Сороки потянулись ближе к людям,
Воронье за звеном летит звено,
А мы в плену житейских, серых буден
К тому ж ещё замёрзшее окно.
Не видим, что на улице творится,
Не хотим знать, кто, как и чем живёт,
Не слышим, как по-русски матерится
Окрестной ребятни обычный сход.
Зарезали кто хрюшку, кто корову,
Наелись мяса, напились вина,
Чихнёт кто вдруг, кричим: «Будьте здоровы!»
А пташкам жалко бросить горсть зерна.
Такие мы, и нас не переделать,
Кто нас такими только воспитал,
Как сделать мир добрей? Что надо делать?
О Господи! Хоть кто бы подсказал!

Виденье

Залез на стайку за соломой –
Какой прекрасный сверху вид,
Смотрю, а зимником до Бома
Лошадка с санками бежит.
Пока смотрел – остановилась
Седок, соскочив, сбоку встал,
Наружу пиво запросилось,
Подумал я и угадал.
Там, где стоял, присев, не стоя,
Седок от счастья замычал,
С испуга конь, тряхнув уздой,
Галопом к Бому поскакал.
Седок, вскочив, упал неловко,
Ему кричу – штаны надень,
А тут соседка мне с издёвкой
Тебе подглядывать не лень?

Самолёт

Исчез с радара самолёт погасшей точкой,
Он для меня загадкой стал и заморочкой,
Быть может, для радара стал он невидимым,
А может, что случилось с ним – стал недвижимым.
И планшетисту я кричу: «Объект потерян»
А он: «Не трусь, сам посажу, я знаю пеленг».
И посадил он самолёт без трёх отметок,
А тот упал, не долетев лишь километр.
Через минуту на ПУ звонки и маты,

И офицеры стали злы, и злы солдаты.
И планшетист в углу сопит, как дымосом,
Ещё бы, дембель, и дедок остался с носом.
Хоть в этом нет моей вины, что «МИГ» разбился,
Но с особистом разговор всё ж получился.
Из разговора понял я, что чем язык длиннее,
Тем он скорей всего петлёй затянется на шее.

Рыбалка на льду

Туман над озером клубится,
Где рыбаки на льду сидят,
Карась на удочку ловиться
Не хочет пятый день подряд.
Но рыбаки, сжав в кучу нервы,
Поклёвку ждут без матерка,
У карася характер стервы,
В упор не видит червяка.
Губу отвесив до предела,
Наружу выпучив глаза,
Он головою то и дело
Бодает больно червяка.
Прикормом лунки все засыпав,
Сутулясь, рыбаки сидят,
И только шёпотом, без крика,
Себя и рыбку матерят.
Но вот рыбак в дымину пьяный
Из лунки рыбу потащил,
Карась не меньше килограмма
Всем сразу зависть разбудил.
Отмерив пальцем для порядка.
Рыбак из фляжки дозу в рот,

А после дозы с полдесятка
Он бросил карасей на лёд,
И рыбаки к нему незвано
Сверлились ближе, кто как мог
А он сидел с улыбкой пьяной,
И карасей бросал на лёд.
Но к рыбакам удача задом –
У всех пустой висит крючок,
И хоть они сидят все рядом,
Один лишь ловит рыбачок.
И рыбаков толпа галдящих,
Рыбацкий фарт не взяв в расчёт
И не найдя слов подходящих,
Решила – чокнутым везёт.

Чингисхан

Я по сопке иду, камни сбоку и прямо,
И гляжу в глубь веков с сопки сверху я вниз,
Он на камне на том друг сидит Чингисхана,
Рядом с ним Чингисхан пьёт кобылий кумыс.
И глядит строго вдаль, взгляд жестоко-колючий,
Я гляжу на него с лёгкой дрожью в ногах,
Чингисхан, Чингисхан, полководец могучий,
Где покоится твой всё воюющий прах?

Одуванчики

В огороде на пригреве
Возле стенки гаража
Одуванчики желтеют,
Лепесточками дрожа.
Нет того, что летом было,
Лето ветром унесло,
Землю снегом запуржило,
Всё пожухло, отцвело.
Уж давно тепла не стало,
Утром выйдешь на крыльцо,
Одуванчики устало
Смотрят осени в лицо.
И о том, как мне их жалко,
Вслух не буду говорить,
Пусть они, желтея ярко,
Учат нас, как жизнь любить.

Ирисы нежные

Ирисы нежные, цветы прибрежные,
И сплошь писклявые здесь комары,
И птичье пение – пора весенняя,
И звёздочки ниточкой летят с горы.
Ты как тростиночка в цветной косыночке,
И на плечах твоих пиджак лежит,
А тишь покосная, многоголосная
От речки узенькой к селу летит.
Косынка с вишнями, слова здесь лишние,

И мы с тобой молчим плечо в плечо,
И паутинками мечты с картинками,
А сердцу радостно и горячо.
Туман качается, а ночь кончается,
И зорька алая рассвет несёт,
А мы прощаемся и вновь встречаемся,
Нас чувство светлое к себе влечёт.
Любовь желанная пришла незваная,
И два сердечка бьются в унисон,
И юность чистая, глаза лучисты,
И счастье вечное, как сладкий сон.

Запреты на аборт

Людьми понапридумано запретов,
То воздержание от женщин, от мужчин,
Но тот, кто дал обед, забыл при этом,
Всяк новорожденный Спасителем любим.
А тот, кто все аборты узаконил,
Забыл, что тоже матерью рождён,
Он как чиновник ничего не понял,
Но в правоте своей был убеждён.
И не спросил он тех, кто не родился,
Поскольку их уж приняла земля,
А если б сам на свет не появился,
Но он родился, а другим нельзя?
Ведь свой наказ вложила в нас природа:
Родился сам, так повтори себя,
Ведь даже с одной клеткою амёба,
И та ведь размножается любя.

Сарафанчик

Есть в памяти моей зелёный сарафанчик,
А в нём цветок, стремление к идеалу,
Но время, как цветущий одуванчик,
Меняет плоское в цветке на форму шара.
Но полнота ничуть вам не вредит,
Полнеет то, на что смотреть приятно,
И голос внутренний мне тихо говорит:
«Возьми до прошлого скорей билет обратный».
Мне грозное в ответ: «Билет не дам!»
До прошлого билетов не бывает,
Лишь только в памяти моей тот сарафан
Зелёным светофором загорает.
Играет сарафанчик с ветерком,
Кружить себя легонько позволяя,
Из прошлого ко мне явился он,
Приятное собой напоминая...
Кто видит в небе тучи, кто зарю,
Кто ничего вообще не замечает,
А я увижу сарафан тот наяву
Тогда, когда хозяйка пожелает.

Охота на изюбря

Иду я как-то раз становиком,
Шагаю не спеша по самой гривке,
По тем горам, что между «Маяком»
И Малым кедрашом в Мухоршибирке.
Здесь снега навалило в декабре,

Местами до колен, и выше даже,
От солнца вся округа в серебре,
На празднике душа, глаза на страже.
Кухта алмазами искрится на ветвях,
И дремлет тишина, в снегу купаясь,
И зайцы трут осину на зубах,
Друг другу редкозубо улыбаясь.
Вдруг дятел что есть мочи застучит
Пытаясь тишину сломать, как льдинку,
Но только настучавшись замолчит
Как тишина вернётся невидимкой.
От красоты такой не по себе,
Быть не хочу слоном в посудной лавке
Иду тихонечко с винтовкою в руке,
Читая на ходу следов канавки.
Гляжу вперёд, порой гляжу назад,
И путь я отшагал уже немалый,
И вот они, среди берёз стоят
Два изюбря стоят у перевала.
Я, замерев, стою как истукан,
Боюсь спугнуть и изюбрей, и сказку...
Душа попала в сказочный капкан
И не даёт охотнику подсказку.
Но вот уже растерянность прошла,
Упёрлась мушка в грудь лесному зверю,
Но пуля первая за молоком ушла,-
Промазал, и глазам своим не верю.
А эхо выстрелом играет по горам
То возвращается ко мне, то убегает,
То вновь торопится к стоящим изюблям
И им сосредоточиться мешает.
Но вот они бегом, вдаль от меня,
И я с руки по изюблям стреляю
Один из них споткнулся возле пня,
Нелепо падает, с сосёнок снег сбивая.

Спускаюсь вниз – изюбрь на снегу,
А рядом кровь рассыпана брусничкой,
И я к нему уже почти бегу,
Освистанный вертлявою синичкой.
И сказка зимняя ушла куда-то прочь,
Сплошное бытие и мясо много,
Разделяваю все, грузу и вот уж ночь
И темный лес, и снежная дорога .

Снегири

Когда в начале февраля
Чуть успокоились метели,
Два красногрудых снегиря
К нам в палисадник залетели.
Вернувшись к нам из тех краёв,
Детьми своей судьбы капризной,
Они на шумных воробьёв
Глядят с какой-то укоризной.
А воробьи есть воробьи,
В них что-то от четвёртой власти,
У них чириканье в крови,
У них не жизнь – сплошные страсти.
Их интерес предельно прост,
В дерьме любители копать,
Но иногда им свой же хвост
Даст повод очень волноваться.
Жизнь снегирей для всех ясна –
Не ищут у других изъяны,
Недаром грудь у них красна,
А красный зад у обезьяны.
Сидят на ветках и глядят,

Глядят, как будто вспоминая,
О том, как тридцать лет назад
Сидела здесь большая стая.
Ведь снегирей красным- красно
Сюда кормиться прилетало
А этим вспомнить не дано
В то время здесь их не бывало.
Своё достоинство храня,
Понятно ведь, не пустомеля.
Двумя кружочками огня
Поближе к нам перелетели.
На снегирей глядим в упор
Через окно, слегка скрываясь,
Они, как красный светофор,
Горят, совсем не выключаясь.
Их чуть лохматит ветерком
И раздувает жар немножко,
Они же греют нас теплом
Своим весь день, через окошко.

Пчела

Летела пчёлка за нектаром,
Туда, где многоцветье трав,
А там какой-то бич с гитарой
Блюёт, винишка перебрав.

И зря пчела от омерзенья
Свой нервно морщит хоботок,
У нас такое, к сожаленью,
Уже не вызывает шок...

Гроза

Дождь стучит по крышам, барабанит гулко,
В небе взрывы молний, гром и трескотня,
В ливневом потоке мчат как на прогулку
Купалами храмов пузыри дождя.
Пузыри на лужах пляшут возле дома,
Дождевые струи бьют их вкось и вкривь,
Но над каждой каплей домиком для гнома
Встанет непременно дождевой пузырь.
А гроза грохочет, разыгралась вволю,
Просидела зиму где-то взаперти,
Позабыв про возраст, забыв про хвори,
Хочется нам в детство босиком пройти.
Засучив штанишки, прямо от калитки
Побежать по лужам молодым конём,
А потом, промокнув до последней нитки,
Постучать зубами, сидя голышом.
Посмотреть в окошко, как гроза играет,
Как летает в небе трёхголовый змей,
Как он к нам на землю молнии кидает,
Бьёт хвостом по тучам, чтоб был гром сильней.
От раскатов грома сердце замирает,
В самом центре молний пляшет великан,
Это только в детстве сказка там бывает,
Где её увидеть ты захочешь сам.
Дождь стучит по крышам школьным барабаном,
Пионерским горном нас гроза зовёт.
Только вот расстаться со своим диваном
Что - то типа жира нам уж не даёт.

Измена

Когда любовь души чиста,
Жизнь, словно роза белая,
Измена, как полынь-трава –
Жизнь сразу горькой делает.
Медовый месяц, как заря,
И вкус, и цвет малиновый,
Слепой неделя конопля
С дурманом никотиновым.
По жизни рядышком идут,
К любви измена тянется,
И если розы отцветут,
Полынь-трава останется.
А жизнь то прямой идёт
То линией изломанной,
И счастлив тот, кто проживёт
Изменой не целованный.
Измена, нежно выгнув бровь,
Глядит на всех доверчиво,
Всех, у кого играет кровь,
Зовёт и днём, и вечером.
Чтоб жизнь в согласии прожить,
Сберечь любовь хрустальную,
Не дай в измене утопить
Колечко обручальное.

Утиная охота

Будильник, затрещав противным голосом,
Напомнил, что пора уже вставать
Я сполоснул лицо, пригладил волосы
И начал обороты набирать
Мгновенно сапоги надел болотные,
Ружьё с припасами забросил на плечо,
И с отвращением на землю массой рвотную
Срыгнул, как только вышел на крыльцо.
Вчера, поддав, на зорьку собирались,
По пьяни дотемна месили грязь,
Потом зачем-то все переругались
И разбежались, громко матерясь.
Сегодня все обиды позабыты,
Душа зовёт куда-то в камыши,
Где сумраком все контуры размыты
И жвакают на спевке крякаши.
Холодный ветерок лохматит воду,
Я уток жду, от холода застыв.
В болотных сапогах, на босу ногу,
Носки надеть с похмелья забыв.
Природа начинает пробуждение,
Белеет на востоке полоса,
В который раз глядим мы с удивлением,
Как быстро цвет меняют небеса.
То в цвет малиновый, то чуточку алея,
Всё разукрасила красавица-заря,
Пока любимся – в груди у нас теплеет,
Стоим довольные – приехали не зря...

Осень

В лесу зверьё ревёт уже неделю,
В работу с головою я залез,
С картошкой разобрался еле-еле
И сразу же на рёв в осенний лес.
Я взял ружьё, калибр двадцать восемь,
И пулей зарядил патронов пять,
Но в том лесу загадочная осень,
Краснея, предложила себя взять.
Она легла с бесстыдной простотою,
С небрежностью деревья оголив.
Легла цветной, опавшею листвою,
И ветер стих, подругу похвалив.
А изюбри, от осени хмелея, –
У них в крови бушует вечный зов.
Рогами бьют друг друга, не жалея.
Потом замрут, в сплетении рогов.
И упадут, рога свои ломая,
И побеждённый встанет, сам не свой.
А победитель, самок созывая,
Их уведёт куда - то за собой.
Кому - то смерть, а кому награда
И листьев краснота, холодный жар
Просила осень – не стреляй, не надо
Возьми меня с собой, как Божий дар.
И осень, вся зардевшись от смущенья,
Любить себя просила горячо,
Любить как Пушкин, как Сергей Есенин,
А может быть, и кто-нибудь ещё.

Потрясатель Вселенной

Морковь ел, с редькою натёртой,
И маслом сдобренной слегка
Ел гренки, хлеб был очень чёрствый,
Пил крепкий чай без молока.
Ел творог, правда без сметаны,
Жевал подолгу, не спешил.
Ел, вспоминая Чингисхана,
Ведь творог он в меню вводил.
Всё войско он перед набегом
Сушёным творогом кормил,
Для них был творог оберегом,
И в то же время пищей был.
Кумысом творог запивая,
С гортанным криком «Урагша!»
Орда катилась Золотая,
Всё на своём пути круша.
Стрелой, мечом, большим пожаром,
Повсюду крики, стоны, дым,
А впереди летящим шаром
Молва, что хан непобедим.
Сдавались в плен, без боя даже,
Да не деревни – города,
Крутая знать, друг друга глаже,
Бежать пытались, но куда?
Вокруг монгольские лошадки,
Оскал зубов, чужая речь,
Кому не нравились порядки,
Те голову теряли с плеч.
Врагу, кто дочкой, кто холопом,
Кто злата-серебра куском,
Клялись в любви, лизали ногу,

Три века были под врагом.
Кто виноват и кто тут крайний?
Кто хану двери в Русь открыл?
Осталось всё молчащей тайной
В тысячелетии могил.
А Чингисхан сажал на кол,
Он был жесток, к тому же рыжий,
К тому ж ещё он был монгол,
А мы, дистрофики и с грыжей.
Я б мог о том не говорить,
Но вижу я дубин мельканье,
Нельзя слюняем в жизни быть,
У сильных нет к ним состраданья.
Понять загадку Чингисхана,
Простить его или казнить,
Не в силах мы, а книги Яна
Здесь могут только навредить.
Пришла разгадка мне неожиданно,
Когда я ем дары земли,
Что все победы Чингисхану
Кумыс да творог принесли.

Сказка

Я дарил ей Анютины глазки
И пытался понять по губам
То ль живу, как в придуманной сказке,
Так похожей на сладкий обман.
То ли просто слепая неделя
Закружила меня до небес,
То ли сам, как придурок Емеля,
Ждал от жизни, ждал только чудес.

Я ромашки не рвал для гаданья –
Ни к чему знать судьбу наперёд,
Да к тому же её обаяние
Закружило, как водоворот.
В тихом омуте черти не спали,
Бес в ребро непрерывно стучал,
Но друг другу мы ближе не стали,
И разрыв неизбежностью стал.

Лечение

Я клевер пью, в железном термосе настоящий,
И пью его, как древнегреческий бальзам,
А он в сосудах, словно дворник беспокойный,
Всё что-то чистит, если верить докторам.
Зачем таблетки пить в аптечной упаковке?
Зачем же пить их своей печени во вред?
Уж лучше клевера и листья, и головки,
Они давлению поставят свой запрет.

Сосёнки

Стоят сосёнки, ну как девчонки,
Стоят рядами и чуть шумят,
А под сосною, да мы с тобою
Глаза в глаза у нас глядят.
Лежим и смотрим друг на друга,
И мои губы ищут твои
Какой же вкус – скажи подруга?

Вкус уворованной любви?
Подруга тихо, и не смущаясь
И даже взгляд не отведёт,
Промолвит, крепче прижимаясь
Вкус у них, как горький мёд.
Чужая сладость совсем не в радость,
Но всё же хочется понять
Мяжки, иль грубы чужие губы?
Раз их так тянет поцеловать.

Первый класс.

Зима, декабрь, Новый год,
Погода, словно по заказу,
Морозный ветер щёки жжёт,
Слеза, как льдинка возле глаза.
Пора каникул настает,
Она разлучит нас с учением,
И очень скоро Новый год,
И ёлку ждём мы с нетерпением.
И на трудах, без перемен,
Гирлянды клеили мы сами,
Колечки из бумажных лент,
Раскрашенных карандашами.
И в класс просторный, угловой,
Где третий с пятым класс учили,
Большую ель ночной порой
Едва в дверь класса протащили.
А утром ель, хвоей коясь,
Всей школой дружно наряжали,
И ждали праздник, веселясь,
Мы все таинственного ждали...

В гирляндах, словно в кружевах,
Ель светлым праздником сияет,
Звезда в оранжевых лучах
Вершину ёлки украшает.
Под Новый год нам Дед Мороз,
Раскрасив окна, как картинку,
На ёлку в этот класс принёс
В кульке бумажном мандаринку.
Диковинный заморский фрукт
Был привезён впервые в школу.
Дразнящий запах, словно спрут,
Как будто с ёлки плыл до полу.
Тот запах свежих мандарин
Нам просто сказочным казался,
Ни с чем доселе не сравним
Он в нашем детстве прописался.
Кулёк бумажный, небольшой,
Наполнен выше половинки
Был собран взрослыми с душой
Где каждому по мандаринке.
И возле ёлки, сделав круг,
Поём с учительницей вместе
В руке кулёк, а рядом друг,
И как-то звонко льются песни...
И в нашей памяти живёт
Вы помните, друзья-ребята?
Как в первом классе Новый год
Встречали мы полсотни пятый.

Лесная кикимора.

Ночевал я однажды в весеннем лесу,
Под горой, близ точка глухариного,
И вечерней порою незваной к костру
Появилась лесная кикимора.
То ль с туманом, сливаясь, она приплыла,
И цеплялось за всё платье рваное,
То ли женщиной всё же была,-
Непонятной, загадочной, пьяною.
Оглядевшись, присела на старый чурбан,
Под бесформенным женщина скрыта.
Я смотрю – то ли явь, то ль миражный обман,
Не понять, где собака зарыта.
И откинув косматые пряди со лба,
И собрав их в пучок где-то сзади,
Оказалась собою совсем не дурна,
Да к тому же с улыбкой во взгляде.
Я горячий ей чай, торопясь, предложил,
А сам думаю – кто ты такая?
И зачем-то её, запинаясь, спросил,
Не налить ли ей суп вместо чая.
Хохотала она, что-то вслух бормоча,
А над чем? Не понять ненормальную,
Эхо множило хохот её сгоряча,
Обстановку творя экстремальную.
Котелок над костром ни с того ни с сего
Вдруг подпрыгнул и воду всю вылил,
Чудеса в решете, да и бес бьёт в ребро,
И глаза, словно кто мне намылил.
А кикимора ближе и ближе ко мне,
И не кажется грязной и гадкой,
Я её тороплюсь разглядеть при огне,

Но не прямо смотрю, а украдкой.
И теплеет в груди, от чего – не пойму,
Я гляжу на неё в напряжении,
Вот приблизится чуть – я её обниму,
Так влечёт к ней её притяжение...
Только ниже колена ногу обожгло,
Я подскочил – штанина дымится,
И от сердца тотчас у меня отлегло,
Понял я, что всё это мне снится.
И теперь у костра я стараюсь не спать,
Посижу, как всегда, помечтаю,
Ну а если мне что станет вдруг докучать,
Заварю себе крепкого чаю...

Скандинавская ходьба

Мотаем километры вдоль дороги
Вдвоём с собакою, красивой, коренастой,
Она мотает их на лапы – я на ноги,
Она трусцой, а я ходьбою скандинавской.
Хрустит порою гравий под ногами,
И тонкий лёд стеклом оконным бьётся,
А где-то вдалеке по-над горами
Мучною пылью снег от ветра вьётся.
Камыш качает длинными рогами,
У тростников метёлки, как ресницы,
А степь истоптана в округе корсаками,
А корсаки – это монгольские лисицы.
И в тростниковых ожерельях котлованы,
И в каждом синева сплошного льда,
На дне там держит синие туманы,
Под толстым льдом уснувшая вода.

И кажется, что вот сейчас взорвётся,
Взорвётся шумом крыльев тишина,
И сразу в небо синее взовьётся,
Взметнётся вместе с утками весна.
И жаворонок трель рассыплет сразу,
И, не скупясь, от счастья запоёт,
Ну а пока зима видна лишь глазу
Кругом то снег, то синеватый лёд.

Прогулка

Проснувшись рано, до восхода,
Ласкаю лень и с ней ругаюсь,
Но в ожидании похода
Вдруг резко вскочив, одеваюсь.
Ведь лучше нет, чем утром ранним
Шагать в сапожках своих старых,
Туда, где степь всю горланит,
Боясь за деток своих малых.
Кружат турпаны надо мною,
Почти крылом меня касаясь,
Кричат протяжно, со слезою,
Мне что-то рассказать пытаюсь...
Кроншнеп с загнутым длинным клювом,
Весь в беспокойстве, даже слишком,
Я с ним общаюсь, словно с другом,
Прошу беречь свои нервишки.
И сорочиний стрёкот вздорный,
Нисколько даже здесь не лишний,
И ветер утренний задорный
Волной по камышовым крышам.
А воздух весь пропитан влагой,

Цветущий луг большим букетом.
Ну что ещё сегодня надо,
Дыши и пей бальзам всё лето.

Танцы журавлей

Я видел брачный журавлиный ритуал,
Когда охотился на уток на болоте:
Красавец серый на пригорке танцевал,
На третьем шаге он планировал в подскоке.
Ему и крылья не нужны, он не летал,
Он будто крыльями о землю опирался,
И шею вытянул, и голову задрал,
Казалось, сам собой он любовался...
Самцов штук шесть, а журавлихи две,
Они стояли не в кругу, а чуть в сторонке,
Стояли в жухлой, перетоптанной траве,
Как две стеснительных молоденьких девчонки.
А журавли в большом своём кругу
И с интервалом друг от друга на три птицы,
Как будто в ёхоре бурятском на лугу,
Кричали, прыгали, желая веселиться.
И сколько разных поз у журавлей,
То шея со змеиным наворотом,
То, чтобы как-то отличаться от друзей,
Шпагат продольный, кувырки с переворотом.
А две журавушки, наверно, не дыша,
На них глядели, как на будущих супругов,
Весна холодная, но журавлям тем хороша,
Что род им не продолжить друг без друга.
И в танцах час прошёл, а может, два
И журавлихи, круг нарушив, встрепнулись,

Крылом ударив друга журавля,
С разбега в небо парой потянулись.
А я, как будто с пеленою на глазах,
В повадках журавлей ищу браваду,
Но, провожая взглядом птиц, я впопыхах
Вдруг понимаю – не любимого не надо.

Поздравление к 8 марта

Мягкою и пушистою в бутоне
Верба самой первой зацвела,
Девочки на улице в капроне,
Значит, к нам весна опять пришла.

Отшумели зимние морозы
Март ведёт решительно весну,
И сосульки с крыш роняют слёзы,
Провожая матушку-зиму.

Женщины походкой горделивой,
Туфельною строчкой тук да тук,
Ветерок весенний шаловливо,
Торопясь, слова срывает с губ.

Стала и причёска непослушной,-
Прядки выбиваются копной,
Значит кто-то есть равнодушный
Тот, кто очарованный тобой.

И не надо лишних слов весною,-
Взгляды круче, чем электрошок,

Ссоры вместе с талою водою
Унесёт куда-нибудь поток.

Губы, словно розовым пионом,
Зацветут у каждой женщины сейчас,
Только у весны свои законы,
Только у весны влюблённый глаз.

Нет прекрасней женщин, чем в Тугнуе,
Каждая, как яркий самоцвет,
Пусть Господь здоровья вам дарует,
Счастья и любви на много лет.

Снегопад

Как тополиный пух, то вниз, то вверх взмывая,
Снежинки медленно кружатся над землёй,
И этот танец-вальс в народе называют
Предзимье – встреча осени с зимой.

Они ложатся белоснежным покрывалом,
Земля невестится, как будто под фатой,
Она не просто раскрасавицею стала
А нарядившись, стала чуточку другой.

Вся серость бытия упрятана под белым,
И слились в белое и небо, и земля,
И нету для зимы сейчас важнее дела,
Как снегом укрывать леса, луга, поля.

И подо льдом вода становится прозрачной,
И нету влаги чище синих льдов.

А на снегу следы охотников за счастьем
И тех, кто в кураже рисует вязь следов.

Ведь белые снега – природы обновления,
И горных ледников хрустальные бока,
И круглый год всегда под солнцем испаренья,
И снова влага вверх, туда, где облака.

И снова к нам из туч, порой до изумления,
Из чёрных белый снег летит, лаская глаз,
И девственность его примером очищения
В душе струну нажмёт у каждого из нас.

И звон стоит в ушах от шелеста снежинок,
А этот шелест соткан весь из тишины,
Я медленно иду, беззвучен скрип ботинок,
Всё вязнет в чуде снежной новизны.

Как тополиный пух, впадая в невесомость,
Снежинки празднично кружатся над землёй,
И с моего лица, согнав ночную сонность,
Вдруг по щекам моим прочертит мокротой...

Озёрная дорога

По озёрной по дороге
К речке я поставлю ноги,
И пойду я, гравием шурша,
Застучат по камням палки,
Затрещат сороки-галки,
И возрадуется трепетно душа.

Там молочные туманы,
Кулики и турупаны,
Журавлей, как Ярославны плач...
На траве росы бусинки,
Паучки и паутинки
И бездомный пёс по кличке Врач.
Песня жаворонка нежна,
Степь зелёная безбрежна,
В небе можно душу полоскать.
Комары, как по фэншую,
Беспрерывно атакуют,
Нравится им кровь мою сосать.
Там в тумане над водою,
Миражи, само собою,
Из воды речною нимфою встаёт
То ль Кабаева Алёна,
То ль русалка разведёна
Кто их там, в тумане, разберёт,
Может, раненый я в попу
Что пишу лишь про охоту,
О природе, о любви и о себе,
Да о женщине Светлане,
Мной придуманной по пьяни
Не бывает таких женщин на земле.

Герань

Цветёт герань на подоконнике,
Лишь для хозяйюшки цветёт,
А где ж хозяйкины поклонники?
Следов их нету у ворот.
Цветёт герань молочной пенкою,

И отцветет, и облетит,
А время школьной переменкою,
Вот-вот звоночек прозвенит.
Цветёт герань на подоконнике,-
Они с хозяйкой две сестры,
Цветут не только для поклонников,
А просто так, для красоты.
К окну хозяйюшка направится,
Герань потянется вся к ней,
Они друг другу очень нравятся,
Ведь вместе жить им веселей.
Цветёт герань на подоконнике –
Ещё совсем не отцвела,
Придут к тебе твои поклонники,
Ведь ты по-прежнему мила.
Глядит герань в окно с улыбкою,
А за окном давно зима.
Но где-то там, за далью зыбкою,
Уже рождается звезда.
Цветёт герань цветёт кудрявая,
Роняя на пол лепестки,
Любовь горела зорькой алою
Теперь лишь тлеют угольки...

Билет в прошлое

Там трава богородская, алой краской расплескана,
Не дурманом, а скромностью снова в юность зовет.
Да и степь заозерная, с красотой неброскою,
От цветов этих аленьких, как невеста цветет.
А цветы эти скромные, как слова удивленные,
Как мираж или марево, у меня на душе,

Ковыли там огромные и в них пары влюбленные,
Знают цену пословицы с милым рай в шалаше!
Подари мне билет по озерной дороге.
Я пороюсь в старье и найду свой рюкзак,
И кроссовки, чтоб ласкали мне ноги,
И забыв про билет, я пойду просто так.
Запою про Тугнуй, буду то что вижу,
И дорога слегка будет мне подпевать,
И с природой на шаг стану я ближе,
И пойму, я и сын, а она моя мать.
Буду петь я про клуб, вспоминая Татьяну,
И еще пропою, что б хотел я иметь,
И дорогой пойду, где ухабы да ямы,
Но и там все равно мне захочется петь.
Я найду тот билет, загадаю желанье,
На минуту глаза я прикрою рукой,
И пойду я туда, где тугнуйки журчанье
Льется в душу мою музыкальной волной.
Посижу у моста под раскидистой вербой,
Погляжу я на Бом, погляжу на Степной,
И туда погляжу, где ни разу я не был,
Там, где счастье мое ищет встречи со мной.
Погляжу, как шумят рядом дикие пчелы,
И у божьей коровки попрошу молока,
Вспомню свой выпускной и Тугнуйскую школу,
Память вскачь понесет, словно конь седока,
Лица школьных друзей поплывут вереницей,
Где среди пацанов есть девчонка одна.
Мне хотя бы на час в классе том очутиться,
Посидеть за столом у второго окна,
Мир за школьной стеной в тополиных ресницах,
И гляжу я сквозь них на Эрдэмовский клуб.
Ведь нельзя, до сих пор мне по-прежнему снится
Полный зал и кино, где восторг и испуг.
В зале только Брылев, рядом Вовка Архипов,

И Колян Токмаков курит свой «Беломор»,
И в душе у меня, всеми напрочь забытый,
Аргентинское танго звучит до сих пор.
По субботам скользят пары в зрительном зале,
Вальсы танго, фокстрот друг за другом звучат,
Мы в волнение порой, робко тех приглашали,
Кто в сторонке стоял и притягивал взгляд.

О вечном

Иду по лесу, по дороге,
Рюкзак, ружьишко, налегке,
Несут меня куда-то ноги,
А я гляжу, что, как и где.
Кругом воды на льду немало,
Весна к нам буднично идёт,
И плачет снег водою талой,
Но зря, он зиму не вернёт.
Она в лесу, в ключах, где ели,
Где разноцветный толстый лёд,
Где подсунувшие метели,
Нам на точке глухарь поёт.
Собой люблюсь незаметно,
На самом верхнем этаже
Поёт для всех и ждёт ответа
Кому пришёлся по душе.
Глухарь один, глухарок трое,
Но вот ещё один летит
Внизу, в снегах, по старой хвое
Брусничник зеленью блестит.
От крыльев снег исчерчен криво,
И воздух песней напоён

Стою, гляжу на это диво,
На гимн любви для всех времён.

Хоть и велик наш шар земной,
Но нету в нем, как ты, второй!
Октябрь, и в нем день рождения,
Где станешь ты старше на год.
В глазах заблестит удивление,
Зачем жизнь быстро идет?
Зачем жизнь спешит и торопится,
Рисуя морщинки у глаз?
Любить и любимой быть хочется,
Не просто в мечтах, а сейчас,
Уж внуки становятся взрослыми,
И дочки, как розовый цвет.
Порою ты к жизни с вопросами,
Но вряд ли услышишь ответ,
И надо ль вопросами маяться,
Страдать и кого-то винить.
Ведь если нам что-то не нравится,
Судьбу не дано изменить,
Живи родниковой водою
Со счастьем в ладони своей,
Будь долго еще молодою,
Красивой, любимой, моей.

8 марта

И снова женский день 8 марта,
Открыл сегодня лист календаря,
И по-весеннему глаза искрятся ярко
У наших женщин, и, по-моему, не зря.
Извечно этой теме нету края,
Быть может, как начала у кольца,
Идет весна, гримасами играя,
А женщина – улыбка в пол-лица.
Весна, капель, Рамео и Джульетта,
Без этого нет жизни на земле,
И солнечной улыбкой согрета,
Весной любовь повсюду и везде.
Дню этому мужчины очень рады,
Как будто с глаз спадает пелена,
Подарки разные, цветы и шоколады,
А от духов кружится голова.
Все вспоминается за этот день короткий,
Влюбленность школьная и первый поцелуй,
И та девчоночка, и ты мальчишка робкий,
И школа средняя у нас в селе Тугнуй.
Спасибо женщине, что есть она на свете,
Ведь без нее мужчине не прожить,
И с мамою друзья, и, конечно, дети,
Создатель знал, должен сотворить.
Спасибо женщине, спасибо ей родимой
За все тепло в семейном очаге,
Гордимся мы Тугнуйскою долиной,
Тугнуйских женщин лучше нет нигде.
Здоровья вам, достатка и удачи,
И многих, очень многих жизни лет,
Пусть будет впереди и рядом с вами счастье,
Ну а над вами неба синий цвет.

Заведующая

Она красива и взгляд лукавый,
Всегда по ветру свой держит нос.
С рожденья лидер, и жаждет славы,
Решить стремится любой вопрос.
Чуть смуглолица и черноока,
А над глазами ресниц волна,
И то, что близко, и что далеко
Ей все понятно, как дважды два.
Характер твердый, как жесткий волос
В короткой стрижке – а-ля Тутнуй,
Приятно теплый, с истомой голос,
Порой серьезный, что не балуй.
Свежа, приятна, харизматична,
Привыкла думать, не морща лоб.
В своих решеньях дипломатична,
Уменье слушать ей так идет.
И с азиатской, улыбкой милой,
Вас будет слушать, и не прервет,
С таким вниманьем о том, что было,
Хоть не поможет, но все поймет.
Красивый голос и речь, что надо,
В руках бумажка ей не нужна,
Слова построит, как для парада
И ловко свяжет их в кружева.
И, как японка, слов не бросает,
И даже правду лишь в двух словах,
Расскажет мало, хоть много знает, -
Она такая в моих глазах.
Ее специальность - учитель-физик,
С детьми работать - ее стезя,
Но даже физик-душою лирик,-
Иначе в школе никак нельзя.

Сперва учитель, потом директор,
Но не чиновник, а педагог.
Всегда с улыбкой, всегда корректна,
Свой взгляд на жизнь и свой подход.
Директор клуба в работе новой,
Не отрицая заслуг других,
Весть темперамент, вложила в слово,
Чтоб не бывало здесь мест пустых
Не все в деревне так благозвучно,
Но в клуб сегодня идет народ.
Не только хлебом живет насущим,
Духовной пищи вкушает плод.
Хороших слов найти нетрудно,
Куда труднее их заслужить.
Вы заслужили, и я при людно
Скажу Вам Таня: «Так стоит жить!»

«Впечатления о фестивале»

Межрегиональный фестиваль,
В городе Петровске – Забайкальском,
Географию раздвинул вширь и вдаль,
От Бады до Урлука, и дальше.
Здесь Хилок, Тарбагатай, Красный Чикой,
Малета и Баляга и все, кто рядом,
Фестивальный год уже второй,
Вдохновенью нет границ и нет преграды.
И Бурятия, а в прочем, как везде,
Здесь представлена количеством не малым,
Есть Заган и Саган-Нур, Улан-Удэ
И район Мухоршибирский- запевала.
И Тугнуй, себя здесь тоже представлял,
Трое жителей участниками стали.
Вот такой географический овал

На Петровско-Забайкальском фестивале.
Фестиваль собрал таланты все и вся,
А оркестр духовой дал направление
И задорный огонек дарил не зря,
Многим он помог при выступлении.
Танцы разные и взрослых, и детей,
Ясность замысла, отточенность движения,
Глаз притягивали четкостью своей
И дарили радость наслаждения.
Выступления хоров, мед для души.
И вокал представленный серьезен.
Женщины, в хорах так хороши,
Лишь казачий лик, немного грозен.
Вокалисты, интерес и не простой,
Вызывали своей мерой исполнения,
Голоса звучали нежной чистотой
И мочал Дворец во время пения.
Музыканты, на площадке исполняли
Всем, кто слушали уменье подарив,
Зрители здесь каждому внимали,
Музыкантом, настроение разделив.
На площадке речь художественным словом,
С искренностью детской стих идет.
И у слушателей, прошлое здесь снова,
В памяти в тот же час же оживет.
За чтецов волнуются родные,
Многим, очень многим мало лет,
Здесь детишки нам себя открыли,
Потому, тут равнодушных нет.
Мастерство, искусства прикладного,
Поглядишь, чего здесь только нет,
Много тканного, ажурного, резного,
Мастера, уже солидных лет.
Осень так богата разноплодьем,
На заботу – тучный урожай.

Все растет в сибирском огороде,
Только сам все лето не зевай.
Что сказать об этом фестивале?
Только добрые, душевные слова
И спасибо всем, что нас позвали,
Всех желающих, собраться вот сюда....

*Тугнуй молодежный
к фильму на районную пасху*

В степи широкой есть село обыкновенное -
Тугнуй, Тугнуйка-речка и Тугнуйская долина:
Для нас, тугнуйцев - это место сокровенное
Прильнуло к сердцу и слилось с ним воедино.
Пейзаж неброский и знакомый нам с рождения
Ивняк по речке по обеим берегам.
А по-за речкою цветы, как наваждение
Цветущих ирисов - сиреневый туман.
Прижавшись ухом к тишине, ловлю дыхание,
Дыханье только что проснувшейся степи.
И с неба жаворонка крыльев трепетание
струится вниз, касаясь ласково щеки.
А песня жаворонка - чудо мироздания,
Как паутинка в этой утренней тиши
И трель коленцами и нежное звучание
Плывут, цепляясь за седые камыши.
Что есть дороже родины на свете?
Одно лишь слово мне знакомо, да и вам
Нет родины без мамы в человеке
И в родине мы видим наших мам.
Порою летом дождик ласковый прольется,
порою ветер, как зимою холодит.
И сердце трепетно с любовью отзовется,

Когда природа нас, как мама, наградит.
Горит заря, но солнца пока нету.
И ночь уходит быстро время торопя,
И ветер молодой, рожденный где-то
Еще не смел, как малое дитя.
А петухи, наверное, время растеряли
Их пение не слышно над селом.
А может быть привычки поменяли,
Сменив привычное ку-ка-ре-ку на сон.
Красот у нас кругом, почти не меряно,
Но главное из них Тугнуй - село.
Стоит на прочность временем проверено,
И нам с селом всем очень повезло.
Народ в селе не может жить без дела,
И выполняет то, что издревле велось.
И чтоб село людьми не оскудело,
За прошлый год 17 деток родилось.
Ведь только в семьях молодых родятся дети
И здесь жилье, как побудительный мотив,
Вот тут программы социальные в ответе,
Здесь материнский капитал - локомотив.
Программу - молодой семье квартиру,
Петров Максим с женою Ниною вошли
Жилье не стыдно показать честному миру
И в огороде - ни клочка пустой земли.
И молодые педагоги нашей школы
Нашли в селе любовь, свою семью.
И на работе - безграничные просторы,
Чтоб всех учить, не только малышню.
Учить, чтоб стыдно не было за знания,
И чтоб по всей по матушки Руси
Выпускники имели бы признание
И честь родимой школы бы несли.
И медработники у нас есть молодые
У воспитателей в детсаде свой уют.

Глядишь на них и понимаешь - вот такие
Селу свалиться в пропасть не дадут.
Активность молодых - в ряду проблемных.
Но нас вопрос этот обходит стороной.
У нас есть круг и молодых и дерзновенных
Тех, кто не любит обывательский покой.
Ведь жизнь у нас тоже не простая,
Проблемы как у всех народных масс.
Но эти люди нас к культуре приобщая,
Живут с улыбкою и зажигают нас.
Год нынешний объявлен молодежным,
Но для тугнуйцев это лозунг и не нов,
Ведь молодость всегда плечом надежным
Была для друга, для семьи, для стариков.
И клуб Тугнуйский под единое начало
К себе притягивает творческий народ.
Не ждет, чтобы команда прозвучала,
А в ногу сам со временем идет.
Такой у нас народ, такие люди
И если б я была художником от Бога
Я всех бы собрала в одном этюде
С интерпретацией великого Ван Гога.
Роднее места нет, где ты родился
И это правильно и здесь секрета нет.
И та земля, где ты ходить учился -
Твое тоонто и твой вечный амулет.
И мы беречь ее обязаны, как дети.
Беречь, как око, вот нам дедовский завет.
Все хрупко так вокруг на этом свете,
Не забывай об этом, добрый человек.
Тугнуй - одно из сел большой России.
Мы срез ее наглядный донельзя.
Забота - выжить бы и радости простые
И вера в завтрашнее светлое, друзья.

Татьянин день

Под ногами снег заснеженный
И до неба тростники,
Воздух, как бальзам процеженный
Через марлю синевы.
Вот ондатровая хатка,
В ней незапертая дверь,
Сам хозяин кругло-гладкий,
А хозяйка топ-модель.
Целый день ныряют в воду,
Корни вкусные грызут,
И не смотрят на погоду,
Им в воде комфорт, уют.
Интересно получается –
Лед замерз, как монолит,
А тростник стоит качается,
Ждет весну и сладко спит.
Здесь вороны не летают,
И сорок не видно днем,
Даже пташки не мелькают,
Лишь безмолвие кругом.
Дед Мороз седой от инея,
Где-то тут, средь тростников,
Белый снег, да небо синее,
Воздух – рубь, за пять глотков.
Тишина стоит хрустальная,
И не слышен мат родной,
Все здесь словно изначальное,
Чьей-то создано рукой.
И рогаз головкой тянется
Заглянуть за тростники,
Где колышутся, качаются
Под-над речкой тальники.

Вот следы степной лисицы,
Видите, бежит прыжком,
По ночам ей плохо спится,
С отощавшим животом.
А зима вовсю старается,
То морозит, то бодрит,
Солнце сверху улыбается –
Вот такой прекрасный вид.

Сапожки

Коля в новеньких сапожках
После дождика с дружкой
Побродить решил немножко
В луже смелым кораблем.
Лужу вдоль дощатых стенок
Всю измерили до дна
И промокли до коленок,
Лужа – тоже глубина.
Грязь на дне в соседней луже
Сапожок сняла с ноги,
Было плохо, стало хуже,
Ножки две, сапог один.
Ну а Колин друг не струсил,
Он, как смелый водолаз,
Лужу всю рукой измучил,
Но сапожек Колин спас.

Русская речь

В палисаднике березки,
А на них висят сережки,
В луже солнышка осколок,
Словно ежик без иголок.
По траве бежит ручей,
Он для всех, и он ничей,
Дождик капает с небес,
Как же он туда залез?
На крыльце стоят ботинки,
На них дремлют паутинки,
Солнце греет словно печь,
Язык русский – наша речь.

Праздник чак-чака

Татарский центр, что в селе Харашибири,
Детишек-школьников из поселенья Бом,
На мастер-класс чак-чака пригласили
И усадили всех за праздничным столом.

Стол празднично, наряжено сияет
И досок кухонных не меньше двадцати,
Ведущая нас в сказку приглашает
И просит в быт и жизнь татар войти.

Историю, культуру и обряды
И появление татар вот здесь в селе,
Музей при клубе, где предметы и наряды,
С рассказом длинным о сельчанах, о себе.

И как сюда переселились, и как жили,
И как сроднились здесь за многие года,
И вперемешку с настоящим сказки, были,
В которых суть и сущность бытия.

Здесь рассказали нам о первом появлении
Пастушкой приготовленного блюда,
И с той поры оно как символ угощения
И называется чак-чак, пастушье чудо.

И на глазах у нас творилось совершенство,
Творили тесто из размолотого злака,
Умело делали, проворно и по-женски
Полоски узкие из теста для чак-чака.

Полоски эти ребятишки все искусно,
Порезав тонко, приготовили лапшинки,
Потом их в масло, что кипело очень вкусно,
Вот так и жарились с румянцем чак-чакинки.

Потом их и с сахаром, и медом,
А после горкой на тарелки разложили,
Такое блюдо от татарского народа
С горячим чаем нас отведать пригласили.

А мастерицам благодарность и признание,
Вот это зримое общенье поколений,
Когда лицом к лицу, глаза в глаза
В проекте «Край, легендами овеванный».

Сам видишь, как творятся чудеса,
Тарелки эти очень быстро опустели,
Детей румянец на щеках и восклицанья –
Вот так оценено все то, что мы там ели.

И сей проект Дашинимаевой Татьяны
Заслуживает всяческих похвал,
Он дополняет, чтобы не было изъяна,
Того, что кто-то детям недодал.

Она заведует Тугнуйским сельским клубом,
Не просто клуб, а Дом культуры на селе,
Входящему сюда он станет другом,
И вас прекрасным удивит во всей красе.

Расскажет вам приятной музыкою в уши
О тех легендах, что покрыты сединой,
Но лучше посмотреть, чем просто слушать,
Мы дети родины любимой и родной.

Об этих детях я писал, и не однажды,
Они в приемных семьях рядом, в Боме,
Для них национальность не суть важна,
Лишь было бы тепло, да счастье в доме.

Встречали нас хозяева радушно,
Рассказывали сказку, красиво пели,
И увлекательно нам было и нескучно,
И угощение чак-чак со вкусом съели.

Но с поправкой сегодня на Харашибирь,
В переводе с татарского чак-чак
Ханско-царская еда означает,
Есть начнешь, рот растянется вширь.

Угощенье едят только рукою,
Здесь не нужен столовый прибор,
Чтобы видели все, тут за общей едою
Мысли, руки чисты, как и чист разговор.

Осень

Порой сентябрьскою осень, словно маг,
Природу нарядив, как на свиданье,
Шепнула, не спеши к ней, листопад,
Ведь все равно придешь без опоздания.
Пусть зрелой женщиной природа поживет,
Ведь все так молодо и зелено весною,
А лето скоротечно промелькнет,
И незаметно мы придем с тобою.
И бабье лето для природы благодать,
Как маков цвет она пылает от смущения,
И люди в это время ей под стать
Через духовное проходят очищение.
Сегодня вновь в моей ограде листопад,
Цветным узором листья на землю ложатся,
Но лечь на землю они сразу не спешат,
Прощаясь с летом, в танцах осени кружатся.
Партнер у листьев – ветер молодой
С характером задиристо-игривым,
Родившись под сентябрьской звездой,
Он носится мустангом долгогривым.
А грива, словно пламенем огня,
То кверху рвется и, смеясь, ликует,
То снова книзу, будто б дразня
Тех, кто узоры на земле рисуют.
Осенний ветер весь напористо-хмельной,
Все то, что на пути возьмет до кучи,
И так закружит листья он порой,
Что кажется, ничто их не разлучит.
Но, наигравшись, он утратит интерес
И, бросив листья, вновь помчит куда-то,
А листья, тихо падая с небес,
На землю лягут как-то виновато.

И заторопится землю принарядить,
Ковром осенним и душевными словами,
И как же листопад нам не любить,
Все краски осени под нашими ногами.
И кружит голову мне тот же листопад,
То ли давление наверх или упало,
Слова невнятные, к тому же невпопад
Сорвавших губ летят куда попало.
Ведь до весны природа будет отдыхать,
Поверх листвы укрывшись снежным одеялом,
И нам о лете будет лишь напоминать
Плечо, покрытое коричневым загаром.
И вкус малины позабыть нам нелегко,
Он на губах смолой янтарной застывает,
И вот предзимья до весны так далеко,
Но каждый день к весне нас приближает.
В узорах осени большущие глаза,
Глаза раскосые, совсем как у бурятки,
И красно-рыжие, с багрянцем волоса,
Как на картинке первоклассника в тетрадке.
Слова ажурные, такая же листва,
Они исчезнувшему лету, как награда,
И не понять уже, где листья, где слова,
Переплетенные в узорах листопада.
Тоска в груди, как комариное нытье,
И можно было бы о ней не говорить,
Но так устроено ведь наше бытие,
Печаль и радость, как всегда, не разделить.

Осенний закат

Горит закат над стадионом,
Большим костром пылает даль,
Закат, родившийся за Бомом,
Угаснет сам, неся печаль.
Печаль от птичьих расставаний,
Печаль, что падает листва,
Во всем сквозит напоминанье,
Что вслед за осенью зима.
Горит закат, горит брутально,
Сегодня жар, а не потом,
А утром лед звенит хрустально
Под наступившим каблуком.
Уж догорит закат осенний,
Уйдет во тьму, сливаясь с ней,
Когда-то Пушкин русский гений
Смотрел их с нянею своей.
Любил он осень, несомненно,
Ведь летом мухи, комары,
Писал о ней проникновенно,
О том, что лучшей нет поры.
Предзимье движется набегом,
Природа дремлет, сон сморил,
Она спешит укрыться снегом,
Уснув, набраться новых сил.
Тем это время интересней,
Что в царство сна открыта дверь,
Родимый край звенящей песней
В душе, как жаворонка трель.

Содержание

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА.....	4
Юбилею Тугнуя.....	4
Мухоршибирь	14
Женщинам Тугнуя	15
Труженикам тыла.....	16
Хлеб послевоенный	18
Тугнуйские соловьи	19
Детство.....	20
Лето.....	23
Сенокос.....	25
Комбайн.....	25
Тугнуй.	26
Вступление в жизнь.....	27
За черемшой	28
Тишина да туман над водою.....	30
Столяра.....	31
Брянка.....	35
Селезень.....	41
Сегодня Брянке, как селу – сто пятьдесят	42
Тугнуйская лыжня России.....	47
Граница	48
Баин - Хара.....	49
Я то еду, то шагаю	58
Мыс.....	59
Брянка.....	60
Женя Манзанов	61
Лебеди	63
МОИМ ДОРОГИМ ЗЕМЛЯКАМ ПОСВЯЩАЮ	65
И. Калашников.....	65

К портрету земляка	68
Кремлевская елка	69
Покров	71
Клуб «Селянка».....	74
КРАЙ СОКРОВИЩ ЗЕМНЫХ НЕОБЪЯТНЫЙ.....	77
Сказание о Тугнуйской геологоразведочной партии, открывший залежи каменного угля в Тугнуйской долине	77
Столетию со дня разгрома японских оккупантов на Мухоршибирской земле, посвящается это стихотворение.....	90
И В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ НАВСЕГДА.....	101
К битве под Москвой	101
А тишина над речкой Бугом метрономом... ..	103
Мальчишкам безусым, в бессмертие ушедшим навсегда ПОСВЯЩАЮ... ..	105
А тишина над речкой Бугом метрономом... ..	107
Журавли на митинге.....	107
Помним и гордимся.....	108
Вдовы.....	119
Памятные плиты	120
Немецкой каски хмурый вид,	123
Сотворение Байкала.....	127
Старый новый год.....	129
Сагаалган.....	130
Кот.....	134
Вечер на озере	136
Приёмные семьи.....	138
Мат	139
Провыбиралась.....	140
Весна в тайге.....	141
Весна.....	143
Пиявки	143

Сплетни	145
Осенний вечер	146
Быт	146
Малина.....	147
День пожилых	148
Солнце.....	150
Луга	151
Охота.....	152
Черёмуха.....	153
Ирисы.....	154
О матери	155
Юность.....	156
Наполеон	157
Пороки	161
Результат анализов	162
Масленица.....	163
Первая охота.....	167
Журавли	169
Новый год	170
Печенье	170
Не отвлекайся	171
С похмелья	172
Раздумья.....	172
Картошка.....	173
Нерест	173
Зимние размышления	174
Виденье	175
Самолёт.....	175
Рыбалка на льду.....	176
Чингисхан	177
Одуванчики	178
Ирисы нежные	178
Запреты на аборт.....	179
Сарафанчик	180

Охота на изюбря.....	180
Снегири.....	182
Пчела	183
Гроза	184
Измена.....	185
Утиная охота	186
Осень	187
Потрясатель Вселенной	188
Сказка.....	189
Лечение	190
Сосёнки	190
Первый класс.....	191
Лесная кикимора	193
Скандинавская ходьба	194
Прогулка.....	195
Танцы журавлей	196
Поздравление к 8 марта.....	197
Снегопад.....	198
Озёрная дорога	199
Герань	200
Билет в прошлое.....	201
О вечном.....	203
Хоть и велик наш шар земной,	204
8 марта	205
Заведующая	206
«Впечатления о фестивале»	207
Тугнуй молодежный к фильму на районную пасху.....	209
Татьянин день	212
Сапожки	213
Русская речь	214
Праздник чак-чака	214
Осень	217
Осенний закат	219

16+

Рычков В.Д.

ЖИТЬ- ЭТО ЗДОРОВО!

СБОРНИК СТИХОВ

Отпечатано в ООО «НоваПринт». Республика Бурятия, г.Улан-Удэ, ул.

Балтахинова, 15, оф. 501.

Тел.: 8 (3012) 212-552, 212-220, 211-155.

Тираж 300 экз. Заказ №1353.